

18+

АЛЕКСЕЙ РЕЗНИК

#ЦИФРОВОЙ_ ЭКОНОМИКИ.NET

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Алексей Резник

#Цифровой_экономики.NET

«Издательские решения»

Резник А. П.

#Цифровой_экономики.NET / А. П. Резник — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986182-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Главный герой фантастического романа «#Цифровой экономики.NET» — талантливый и преуспевающий ИТ-бизнесмен, и его хочет во что бы то ни стало уничтожить древнее Зло, продолжающее существовать в нашем мире в виде коварной, глубоко завуалированной современной российской теневой «Системы». В какой-то степени роман «#Цифровой экономики.NET» является романом-предупреждением для всех молодых, энергичных, талантливых и креативных ИТ-специалистов.

ISBN 978-5-44-986182-5

© Резник А. П.

© Издательские решения

Содержание

От Автора	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Суп «Фо-бо». 13.09.19 г., 13 ч. 01 мин. Москва, Никольская улица, дом 10	9
ГЛАВА ВТОРАЯ. Счастливое далекое прошлое. Учеба в Университете. «Подарок «халдейских мудрецов»	23
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Окончание Университета. «Причащение к Ай-Ти»	32
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Работа в Администрации Тверской области. Командировка в Торжок. Мечты о будущем	52
ГЛАВА ПЯТАЯ. Москва. Поиски достойной работы	55
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Корпорация «Арктические Танкера»	62
Конец ознакомительного фрагмента.	71

#Цифровой_экономики.NET

Алексей Петрович Резник

Иллюстратор Sergey Vinogradov | Unsplash.com

Фотограф Хаджимурад Ахмедович Магомедов

Редактор Александр Юрьевич Чесалов

Дизайнер обложки Александр Юрьевич Чесалов

© Алексей Петрович Резник, 2024

© Sergey Vinogradov | Unsplash.com, иллюстрации, 2024

© Хаджимурад Ахмедович Магомедов, фотографии, 2024

© Александр Юрьевич Чесалов, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-4498-6182-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От Автора

Осенью 2019 года я познакомился с человеком из мира Информационных Технологий (или, как сейчас говорят, «ИТ») – очень ярким и талантливым ученым-экспериментатором, чьи успехи в ИТ-бизнесе всегда основывались, исключительно, на его многолетнем опыте работы в предметной области, собственных неординарных идеях, научно-практических разработках и изобретениях.

Его зовут Александр Юрьевич Чесалов.

Во время нашей с Александром Юрьевичем первой встречи, по ходу которой он подробно рассказал о себе, меня сильно поразило вопиющее, скажем так, несоответствие между интеллектуальными и морально-волевыми качествами моего нового знакомого из «Мира ИТ» и той «гиблой» ситуацией, каковая однажды внезапно «образовалась» в его жизни и научно-производственной деятельности, чьи плоды всегда приносили несомненную огромную пользу нашей Родине.

Мой новый знакомый был крупным ученым и великолепным рассказчиком, и поэтому не было ничего удивительного в том, что после первой же беседы с ним, волшебный «Мир ИТ» и все, что с ним оказалось связанным, не просто заинтриговал меня, но и, по-настоящему, «зажег».

Наше знакомство с этим человеком не оказалось случайным и «проходным» – «первыми и последними переговорами» в нашей жизни. Впоследствии мы встречались еще не единожды, и каждый раз, по ходу этих встреч, я «открывал» для себя все новые и новые горизонты «вселенной» ИТ, все безогляднее и глубже «погружаясь» в непростое понимание самой сути четвертой промышленной революции и ее удивительных технологий, чье повсеместное скорейшее введение во все сферы жизни несомненно сделало бы саму эту жизнь гораздо более счастливой.

Для меня, конечно же, многое было непонятно в этом, постепенно «открываемом» моему мысленному взору «ИТ-пространстве» и, прежде всего, меня волновал главный принципиальный вопрос: каким образом все эти «технологии будущего» – от «робототехники» и «искусственного интеллекта» до «цифровых платформ» и «цифровой экономики», способны кардинально и неузнаваемо изменить наш мир к лучшему, причем, изменить в очень короткие исторические сроки?!

Безусловно, что больше всего меня заинтересовало все то, что связано с темами «искусственного интеллекта» и «цифрового человеческого бессмертия», над которыми в настоящий момент много и напряженно работает мой собеседник и ведет популяризационную и научно-исследовательскую работу.

Однако, как, неспроста однажды было сказано: «Не все спокойно в Датском королевстве», со временем я открыл для себя и другие, совершенно неожиданные, аспекты «мира ИТ». И мой собеседник рассказал мне предельно драматическую историю, случившуюся не так давно в его жизни. История эта, оказалась, напрямую связанна с «темной стороной» сферы «ИТ-бизнеса» ... Мне пришлось во всех мельчайших подробностях, как бы мне это ни было психологически тяжело, изучить механизм действия ловушки «человеческой подлости», эффективно действующей в специфическом сегменте современного российского «ИТ-бизнеса», в которую угодил мой честный и талантливый, но очень некогда наивный знакомый. Там, где «крутятся» многомиллионные суммы в «долларовом эквиваленте», там всегда заводятся «злые демоны», искусно замаскированные под «бизнес-ангелов» и «добрых и обаятельных людей»!

Главным достоинством наиболее высокотехнологичного бизнеса в мире – «бизнеса ИТ», является та «легкость» в буквальном смысле этого слова, при помощи каковой (одним лишь нажатием пальца оператора на компьютерную «мышку») на «свет Божий» могут появиться,

как честно заработанные гигантские состояния, так и осуществляться грандиозные по масштабам многомиллионные банальные «кражи» чужих денег! ИТ-махинации производятся дерзко, неожиданно и молниеносно, во всех случаях «молниеносно» и, часто, непоправимо ломая судьбы ни в чем не повинных ИТ-специалистов, заранее выбранных «авторами» этих махинаций в качестве потенциальных жертв – «агнецов на заклание». В ИТ-бизнесе «плавают» самые «легкие деньги» во всем мире, так как «делаются» они, как бы – из «ничего» – из невидимого, не осязаемого и не обоняемого «виртуального пространства». «Бах!!!» и, «фью-ю-и-и!!!» – куда-то, меньше чем за секунду, «улетели» двенадцать миллионов долларов!

И, это только – «присказка», а «сказка» – впереди!

Так из наших встреч, и подробных рассказов о, глубоко драматической судьбе моего знакомого, родился сюжет этого фантастического романа, которому, после долгих раздумий, я решил дать название: «#Цифровой_экономики.NET».

Вариантов названия у меня много вертелось в голове, но я счел необходимым дать, именно, такое – современное «высокотехнологичное» название, как дань уважения ко всем честным трудолюбивым и порядочным людям, работающим в сфере Информационных Технологий. К тому же это название содержит в себе некий завуалированный, но несложный логический код, который отражает реальный смысл всех сегодняшних нововведений и перемен в нашем обществе и России в целом.

По сути, весь этот роман, в какой-то степени, является «кодом айтишника», «расшифровывать» который предстоит любознательному читателю, по мере незаметного, но глубокого «погружения» в увлекательный и поучительный сюжет романа...

Собственно, этот роман, «выставленный» на суд читателю, раскрывает один из многочисленных эпизодов извечной борьбы Добра со Злом, происходящий в наши дни в Москве, но, имеющий свои, очень глубокие хронологические корни, причем – в местах, весьма отдаленных от Москвы, и в этом утверждении, как делается абсолютно ясно из прочтения романа, нет никакой фантастики, а, тем более – мистики!

Главный герой романа «#Цифровой_экономики.NET» – талантливый и преуспевающий ИТ-бизнесмен, являющийся ярким представителем российского «ИТ-бизнеса», или, если будет угодно читателю – «сил Добра». И моего героя хочет, во, что бы то ни стало уничтожить древнее Зло, продолжающее существовать в нашем мире в виде коварной, глубоко завуалированной, современной российской теневой «системы», которой он сделал вызов уже одним только фактом своего существования и своей бескорыстной деятельностью на пользу всему человечеству!

Роман «#Цифровой_экономики.NET», это – размышления о судьбе ученого-экспериментатора и удачливого ИТ-бизнесмена, безоглядно решившего посвятить свою жизнь «миру Информационных Технологий», немало преуспевшим на этом «славном поприще», но, неожиданно – на пике своей блестящей карьеры угодившим в коварную ловушку, расставленную «древними злобными демонами», явившимися «по его душу» из далекого «древнешумерского прошлого», на поверку оказавшимся одной из причудливых ипостасей «современного российского настоящего».

Мой роман, как бы я горячо ни желал этого, не получился классической американской «историей успеха» или увлекательным фантастическим «боевиком-детективом», закончившимся бы обязательным «хеппи-эндом». Роман «#Цифровой_экономики.NET», это – полное глубокого жизненного драматизма, художественное исследование судьбы одаренного «айтишника» в современной России.

По мере погружения в сюжет, вы поймете, что большинство «айтишников» в современной России ждет, как правило, очень непростая судьба! И этим самым «айтишникам» в современной России, как никому другому, нужно быть постоянно «настороже» – «держат ухо востро» и ни на минуту не расслабляться, если они собираются погрузиться в мир «ИТ-бизнеса» – в мир «бизнеса по-русски»!

В какой-то степени мой роман является романом-«предупреждением» для всех молодых, энергичных, талантливых и креативных ИТ-специалистов. Это не только предупреждение, но и назидание-памятка, ясно, ярко, точно и доходчиво показывающая читателю – насколько важно всегда помнить о том, что на каких бы «заоблачных» высотах общественно-политической или экономической жизни ни оказался бы обычный человек, и, в каких-бы, самых «зловонных и глубоких» «выгребных ямах» «социального дна» он бы ни очутился по причине коварных происков могущественных врагов или благодаря собственным ошибкам, всегда и везде он должен вести себя, как и подобает высокому званию «человек разумный» – «человек достойный»!...

«Красной нитью» через все перипетии сюжета романа проходит основная подспудная мысль автора о том, что уникальный феномен «человеческой мысли», сам по себе, бессмертен и неуничтожим – несмотря на всю целенаправленную мощь Мирового Зла, проявляющего себя в самых различных и отвратительных видах, постоянно расставляющего хитроумные западни и капканы на пути непрерывного и стремительного полета человеческой мечты из тьмы веков глубокой древности в фантастическое светлое «цифровое будущее»...

...Оглядываясь в недалекое прошлое на полгода назад, я прихожу к неопровержимому выводу о том, что написать роман, посвященный судьбе отдельно взятого «айтишника», в частности, и – об Информационных Технологиях, по большому счету, мне было предопределено все той же моей собственной судьбой, и никак – иначе...

В заключении я также хочу обратить внимание читателя на то, что, несмотря на некоторую, казалось бы, «фантастичность» или «фантазмагоричность» всего сюжета, предлагаемый вниманию читателей роман основан исключительно на реальных событиях, чье беспристрастное правдивое изложение, сопряжено лишь с изменением названий, упоминаемых в нем наименований компаний и имен действующих лиц. Сделано это в целях соблюдения формальной этики и элементарной вежливости. Любые совпадения с названиями компаний или организаций, а также – с именами и фамилиями, являются случайными и непреднамеренными.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Суп «Фо-бо». 13.09.19 г., 13 ч. 01 мин. Москва, Никольская улица, дом 10

«Во „Вьеткафе“ на Никольской улице всю работу кондиционеры, так как снаружи, несмотря на середину сентября, стояла настоящая июльская жара. Было в этом просторном гулком заведении все для меня необычно, красочно и очень экзотично»...

То, что я написал выше, явилось первыми строками моего нового прозаического произведения. Я напечатал их пять минут назад – напечатал и сразу успокоился по той простой причине, что теперь у меня появилось «начало» романа, который мне заказал один уважаемый человек.

А еще десять минут назад я и представления не имел – с чего же мне, все-таки начинать свое новое произведение, а теперь вот знаю, и, более того, мне теперь стало совершенно ясно – в каком стратегическом направлении начнет саморазвиваться дальнейшая сюжетная линия романа!.. Но с «красной строки» я все же немного напишу о себе, что бы не получилось уж совсем: «С бухты...», как говорится, «баракты»!...

...Меня зовут Константин Боровин, я профессиональный журналист, потерявший много лет назад постоянное жилье и постоянную работу, и, попал я сюда, в это кафе, впервые в жизни несмотря на то, что «прожил» в Москве, без малого, уже целых десять лет. Хотя и, справедливости ради, следует сразу добавить, что в Москве, естественно, кроме этого кафе оставалось немало мест, где также не ступала моя нога, да, и, положив «руку на сердце», никогда, наверное, и не ступит. Да и Бог с ними, как говорится, «со всеми» гастрономическими, равно, как и не гастрономическими, достопримечательностями Москвы – этот «пролог» я начал сочинять вовсе не для того, чтобы пожаловаться на невозможность для себя посетить когда-нибудь со временем все, достойные специального внимания вечно голодного человека, «общепитовские» «точки» столицы России. Речь у меня с «красной строки» пойдет совсем о других – об очень серьезных вещах (гораздо более серьезных, чем почти бесчисленное множество вьетнамских, равно, как и японских, китайских и, даже, индийских и филиппинских кафе, и ресторанов, без счету «рассыпавшихся» («как горох из худого сита») по всей территории громадного мегаполиса...).

В это вьетнамское кафе меня неожиданно пригласил доктор технических наук, Александр Юрьевич Черкасов, с которым меня однажды, где-то, год назад, познакомил мой бывший студент, Олег Б. Я, правда, не могу с полной уверенностью, положив руку на сердце, сказать, что у меня когда-то в прошлом были студенты, но Олег, случайно повстречавший меня однажды на улицах Москвы, утверждает, что так оно и есть – он, точно, был когда-то моим студентом, которому я когда-то давно преподавал «марксизм-ленинизм»! Ну да и Бог же с ним, с «марксизмом-ленинизмом», ибо я опять отвлекаюсь от начавшегося описания основной сюжетной линии этой главы – от описания обеда в кафе настоящей «вьетнамской кухни»...

...Точнее, Александр Юрьевич пригласил меня сюда не пообедать, а, прежде всего, поговорить на одну серьезную тему (по ходу обеда, естественно), настоятельная потребность в обстоятельном разговоре на которую у него давно уже созрела – много месяцев назад, но он никогда и никому ее еще не озвучивал, а тут, вдруг, довольно неожиданно взял и сказал мне, что ищет профессионально пишущего человека, который реально мог бы помочь ему в практическом осуществлении задуманного им творческого проекта.

В моей трудовой книжке последняя запись о «постоянном месте работы» гласила про меня, что я являюсь «редактором «высшей категории» отдела прозы центрального республиканского художественно-публицистического журнала одной из бывших «братских советских» среднеазиатских республик, и сделана была эта запись двадцать восемь лет назад – в далеком

1991-ом году. Тот, теперь, уже, бесконечно далекий год явился последним счастливым годом моей жизни, точно также, как и выше процитированная «запись» оказалась финальной моей официальной «записью» в «трудовой книжке», более чем красноречиво свидетельствующей о том, что «легальная» летопись моей «трудовой биографии» оказалась прерванной, словно «ножом отрезанной» – беспощадно и совершенно внезапно. Далее, если, конечно, так можно выразиться, для меня начиналась полная «трудовая амнезия», состоявшая из одних сплошных «отрывков» и «обрывков» больных и смутных полу-воспоминаний о том, что где-то и когда-то я упорно работал, работал и работал, пока... не поскользнулся и не сорвался в, взявшуюся из «ниоткуда», бездонную пропасть и летел, и летел в нее все эти годы, беспрестанно беспорядочно кувыряясь через голову, пытаюсь ухватиться руками за какое-то подобие стабильности, на поверку упрямо оказывавшееся воздухом. Я постоянно что-то пытался вспомнить на протяжении всех этих, «ухнувших» в пустоту, лет – что-то очень важное, разом бы объяснившее причины моего внезапного «падения в пропасть». Постоянно мелькало в памяти ухмыляющееся лицо какого-то американца («всамделишнего» гражданина США, состоявшего из точно такой же плоти и крови, из каких состоял, и я сам), но ясно черты этого «американского» лица я не мог вспомнить, как ни пытался. Кому-то я круто «насолил» в этой «грёбанной» Америке, сделался перед кем-то виноватым, но никакого осознанного «чувства вины», тем не менее, за собой не чувствовал. Довольно ясно помню какую-то очень самоуверенную и очень наглую бабу-американку, что-то мне строго «втиравшую» насчет того, что я – не американец, а – обыкновенный «сэ-эн-гэшный» «козел» без роду и племени, и какого «хера» я забрел в Американское посольство (?!), эта баба совсем не понимала!!! Да, этот разговор происходил в посольстве США в Бишкеке – я пришел туда попытаться узнать кое-что важное для себя, но меня оттуда сразу «выперли», не дав ничего выяснить из того, про что я так сильно мечтал услышать «из первых уст»! Помню, что настроение мне в этом посольстве «подпортили», просто, «убойно» – так «убойно», как никогда до этого мне его никто и никогда не портил! Наверное, мне его не «испортили», а, именно – «убили», потому что с тех пор, как я побывал в этом «звездно-полосатом» посольстве, нормальное настроение ко мне ни разу не возвращалось, решив, видимо, навсегда «остаться» под крышей американского посольства, среди сотрудников которого, как известно, ни у кого и никогда не бывает плохого настроения, а только – хорошее! А мое «настроение» чем, в конце-то концов, хуже остальных «настроений» – вот оно и решило там навсегда поселиться, чтобы никогда не возвращаться «внутри» меня, где ему не светило никаких шансов когда-нибудь «подняться»!.. Ну, да и Бог же, опять, с ними со всеми, с американцами и американками – не о них сейчас разговор, а о том, что, спустя много лет после того визита в американское посольство в Бишкеке, мне, все-таки, неожиданно сильно повезло и у меня появился шикарный шанс прекратить безостановочное «падение в пропасть» – на его каменистое дно, о которое я бы обязательно «вдребезги разбился», и жизнь моя бы закончилась столь жалким и незаметным образом, уже, окончательно и бесповоротно...

Возможно, что я и «сгущаю краски», описывающие мою нынешнюю «жизненную ситуацию», но во вьетнамское кафе на Никольской улице в час дня 13-го сентября 2019-го года я зашел, пребывая, именно, в таком, весьма – «не мажорном», а не в каком-либо ином умонастроении и мировосприятии. Не то, чтобы я окончательно отчаялся и разуверился в собственном светлом будущем, как – в близком, так и – в далеком, но, как тут ни крути, «жил» я последние несколько лет по наиболее оптимальному принципу: «одним днем», ибо, в противном случае, я бы, как мне вполне справедливо кажется, давным бы давно «свихнулся» или бы «спился», как мои многочисленные маргинальные московские знакомые без определенного места жительства и занятий, рано или поздно попадающие в печи, так называемого московского «крематория №1» – для бездомных, неустановленных и никем невостребованных, по истечении положенного срока хранения, из морга, короче – «неприкаянных» «гомо сапиен-

сов». Однако, все-таки, следует признать, что я сам себе противоречу, утверждая, что последние несколько лет я «жил» «одним днем» – последние несколько лет я не «жил», потому что «де юре», и, даже, «де факто» меня «не было» на «этом свете», и меня «выудили» «наружу» из какой-то, всеми забытой, «свалки», на которой я и обрелся в качестве крупного «мусорного обломка», потерявшего всякое представление о собственной индивидуальности и таком понятии, как «человеческое достоинство»...

...Итак, во «Вьеткафе» зашел я не один, а в сопровождении, как я уже упомянул выше, пригласившего меня сюда для «серьезного разговора», доктора технических наук, Александра Юрьевича Черкасова – одного из ведущих российских специалистов в области Информационных Технологий.

Предстоящий разговор каким-то, пока еще непонятным мне образом, должен был быть оказаться связанным с моими редакторскими способностями и навыками, оказавшимися не растерянными мною, несмотря на все мои «житейские невзгоды», за последние двадцать восемь лет «небытия». Ясно и точно, в своем настоящем нынешнем качестве, я осознавал только три вещи: до июня 1991-года я «был» на этом свете; с июня 1991 года и по сентябрь 2019 года меня «не было» на этом свете; в сентябре 2019 года меня извлекли из призрачного мира, так называемых «Замороженных Строек», то есть я опять очутился на «этом свете» и меня вновь «материализовали», внушив мне, что я сумею справиться с предложенным мне, условно говоря, «творческим заданием». Или, если так можно выразиться с «ТЗ»...

...С этой, очередной «красной строки», я окончательно осознал, что отвлекаться на анализ своего собственного прошлого и тратить на это драгоценное время я больше не имею морального права, а, потому целиком и полностью «переношусь» в сентябрьский, по-летнему, теплый и солнечный день тринадцатого сентября две тысячи девятнадцатого года от Рождества Христова, и, именно, в ту секунду, когда мы с Александром Юрьевичем переступили порог гостеприимного вьетнамского кафе, сразу попав из полуденного сентябрьского солнечного зноя в кондиционную прохладу классического «индокитайского кулинарного рая», встретившего нас традиционными ароматами вьетнамской национальной кухни. Настроение у меня резко изменилось к лучшему, тем более что, первым делом, внимательный и проницательный (в силу безупречности полученного воспитания) Александр Юрьевич предложил мне выбрать любое из, предлагаемых местной ресторанной кухней, национальных вьетнамских блюд, ненавязчиво порекомендовав попробовать классический вьетнамский суп «Фо».

– Олега Б. я как-то уговорил зайти в это кафе пообедать, так он с тех пор так и «подсел» на «вьетнамскую кухню»! В любом случае – она ему очень нравится! – мимоходом успел сообщить мне Александр Юрьевич, пока мы занимали очередь перед раздаточной стойкой. – У него здесь, по-моему, даже, появились любимые фирменные блюда – что-то типа «жареной кобры по Хо-ши-мински»! «Убойная», совершенно, штука!

Я только головой покачал, услышав о таком необычном кулинарном пристрастии Олега, и машинально переспросил у Александра Юрьевича:

– В каком смысле – «убойная»?!

– В смысле – очень острая и пряная! Аж «дух захватывает»! Я один раз взял для интереса, и с тех пор – ни-ни-ни! На любителя, короче! А, Олег же – уроженец Средней Азии привык, видимо, с самого детства к специфическим острым блюдам! К тому же он воевал горах Афганистана и ему через многое пришлось пройти!

– Да, здесь я с вами, Александр Юрьевич согласен на все сто! – и, сам не зная зачем, добавил, почти «ни к селу, ни к городу»: – Как сказал когда-то Александр Македонский: «Афганистан можно «пройти», но его нельзя «покорить»! Вот Олег и «прошел» Афганистан «вдоль и поперек».

– Олег мне рассказывал, что вы, Константин были его преподавателем в институте?!

– Да-а..., – неопределенно «протянул» я: – Если говорит, то, значит, и, вправду – был...

Александр Юрьевич коротко посмотрел на меня оценивающим взглядом, но ничего уточнять не стал, а я, в свою очередь, изо всех сил напряг свою память, но.... «частичная амнезия неясной этиологии» – вещь довольно серьезная, и..., в общем, я, как ни пытался, не смог вспомнить Олега, сидевшего за партой в учебной аудитории».

Но, с другой стороны, я «руку мог бы дать на отсечение», утверждая, что Олег Б. был для меня человеком далеко «не чужим»! В Москве мы как-то раз с ним случайно встретились на улице снежным зимним вечером у метро Смоленская, и он мне оставил свои контактные данные, чтобы я ему звонил иногда, так сказать, в «случае чего» – «мало ли что» могло со мной приключиться в чужом огромном «мегаполисе»? С годами общение между мною и Олегом в Москве приобрело более-менее регулярный характер и он со временем, вообще, сделался для меня почти незаменимым человеком. Олег всегда с искренним равнодушием относился к любой моей просьбе, вызванной той либо иной проблемой, как объективного, так и субъективного характера. Поэтому я, не менее искренне, переживал, если у него что-то начинало идти «наперекосяк» или, короче, вообще, шло совсем не так, как было им запланировано первоначально. В любом случае, я был уверен, что от «хорошей жизни» человек просто так не «подсядет» на «жареную кобру», хоть, даже, и – «по Хошимински». Лично я увидел в названии этого «национального вьетнамского блюда», скорее – не кулинарный, а – политический подтекст, и, что тут подразумевалось под «жареной коброй», порционно выложенной на «обеденное блюдо» с точки зрения того же Хо-Ши-Мина, так над этим нужно было бы еще хорошенько поразмыслить! Кого бы, в первую очередь, в «зажаренном виде» с огромным бы удовольствием съел бы «товарищ Хо-Ши-Мин», и, костей бы не оставил», неужели – смертельно ядовитую, но безопасную лично для него, «королевскую» кобру? Вот то-то и оно – у Хо-Ши-Мина имелись враги, гораздо более опасные, чем все кобры мира, вместе взятые!

Кстати, лично самого Хошимина я еще с детских времен глубоко уважал, как «пламенного и негнбимого» борца с американским империализмом, и уважение это пронес через всю свою сознательную жизнь вплоть вот до этого, описываемого мною, тринадцатого сентября две тысячи девятнадцатого года.

Услышав от Александра Юрьевича название столь оригинального вьетнамского кулинарного рецепта, я еще больше стал уважать Хошимина вместе со всеми его гастрономическими пристрастиями и, более того – машинально и моментально пришел к выводу, что человек, чья страна и армия сумели выстоять в девятилетней борьбе против всей военной мощи США, не мог не питаться в те тяжелые годы ничем иным, кроме, как мясом кобр, питонов, крокодилов и – других, подобным им, хищных и опасных тварей, живущих в индокитайских джунглях. А иначе ему никак нельзя было поддерживать в себе решительность и стойкость среди сырых заболоченных малярийных джунглей под открытым небом, откуда беспрестанно на головы негнбимых солдат «вьетконга» сыпались американские авиабомбы с самыми разнообразными видами воистину дьявольских начинок. Против «американских дьяволов» можно было выстоять, лишь обладая молниеносной реакцией кобры, силой питона, и – коварством крокодила.

Таким вот, логически непредсказуемым, образом, невольно и машинально размышляя о, глубокоуважаемом мною, Хошимине, я внезапно увидел в глубине просторного помещения ресторанной кухни пожилого, худощавого вьетнамца, под ежиком совершенно седых волос которого светились незаурядным умом и молодым задором глаза кофейного цвета, органично дополненные характерным «анамским» разрезом, который нельзя было спутать ни с чьим другим «антропологическим глазным разрезом». Возможно, что я так пристально смотрел на старшего повара или администратора, а может мне «посчастливилось» увидеть самого хозяина этого симпатичного кафе. Мне неожиданно почудилось, что пожилой вьетнамец с живым интересом, понятным ему одному, рассматривал из всей очереди только меня и Александра Юрьевича. Впрочем, спустя пару секунд он исчез в глубине обширной кухни, и я о нем почти сразу

забыл – до тех пор, пока он сам о себе не напомнил спустя несколько десятков минут, когда мы уже отобедали с Александром Юрьевичем, все необходимое обсудили и собирались выйти на Никольскую улицу.

Пока я «играл» в «переглядки» с загадочным уроженцем Аннамских гор, Александр Юрьевич успел сделать окончательный выбор в предлагаемом «меню» и, спустя минуту мы с ним уже сидели за одним из деревянных столов заведения, и я внимательно слушал короткую лекцию доктора технических наук Черкасова о том, как правильно кушать «Фо-бо». Вернее – как это делать комфортно и безопасно. Главная проблема для непривычного среднеевропейского организма заключалась в экзотичности данного блюда. Так или иначе, но вьетнамская кухня родилась в тропическом климате, и ее главная профилактическая особенность состояла в предельной остроте применяющихся многочисленных приправ.

У меня уже давненько «пошаливали» печень и почки, поэтому выслушал я наставления и рекомендации Александра Юрьевича прилежно и внимательно, ничего не упустив из виду. А еще я машинально заметил по, укоренившейся во мне многолетней журналистской привычке обращать внимание на каждую мелочь, выражение, постоянно царившее в глазах доктора Черкасова – чем-то оно мне неуловимо напоминало выражение взгляда пожилого вьетнамца, внимательно разглядывавшего нас из глубины помещения ресторанной кухни, и который, судя по возрасту, запросто мог пройти («захватить») те девять лет знаменитой «войны во Вьетнаме». Собственно, пока это были лишь беспочвенные и, не применимые на практике, мои собственные фантазии, порождаемые богатым от природы воображением. Но выражение взгляда Александра Юрьевича меня не могло не тревожить, и я заранее настроил себя на то, что суть его личной проблемы окажется весьма, мягко говоря, «нетривиальной».

Я чувствовал, что неудержимо и стремительно приближается та минута, когда о достоинствах и свойствах супа «Фо-бо» окажется сказанным все, что о нем было можно сказать ради соблюдения общепринятых приличий, и наступит необходимость начинать разговор по существу той проблемы, ради обсуждения которой мы и встретились сегодня с в этом вьетнамском кафе. Еще я чисто машинально подумал о том, что, если бы к нам неожиданно присоединился бы инициатор нашего с Александром Юрьевичем знакомства, Олег Б., то психологически мне бы сделалось, наверное, несколько легче. Но, с другой стороны, нельзя было не отметить, что мой собеседник делал все возможное, чтобы создать максимум психологического комфорта в атмосфере предстоящего разговора. У меня, честно говоря, и у самого на душе давно уже «кошки скребли» в результате ряда событий, основательно «встряхнувших» мою центральную нервную систему за последние несколько недель моей нелегкой московской жизни. Но я, тем не менее, постарался максимально сконцентрироваться, исключительно, на той «теме», каковую, мне сейчас собрался изложить доктор технических наук, один из виднейших российских специалистов в сфере Информационных Технологий, Александр Юрьевич Черкасов. Опять же не могу не отметить того особенного выражения, что упорно не покидало «добрых и умных» глаз моего собеседника. Другими словами, в глазах Александра Юрьевича я ясно различал отражение застарелых мучительных нравственных и физических страданий, которые, видимо, пришлось поневоле перенести сидевшему передо мной человеку в, не таком уж, далеком прошлом. Я легко догадался, что предварительный разговор у нас получится коротким (как и полагалось любому «предварительному» разговору), но предельно ясным. Так оно и вышло – мой новый знакомый внимательно посмотрел на меня и отдельно произнес:

– У меня, Константин, некоторое время назад украли одну важную вещь!
– Какую вещь, откуда и кто украл?!
– Не цветной телевизор – из квартиры, естественно! – мимоходом устало улыбнувшись извиняющейся улыбкой пояснил Александр Юрьевич. – Украли, образно выражаясь, мою

«веру в человечество и – в позитивный поступательный смысл моей собственной жизни»! И я хочу, чтобы вы мне, Константин помогли вернуть эту самую веру и в то, и – в другое!

– При всем моем горячем желании сделать то, о чем вы меня просите и, при всей моей несомненной интуитивной симпатии, испытываемой по отношению к вам, я, само собой, пока не представляю – как я могу сделать это?! И, почему, именно – я?!

– Я слышал про вас от нашего общего друга, Олега, что вы, Константин... – тут Александр Юрьевич несколько замялся, подбирая нужные и точные слова, но достаточно быстро продолжил: – ... обладаете определенными специфическими способностями, ярко выражающимися в умении ясно излагать на бумаге свое собственное видение, окружающей вас реальной действительности, несмотря на то, что в вашей голове эта самая действительность представляется в причудливо искаженном виде! Или, говоря более понятным и буквальным языком, Олег твердо заверил меня в том, что вы, Константин – невероятно талантливый «сказочник»! – и Александр Юрьевич сделал необходимую паузу, посмотрев на меня «вопросительно-утвердительно» взглядом, словно бы ожидая, что я готов подтвердить верность, данной мне Олегом оценки.

Однако я сразу сказал:

– Спасибо, конечно, Олегу на «добром слове», но вполне допускаю, что он переоценивает мои возможности!

– Но, тем не менее, я не отказываюсь от своего намерения заключить с Вами контракт на сотрудничество, Константин! И хочу, опять же, образно и, даже, фигурально выражаясь, чтобы вы помогли мне сделать «сказку былью» – мою личную «страшную сказку» – «светлой радостной былью»!

И, мы, оба, не сговариваясь, вынуждены были прерваться, начав выдерживать продолжительную, жизненно необходимую в обеденное время, паузу, принявшись молча хлебать, курившийся горячим аппетитным паром прозрачный зеленоватый бульон супа «Фо-бо», вобравший в себя все или, почти – все, вкусовые гаммы богатого кулинарного наследия коренных народов, населяющих Аннамские горы.

Однако, с каждой последующей проглоченной ложкой вкусного горячего бульона, по мере естественного насыщения, во мне росло нетерпение побыстрее услышать содержание «страшной сказки», которую намеревался поведать мне сидевший напротив меня человек.

Несколько утолив острое чувство голода, мой «визави» неторопливо и вдумчиво, тщательно и взвешенно подбирая слова, начал, наконец, говорить то, ради чего я и был приглашен на «большую фарфоровую миску» горячего душисто-ароматного говяжьего «Фо-бо». Предварительно, правда, будучи наблюдательным и умным человеком, мой собеседник корректно поинтересовался у меня:

– У вас все нормально, Константин?!

– В каком смысле?!

– Мне показалось, что вы чем-то слегка угнетены или, даже, озабочены, а тут я – со своими проблемами!

– Нет-нет, что вы, Александр Юрьевич! – поспешил я его успокоить. – Не обращайтесь внимания – я всегда такой! Обычное мое состояние, но оно никак не отражается на моей работоспособности! Я сегодня с утра, просто, был в одном заведении на Девятинском переулке и ушел оттуда, как всегда, словно бы «оплеванный» «с ног до головы»!

– А, что это за «заведение» за такое на Девятинском переулке?! – заинтересованно посмотрел на меня Александр Юрьевич.

– Посольство США, Александр Юрьевич! – я уже пожалел, что затронул самую болезненную тему своей жизни, упоминать о которой было в высшей степени неактуально во время этого чудесного обеда и, – сопутствующего обеду, важного, интересного и познавательного разговора, не имеющего ни малейшего отношения к американским «проискам» в мой личный

адрес. – Забудем о Девятинском переулке и не обращайтесь на мой «хмурый вид», являющийся, на самом деле, искусной маскировкой для постоянной, конструктивной и предельно сосредоточенной, мыслительной деятельности! Продолжим лучше побыстрее наш разговор, который, слава Богу, не имеет никакого отношения к американцам!

– Я, точно, Константин, даже, и не знаю – с чего начать, но, так как начинать-то с чего-нибудь рано или поздно нужно будет, то, поэтому я начну сразу по «существу» вопроса, ради которого мы, так сказать и «собрались в этом зале».

Дело заключается в том, что я хочу написать книгу об одном «непростом» периоде своей жизни.

Я прекрасно понимаю, что любого человека должна украшать, прежде всего, скромность и оговорюсь сразу, что книгу о себе я хочу написать не по той причине, что страдаю гипертрофированным тщеславием, нет, я хочу написать ее – для пользы дела! То есть я считаю, что история моей жизни – жизни, так называемого «альфа-айтишника», переложная на бумагу, должна послужить полезным наглядным примером всем российским, способным и энергичным, молодым специалистам и бизнесменам, беззаветно и безоглядно решившим посвятить себя исследованиям в области Информационных Технологий (ИТ) и ИТ-бизнесу. Я полагаю, не сообщу вам сногсшибательную новость, заявив, что, по большому счету – ИТ сегодня считаются и, не только считаются, но и, вне всякого сомнения, являются основным катализатором технического и общественно-политического прогресса всего человечества, в огромную дружную семью которого входит и наш многострадальный российский народ! Поступательное совершенствование ИТ и их органическое «вплетение» во все сферы нашей современной нелегкой российской жизни, по идее, должны способствовать заметному облегчению существования простых русских людей!

ИТ, безусловно – очень интересная и перспективная отрасль человеческого знания или, если точнее – новаторский способ дальнейшего познания мира вокруг нас! От ИТ-технологий зависит, ни много ни мало, качественное содержание жизни всех будущих человеческих поколений! Позднее, по ходу нашего общения, я постараюсь пояснить свою мысль, свое определение ИТ-технологий и историю их развития более подробно и понятно, Константин! Тем более, что лично у меня давно уже сформировался свой собственный взгляд на окружающий человеческий мир сквозь призму Информационных Технологий. С ИТ, на самом деле, все не так просто, как может показаться на первый взгляд, особенно – непосвященному в самое существо этого непростого вопроса, человеку! Я бы, даже, Константин, специально подчеркнул исключительно для вашего личного внимания, одну и очень непростую и своеобразную сторону действительности, порождаемой новейшими достижениями ИТ! То, что я намерен без утайки рассказать вам, Константин может показаться абсолютно неправдоподобным, и, именно, поэтому мне нужен «альфа-фантаст» – «писатель-фантаст», искренне верящий в полную правдоподобность, описываемых им невероятных, с точки зрения банальной человеческой логики, событий и явлений!

Скорее всего, я мог бы и сам написать книгу о себе, так как определенными прозаическими навыками вкупе с общей своей, достаточно высокой грамотностью, я обладаю. Но, по трем причинам я не могу сам о себе написать роман. То есть у меня – не «пять причин», как в известном шлягере певца и композитора, Игоря Николаева! Но, могу сказать, что «первая моя причина», это, точно – «боль», как и у Николаева. Но о ней я говорить не хочу, и, на самом деле, без упоминания о Николаеве, моя первая причина, это – уже вышеупомянутая скромность. Писать о самом себе сложно, так как всегда есть опасность субъективной тенденциозности.

Второе обстоятельство, вынуждающее меня обратиться с подобным предложением и просьбой к постороннему человеку, это то, что в данном моем конкретном случае просто необходим талантливый стиль изложения, превышающий мои личные литературно-прозаиче-

ские способности. И, наконец, третье и, пожалуй, самое главное – у меня совершенно нет времени на это занятие!

Собственно, основная суть сюжета достаточно тривиальна – «нищета Тверской „Горбатки“ в детстве», «голодные годы студенчества», «внезапный бурный взлет к „звездам“ ИТ-бизнеса и „покорение“ Москвы», «резкое падение в бездну», едва не закончившееся гибелью и – мое «возвращение к нормальной полноценной жизни»! Но, я считаю – не тривиально содержание сюжета!

Я полностью отдаю себе отчет в том, что на фоне тысяч или, даже, десятков тысяч подобных жизненных историй в современной России мой сюжет ничем особенным не выделяется, но... я – «альфа-айтишник» со своим специфическим «альфа-айтишным», не поленюсь еще раз повториться, взглядом на, окружающую всех нас, современную российскую действительность.

Безусловно, что вы, Константин уже задались вопросом: что значит упоминаемая мною присказка «альфа». Сразу скажу, что в сочетании с определением «айтишник» предлог «альфа» заключает в себе совсем иной смысл, чем, скажем, когда мы говорим об «альфа»-самцах в популяциях животного мира. Если бы я сказал про себя, что я – не «рядовой», а – «талантливый» «айтишник», это бы прозвучало крайне нескромно, а потому, по меньшей мере, глупо. Хотя, с другой стороны, «талантливость», это, не более чем свойство определенной человеческой натуры, выражающейся в уникальной способности увидеть в том либо ином предмете, или явлении, ту его полезную сторону, какую все остальные человеческие индивидуумы по неизвестным причинам почему-то упорно не замечают. «Талантливость» передается, исключительно, генетическим путем от далеких предков данного человека и «корни» «талантливости», таким образом, уходят в далекое прошлое. Это – бесценный дар наших «пращуров» и его следует ценить и беречь, и, никогда не забывать регулярно поминать добрым словом, а, еще, лучше – молитвой, этих вот самых, наших генетических «пращуров».

Некоторое время назад, Константин, мне пришла в голову мысль, что я, как отдельно взятый человеческий индивидуум явился тем звеном в генетической цепи своих одаренных предков, в котором оптимально слились в единую стройную систему наиболее выдающиеся грани или стороны недюжинного интеллекта, именно, вот этих моих одаренных предков. Исключительно благодаря своему уникальному генетическому наследию, я сумел добиться больших научно-практических успехов в области Информационных Технологий. Спасибо огромное моим многочисленным предкам – они жили очень давно и невообразимо далеко от Москвы и от Твери, да и, ни Москвы, и не Твери тогда еще и в помине не было, когда они жили! Информационные Технологии считаются новейшей и, соответственно, самой молодой отраслью человеческих знаний, но на самом деле первые зачатки того, что сейчас мы называем сокращенно ИТ, проклюнулись на заре человеческой цивилизации – когда в Древнем Шумере более пяти тысяч лет назад была изобретена клинопись, и человечество впервые в своей истории получило возможность начать «накапливать информацию»... – Александр Юрьевич сделал естественную непродолжительную паузу, вызванную необходимостью проглотить очередную ложку остывающего «Фо-бо». А я воспользовался этой паузой, чтобы вставить искреннюю реплику:

– Вас необычайно интересно и познавательно слушать, Александр Юрьевич!

– Спасибо, Константин «на добром слове»! – улыбнулся мне Александр Юрьевич и продолжил: – ... В общем, я больше не могу молчать и не в моих правилах не начинать и не доводить до финальной точки давно задуманные и долго вынашиваемые в душе и в голове проекты.

В каждом человеке, видимо, с самого рождения заложена определенная программа, согласно строгому формату которой данный человек и проживает свою жизнь. Заявляю это с полной ответственностью, как специалист высочайшего класса. И на собственном примере я хочу понять и показать остальным: что же, какая основная, совсем не запланированная

и не учтенная мною причина, едва не погубила меня на самом «взлете» моей карьеры, в тот чудесный фантастический момент, когда я твердо уверовал, что прочно – «железной рукой» «поймал свою собственную судьбу и, за «хвост», и – за «гриву», одновременно?! Где-то и когда-то я просмотрел то роковое мгновение, когда в мою «программу» был занесен «вирус» «пролонгированного действия», наподобие того, который в ближайшее время поразит все человечество, и, затаившись, начал незаметно готовить свое наступление и, наконец, выбрав удобный момент атаковал выстроенное мною здание моего благополучия и процветания «по всем фронтам»!...

– Заслушаться тебя можно, Александр Юрьевич! – неожиданно рядом с нашим столом раздался знакомый мужской голос, прервавший эмоциональный искренний монолог доктора технических наук Черкасова.

Обладателем голоса оказался, конечно же, Олег Б., сумевший как-то абсолютно незамеченным (в классическом «диверсантском» стиле) нами обоими, вплотную «неслышно» и «невидимо» приблизиться к обеденному столу, за которым мы с Александром Юрьевичем так вкусно кушали и увлеченно беседовали.

Но, как бы там ни было, мы оба были рады внезапному появлению Олега Б. во «Вьет-кафе». Мы по очереди обменялись с нашим общим товарищем крепким рукопожатием, а потом он отошел к стойке заказов и вернулся оттуда через пару минут с подносом в руках, на котором курилась паром, точно, такая же, как и у нас с Александром, большая пиала с супом «Фо-бо» плюс второе блюдо – та самая знаменитая «жареная кобра по Хо-Ши-Мински», на которую лично я невольно покосился с, вполне понятной настороженностью человека, привыкшего к простым и понятным блюдам и рецептам «русской народной кухни». Впрочем, перехватив мой красноречивый взгляд, Олег объяснил мне, что это не – «кобра», а – «угорь», чье жареное, равно, как и вареное и подкопченное мясо является не только очень вкусным, но и очень полезным продуктом. И, пока у него есть финансовые средства для ежедневного употребления мяса угря в пищу, он будет его постоянно покупать на обед, да и на ужин тоже, чтобы поддерживать в необходимом тонусе центральную нервную систему, за последнее время, по словам Олега, начавшую давать всевозможные серьезные «сбои»!

Олег не первый год выпускал патриотический журнал «Россия и ее солдаты», ну, а так как у России и у «ее солдат» имелось во все времена огромное количество смертельных врагов, то, само собой, что у Олега, как у владельца и издателя этого патриотического журнала постоянно возникали всевозможные трудности, самым распространенным видом из которых следовало считать трудности «финансового характера». Вот, собственно, и сейчас Олег явился пообедать во вьетнамское кафе, пребывая во «взвинченном» состоянии. Видно было, что он неуместную «взвинченность» эту упорно пытается как-то «унять», но у него плохо получалось. Я это ясно видел по заметной нервозности, сквозившей в каждом жесте и телодвижениях Олега. Верность моих ощущений подтвердил и вопрос, заданный нервничающему Б. Александром Юрьевичем, достаточно озабоченным тоном:

– Что-то случилось, Олег?!

– Да, случилось! – ответил Олег в короткой паузе, образовавшейся между двумя ложками горячего «Фо-бо», который Олег начал хлебать с лихорадочно-маниакальной поспешностью, свойственной лишь, по-настоящему, голодному человеку.

Вопросов мы больше никаких решили нашему проголодавшемуся и, чем-то сильно расстроенному товарищу, не задавать, а с «соломоновой» мудростью последовали его примеру – принялись доедать постепенно остывающий «Фо-бо», вылавливая оттуда зелень, оранжевую морковку и тонко нарезанные ломти говядины. Хотя, вполне допускаю, что это могла оказаться и не говядина.

Тут Олег сделал перерыв в иступленном скоростном поедании вьетнамского супа, испытывав, скорее всего, столь необходимый в его нервно-психологическом состоянии, так назы-

ваемый, «первичный пароксизм сытости» и, облегченно переведя дух, сообщил Александру Юрьевичу, ну и мне, заодно, так как я, все-таки был не глухой и сидел по правую руку от Олега:

– Я только что из Министерства «О»!.

– Ну и?! – заинтересованно спросил Александр Юрьевич, впившись в Олега сразу настоящим взглядом, будучи, очевидно, прекрасно осведомленным – с какой целью нанес сегодня свой визит Олег Б. в Министерство «О».

Вместо членораздельного, по-военному, лаконичного и исчерпывающего ответа, Олег издал неопределенный и, совсем нехарактерный для него, фантастически прозвучавший, фонетический звук и сделал характерный красноречивый жест правой рукой в воздухе. Легко расшифровав истинный смысл открыто продемонстрированного жеста, от дальнейших расспросов Олега доктор технических наук Черкасов отказался, так как ему «все стало ясно без слов». Я, краем глаза, заметил, как за соседними столиками несколько человек бросили в нашу сторону уважительные понимающие взгляды.

– Не видать нам денег ни на очередной «номер» журнала, ни «сборов»! – счел все же нужным пояснить смысл своего безнадёжного и, не совсем приличного, жеста, Олег. – «Что – в лоб, что – по лбу!» – и ничего тут больше то и не скажешь!

И в голосе Олега столько слышалось неприкрытой искренней горечи и разочарования, что мне его стало, по-настоящему, жаль, хотя я и совершенно не представлял: о чем там могла идти речь, и что Олег Б. делал в Министерстве «О». и, как, вообще, туда попал и – с какой целью?! («кто попало» -то в это Министерство не попадает!).

Но Александр Юрьевич, судя по его внешней «психомоторной реакции», был полностью «в курсе» всех Олеговых дел и поэтому со знающим видом уточнил, задав «наводящий» вопрос:

– А, что – «свет клином сошелся» что ли на этом Министерстве «О»?!

– Нет, ну, все-таки, журнал то мой называется «Россия и ее солдаты», а – не «Солдаты Удачи»! – резонно возразил Олег, мрачно глядя перед собой. – И, по-моему, сам Бог Земли Русской велел мне обратиться за финансовой помощью не куда-нибудь, а – в Министерство «О» Российской Федерации! Я постоянно, постоянно и постоянно наталкиваюсь на всякие «подлянки», «ловушки», «растяжки», «протяжки» и так далее, как будто я издаю журнал с кроссвордами, а – не «журнал достойных» под названием «Россия и ее солдаты»! Я, клянусь, не понимаю, что происходит в нашем государстве и почему так трудно найти быстро деньги на нужный и полезный для России проект! Да вы, Александр Юрьевич и без меня все это прекрасно знаете! – Олег взял «ополовиненную» чашку с «Фо-бо» двумя руками за края и выцедил остатки супа до дна прямо через края чашки, совершенно «наплевав» на общепринятые стандарты поведения в точках столичного «общепита», как, если бы он находился сейчас не в центре Москвы, а где-то у «черта на куличках» – в бедном горном афганском «духане».

Я знал, что Олег Б. несколько лет воевал в Афганистане и, именно, поэтому-то, скорее всего и не мог так просто избавиться от многих привычек, «въевшихся ему в кровь» после той, памятной для всего советского народа, «афганской войны».

Затем он несколько секунд держал опустевшую суповую чашку на весу, внимательно оглядываясь по сторонам и, словно бы, повинуюсь «неистребимому» диверсионно-разведывательному инстинкту «афганца» (воина-«интернационалиста»), прикидывал – кому бы из мирно обедающих за соседними столами людей со «всего размаху» одеть ее на голову – в качестве импровизированного головного убора. Война, все-таки, в самых причудливых проявлениях упорно не «отпускала» Олега из «ревнивых» цепких объятий и больше лично я никак не мог объяснить пугающие движения Олега. Но все закончилось благополучно – шумно выдохнув, застоявшийся в легких углекислый газ, Олег с громким победным стуком поставил пустую чашку на место, придвинул к себе блюдо с «жареной коброй», объяснив нам с Александром свое, не совсем стандартное поведение, словами:

– Когда я сыт, то не так сильно нервничаю!

Александр Юрьевич бросил на Олега странный задумчивый взгляд и слабо улыбнулся печальной понимающей улыбкой человека, пережившего в свое время невероятные мучения, связанные с «пыточным» рационом настоящего концлагеря.

Олег принялся с аппетитом уплетать нежное хорошо прожаренное мясо угря вприкуску с многочисленными сопутствующими этому блюду экзотическим салатиками и специями, больше не принимая активного участия в разговоре, а мы с Александром Юрьевичем, уже, достаточно озябшие за полтора часа сидения в охлажденной атмосфере кондиционированного воздуха, из вежливости решили пока закончить обсуждать «нашу» тему и коротко договорились о встрече на следующий день, чтобы поговорить уже более конструктивно и, желательно – без свидетелей.

Я испытывал не только чувство сытости, но, и, что было гораздо более существенным – чувство глубокого морального удовлетворения, которое уже не возникало в моей душе много лет. Как, все-таки, здорово быть востребованным человеком по своей основной специальности! Да и содержание сюжета, предложенного мне для детального изучения Александром Юрьевичем, вдохновляло меня по той простой причине, что мне предлагалось сделать, по сути, самое настоящее «святое дело» – помочь восстановлению, в очередной раз, «попранной справедливости»! Так уж был устроен наш, человеческий мир, до сих пор существующий и поступательно развивающийся, исключительно, благодаря постоянному, не затухающему конфликту между «Добром» и «Злом». К тому же, благодаря нескольким, вполне определенным намекам, осторожно сделанным Александром Юрьевичем в течение его рассказа, я почти утвердился в мысли, что он, и, на самом деле, видит мир «глазами «айтишника от самого Господа Бога» – совсем не так, как он представляется подавляющему большинству людей. А ведь я и, вправду, с точки зрения представителей «определенных кругов», считался «писателем-«фан-тастом» несмотря на то, что всегда описывал явления и события, основанные, исключительно, на «реальных событиях», внутри описания, которых, своею авторскою волей, я напускал самую малость (небольшую толику) сюрреалистического колорита, являющегося главной индивидуальной особенностью моего «творческого метода».

– Меня обождите! – заметив, что мы собираемся уходить, попросил Олег, торопливо дожевывая остатки экзотического жаркого. – Вместе выйдем – мне еще, Александр Юрьевич, кое-что нужно тебе сказать! Все не так просто! Все очень, даже, непросто!

В этот-то, как раз момент перед нашим столом материализовался, словно бы из ниоткуда, тот самый пожилой вьетнамец, на которого я машинально обратил внимание, как только зашел в это кафе, когда мы с Александром Юрьевичем медленно продвигались в очереди, выстроившейся вдоль раздаточной стойки. Причем, могу поклясться, что, когда он появился прямо у нас перед глазами, мне почудилось, что в воздухе, перенасыщенном ароматами вьетнамских гастрономических специй, разлилась большая порция концентрированной горячей свежести озона, и это обстоятельство заставило меня глубоко задуматься, как и, судя по его «непростой» реакции – Александра Юрьевича, тоже. Потому что посмотрел Александр Юрьевич на этого вьетнамца таким взглядом, каким психически адекватный человек смотрел бы на «материализовавшуюся галлюцинацию» или – на «призрака» ... Дело-то, оказывается, с самого первого дня моего в нем участия, начинало приобретать совсем «нешуточный» оборот!..

Вблизи этот загадочный вьетнамец мне показался еще, гораздо более пожилым, чем на расстоянии – в полумраке помещения кухни, заполненной полупрозрачным ароматным паром, валившим из огромных кастрюль и сковородок. И, если быть более точным, этот вьетнамец показался мне не просто очень пожилым человеком, а – более, чем пожилым, относясь к разряду тех индивидуумов, про которых принято говорить, судя по их внешнему облику: «Столько не живут!!!». Но удивительные глаза вьетнамца оказались полны жизни – в них горели неугасимые таинственные огни, почему-то невольно натолкнувшие меня на странные

мысли о кострах из далекого героического прошлого всего вьетнамского народа. Костры эти горели пятьдесят лет назад под сводами ночных джунглей на сырых склонах диких Аннамских гор и, каким-то непостижимым образом отблески их пламени продолжали беспокойно и настойчиво плясать где-то в бездонной глубине глаз кофейного цвета, стоявшего сейчас перед нами загадочного пожилого уроженца самой героической страны Индокитая за всю его многовековую историю.

Я почему-то уже точно знал, еще, до того, как заговорил, возникший перед нами из «ниоткуда», старый вьетнамец, что вокруг этих костров, «отражавшихся в его глазах» и зажженных полвека назад, сидели и грелись, протягивая руки к огню, бойцы «Вьетконга», и стоявший в эти минуты перед нами человек тоже когда-то сидел перед огнем одного из таких костров и, более того, я даже точно заранее был уверен, что он прошел все девять лет американо-вьетнамской войны. И он совсем не случайно оказался в этом кафе именно тогда, когда мы сюда пришли с доктором Черкасовым по просьбе последнего для того, чтобы обсудить вопрос, на данный момент представлявшийся для Александра Юрьевича наиболее жизненно важным вопросом из всех возможных. И кафе это оказалось совсем не простым – кто-то невидимый и неосознаваемый «нашептывал» с определенной целью, чтобы местом нашей первой «творческой встречи» с доктором технических наук Черкасовым стало не какое-нибудь другое, а именно – «кафе вьетнамской кухни», располагавшееся по адресу ул. Никольская, дом 10, где нас терпеливо поджидал «Нгуен Ван Чой»...

Первые слова старого вьетнамца, произнесенные им на чистейшем русском языке без всякого аннамского акцента, так и прозвучали:

– Меня зовут Нгуен Ван Чой и я искренне был рад видеть всех вас троих в нашем ресторане! Вам понравилась наша еда?!

– Очень понравилась!!! – не сговариваясь, ответили мы сразу все трое одновременно чудаковатому старику-вьетнамцу (хотя и меня не оставляло ощущение, что он не такой уж и старик, а, если и «старик», то в каком-то ином, более глубоком и широком, и, бесконечно – более уважительном и «эпохальном», что ли смысле этого слова), энергично закивав головами.

– Вы придете еще?!

– Да – обязательно, отец! – ответил за всех Олег и добавил: – И придем не один раз – другой такой необычной еды не отыщешь во всей Москве «днем», как говорится, «с огнем!»!

– Ты когда-то воевал, сынок?! – неожиданно спросил старый вьетнамец у Олега.

– Воевал! – утвердительно и несколько удивленно ответил Олег и сразу спросил вьетнамца: – А, как вы догадались, отец?!

– Потому что я тоже долго воевал, а солдат всегда без труда узнает солдата, как бы тот ни маскировался «гражданской» одеждой! – объяснил «дядюшка Нгуен», с доброжелательным любопытством рассматривая Олега. – Солдатом человек часто становится поневоле – сама жизнь толкает его в «жаркие огненные объятия» войны! Как, например, это случилось со мной!

– А, где вы так хорошо научились говорить по-русски, отец?! – я и сам не знаю, почему спросил вьетнамца об этом, так как еще секунду назад пребывал в полной уверенности, что ни о чем спрашивать его не буду, но прозвучавший вопрос вылетел у меня сам собой и теперь я ждал ответа.

– Восемь лет я воевал бок о бок с советскими военными советниками, и часто бывал в Советском Союзе! – объяснил Нгуен Ван Чой. – Я воевал на стороне «сил добра» – это я знаю точно! Я вижу, что вам сейчас некогда – вы спешите по своим делам. Так что приходите завтра обедать, и я вам расскажу много интересного, а, главное, нужного для вас! Я угощу вас настоящим северо-вьетнамским обедом – обедом по «вьетконговски»! Могу биться об заклад, что вы никогда такого не пробовали!

Нгуен Ван Чой умолк и, попеременно, проницательно взглянув в глаза сначала мне, а затем – Александру Юрьевичу Черкасову, мудрый старик произнес проникновенным тоном:

– Я обладаю уникальным – «абсолютным» слухом, и поэтому, сам того не желая, уловил обрывки вашего разговора, из которого я, скорее всего, верно ухватил его главную суть: вы собираетесь восстановить, кем-то и каким-то образом в недалеком прошлом, цинично попорченную **Справедливость**! Я правильно вас понял?!

– Здесь вы попали в самую «десятку», смею уверить вас, отец! – подтвердил безусловную правильность вывода, сделанного бывшим «вьетконговцем» на основании, всего лишь случайно уловленных его чутким слухом обрывков нашего разговора, Александр Юрьевич, с новым выражением в глазах глядя на удивительного вьетnamца.

– Я, просто, знаю истинную цену «борьбы за правду»! – веско произнес «дядюшка Нгуен». – И, всегда охотно помогаю тем, кто за нее бьется «не на жизнь, а – на смерть»! Так что, если вам вдруг понадобится посторонняя помощь, то не стесняйтесь – обращайтесь! Я всегда вам с удовольствием помогу!

Он улыбнулся нам на прощанье улыбкой человека, знающего цену собственным словам и по очереди крепко пожал нам руки, вежливо и ненавязчиво напомним, что ждет нас завтра «у себя в кафе» в это же самое время – на «званный» обед, не преминув лишний раз подчеркнуть, что будет очень огорчен, если мы не придем, так как ему надо будет сказать нам нечто чрезвычайно важное и, соответственно, блюда, которые он намерен нам предложить во время этого обеда будут какими-то особенными, наполненными глубокой символической начинкой, приправленной классическим рыбным соусом «ныон мам», приготовленным из «сказочных говорящих рыб, живущих в волшебных озерах старинных народных вьетнамских сказок», и ныне нигде не встречающихся – даже в водах «отца всех рек», великого Меконга!»...

Я передаю слова старого вьетnamца почти в их буквальном звучании, чтобы передать всю необычность атмосферы нашего прощания с новым знакомым, которого всем нам троим одновременно «подкинула» сама наша судьба... Вернее – моя судьба, потому что, как выяснилось немного позднее, Александр Черкасов оказался не настолько изумленным и ошарашенным, как мы с Олегом Б., когда перед нашим обеденным столом появился этот самый Нгуен Ван Чой. Александр Юрьевич смутно, как я понял впоследствии, о чем-то подобном догадывался...

Безусловно, что старик-вьетnameц, «соткавшийся» из «клубов прозрачного аппетитного пара, валившего из кастрюль и сковородок ресторанной кухни», показался мне «причудливым и странным», но в тот день я еще почти ничего не знал о некоторых «фантомологических» обстоятельствах из жизни и научно-практической деятельности А. Ю. Черкасова, и пытался объяснить самому себе знакомство с Нгуен Ван Чоем закономерным итогом случайного стечения нескольких обстоятельств, вполне объяснимых с материалистической точки понимания мироустройства...

Выйдя из кафе, мы некоторое время бездумно (почти бездумно) шагали вдоль по многолюдной Никольской улице, инстинктивно избрав направление к ближайшей станции метро, невольно делаясь свежими впечатлениями от «нежданного-негаданного», в высшей степени, странного и загадочного знакомства с этим самым «дядюшкой Нгуеном».

– Чудной, конечно, старик! – выразил общее мнение Олег, уважительно, впрочем, тут же добавив: – Но в нем чувствуется настоящий «боец», сумевший проскользнуть сквозь не одну «стену напалмового пламени» и остаться при этом «не опаленным»!

При этих словах Олега я, вдруг, встал на месте, словно «вкопанный» – меня осенила одна очень странная и совершенно невероятная мысль, какую я тут же попытался немедленно «загнать» туда, откуда она и «появилась». Но мое явное, хотя и секундное, замешательство не укрылось от внимания моих товарищей, и они вопросительно и красноречиво на меня взглянули. И мне, волей-неволей, пришлось перед ними объясниться:

– Я же закончил исторический факультет университета в советские времена и история «вьетнамской войны» не могла не привлекать моего специального внимания! – дальше я, ско-

рее всего, заметно помрачнел и, наверное, нахмурился, невольно задумавшись – продолжать мне или не продолжать развивать начатую мысль?!

– И – что?! – напористо уточнил Олег.

– Да, действительно, Константин – при чем тут этот «дядюшка Нгуен»?! – поинтересовался и Александр Юрьевич, рассматривая меня с особенным любопытством, как если бы ожидал услышать от меня нечто, в высшей степени, совсем уже невероятное.

– Тот Нгуен Ван Чой, про которого я только что неожиданно вспомнил, был электриком по профессии и его казнили 15 октября 1964-го года в Сайгоне публичной показательной казнью за совершенную им неудачную попытку убить посла США в Южном Вьетнаме и вместе с ним – Министра Обороны США, печально известного Роберта Макнамару!...

И Олег, и Александр вытаращили на меня глаза в полном недоумении, с каким, обычно, смотрят психически адекватные люди на своего, внезапно «съехавшего с катушек» «собрата по разуму», и поэтому я поспешил добавить:

– Удивительнейшее совпадение – вы не находите?!

– А ты уверен в том, что того электрика, казненного в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом, звали именно так, как нашего нового знакомого?! – спросил у меня Олег, в явной надежде, что я ошибся.

– Уверен! – коротко ответил я. – Но не будем забивать себе голову ненужными теориями и предположениями – встретимся с этим «вьетконговцем» завтра и обо всем его подробно расспросим! Тем более, что он нас «угощает», а такими предложениями и приглашениями не стоит пренебрегать и «разбрасываться», особенно человеку в моем незавидном материально-финансовом положении!...

На том мы и порешили, и распрощались у подножия памятника маршалу Жукову, так как каждому из нас от подножия монумента легендарному советскому полководцу нужно было идти в разных направлениях... Правда, перед тем как «распрощаться», Александр Юрьевич задержал меня «на минутку» полузагадочной – полупророческой фразой:

– Начало нашего романа само собой только, что о себе «заявило» устами вот этого вьетнамского «фантома»! Нас с вами, Константин, судя по, спонтанно «родившейся» первой главе ждет очень напряженный, непредсказуемый и интересный сюжет!...».

ГЛАВА ВТОРАЯ. Счастливое далекое прошлое. Учеба в Университете. «Подарок «халдейских мудрецов»

Биография любого человека, если возникает необходимость в ее освещении для широкой публики или для сотрудников отдела кадров и других, подобных отделу кадров организаций, начинается, естественно, с момента рождения. Но я не стану утомлять читателя и буду предельно краток.

Я родился в старинном русском городе Тверь 10 февраля 1977-го года. У меня было непростое детство и мимолётная юность. Я рос любознательным и трудолюбивым ребенком. Мое трудолюбие мне привили мои родители, а более всех моя бабушка – спасибо им огромное за это!

Спустя двадцать два года после своего рождения, в 1999-ом («три девятки – знак «высшей пробы»!!!) я закончил учебу на кафедре «Информационных систем» Тверского Государственного Технического Университета, куда поступил без колебаний в выборе, как только закончил среднюю школу. Свое основное и единственное жизненное призвание и, даже, более того – предназначение я «увидел» или «нашел», не знаю, как выразиться яснее и точнее, еще в седьмом классе – в возрасте четырнадцати лет.

Моя мама работала в Тверском межотраслевом центре эргономических исследований и разработок в военной технике «Эргоцентр» (ранее Тверское отделение (40-я лаборатория) НИИ авиационного оборудования). И, однажды она меня привела к себе на работу. Вот это мое первое посещение отдела электронно-вычислительных машин, и явилось тем решающим, «поворотным» событием, подтолкнувшим меня в четырнадцатилетнем возрасте на «знаковую» тропинку «детских мальчишеских увлечений», которая меня, со временем, никуда не сворачивая, и вывела на широкую дорогу с «многорядным» движением под названием: «Информационные Технологии». Именно туда – в таинственный, загадочный и манящий компьютерный мир я и, сам ясно того не осознавая, «окунулся» «с головой» в возрасте всего лишь четырнадцати лет. Я неплохо рисовал и в далеком 1991 году мне поручили нарисовать попиксельно на 8086-м ЭВМ знаменитый на весь мир космический корабль «Буран» в трех проекциях. С чем я успешно и справился, получив в трудовую книжку гордую запись «техник 2-й категории».

С тех самых пор я твердо решил посвятить всю свою сознательную жизнь развитию и совершенствованию информационных технологий, вкупе со своим специфически направленным природным талантом, который даровал мне сам Создатель. Спасибо еще раз моей маме, и моему папе – тоже! И – спасибо кому-то еще, чьего настоящего имени мне уже никогда не будет суждено узнать. Этот «некто» однажды в одном из моих забытых счастливых детских снов «шепнул» мне «магическое слово», а затем поманил пальцем за собой – в том направлении, в котором я и шагаю всю свою научную и трудовую жизнь до сих пор...

...Учеба в университете, куда поступил я сразу после десятого класса, давалась мне легко и радостно – «таинство интуиции» не подвело меня в выборе специальности. «Информационные Технологии», наверное, сами выбрали меня в качестве моего основного жизненного удела. Или, во всяком случае, жизнь моя складывалась так, что мне больше ничего не оставалось, как, отбросив в стороны все колебания, поступить в Тверской Государственный Технический Университет (ТГТУ). Тем более, что заведующим самой «навороченной» кафедры ТГТУ «Информационные системы» являлся старый друг моего отца, Борис Дмитриевич Павлов (в студенческой среде он получил ласково-сокращенное прозвище «БД»), с самого начала обучения, взявший меня под «свое крыло»!

«Тот, кто владеет информацией, тот владеет миром!» – не помню точно, где, когда, от кого и при каких обстоятельствах я услышал эту, бесконечно верную фразу, но она мне показалась на все сто процентов верной, точно отражающей объективную истину! Именно эту фразу произнес Борис Дмитриевич Павлов, проводивший со мной личное собеседование после моей успешной сдачи вступительных экзаменов в Технический Университет.

Знал я «дядю Борю», разумеется, с раннего детства, коли уж он являлся старым другом моего отца, но в университете, конечно же, мы с ним познакомились совсем в ином качестве. Борис Дмитриевич сразу предложил мне несколько тем для исследовательской работы на мое личное усмотрение, и у меня совсем не возникло вопроса в выборе научного руководителя на долговременную перспективу – я был зачарован мощнейшим интеллектом заведующего кафедрой и готов был следовать за ним «до самого конца своего научного жизненного пути»!. Борис Дмитриевич был доктором технических наук и пользовался огромным непрекращаемым авторитетом во всем ТГТУ, благодаря своей несомненной, можно смело сказать, вопиющей талантливости и присущим ему трем основным морально-волевым качествам: порядочности, честности и доброте.

И имелась еще у Бориса Дмитриевича его личная (собственная) огромная научная тайна, особым романтическим ореолом которой и было окружено его имя на нашем факультете. Вернее, я не совсем точно выразился – основная научная разработка всей деятельности доктора технических наук Павлова проводилась в полной тайне и условиях строжайшей секретности. Причем эта секретность никак не была связана с оборонными заказами, а, просто, однажды, Борис Дмитриевич ездил в составе большой научной делегации в дружественный Ирак...

...Поездка эта состоялась лет двадцать назад, когда в Ираке правил большой друг Советского Союза, Саддам Хусейн, ну и, разумеется, тогда еще на политической карте мира одна шестая часть суши была выкрашена в красный цвет и на этом красном фоне гордо сияли золотой краской четыре огромные заглавные буквы: «СССР – Союз Советских Социалистических Республик». Борис Дмитриевич, как раз накануне этой поездки защитил докторскую диссертацию и поэтому его включили в делегацию, как молодого перспективного многообещающего ученого.

В Ираке он проработал около трех месяцев и время он там зря не терял, как выяснилось после возвращения Бориса Дмитриевича домой в Тверь. Именно из этой иракской командировки профессор Павлов привез свою «главную научную тайну», которую нигде и никогда не рекламировал, и о сути каковой никогда и ни с кем не заговаривал. Он вернулся из Ирака совсем «другим» человеком, кардинально изменившись «внутренне». Эти глубокие изменения на ментальном уровне выразились, прежде всего, в, ранее совсем нехарактерной замкнутости и скрытности, нарочитой сдержанности, не позволявшей ему эмоционально выступать, даже, на институтских (нынешний Тверской Государственный Технический Университет в ту советскую пору именовался Тверским Политехническим Институтом, как ему и полагалось быть на самом деле) партсобраниях, на которых «до Ирака» выступления Бориса Дмитриевича Павлова отличала глубина и искренность разгромных критических выступлений, полностью изобличавших различного рода, «разложенцев», «отщепенцев» и прочих «псевдоученых», «примазавшихся» к «советской высшей школе». Ну, а, после трех месяцев жизни «на берегах Тигра», что-то в Борисе Дмитриевиче «перегорело» и «испарилось», словно бы никогда в нем и не было! Никто из окружающих коллег по работе и представить себе не мог того невероятного и прискорбного факта, что трехмесячное пребывание в Ираке заставило Бориса Дмитриевича полностью разочароваться в основных постулатах «марксизма-ленинизма» и, хуже того – с огромным недоверием относиться к внутренней и внешней политике, проводимой КПСС! А, виной формирования «антисоветского образа мыслей» у Бориса Дмитриевича явилось то, никому неизвестное обстоятельство, что в междуречье Тигра и Евфрата он «причастился» к «источнику Запретных Знаний»...

У себя на кафедре Борис Дмитриевич, предварительно выбив из университетской бухгалтерии необходимые средства, соорудил небольшую «личную научную лабораторию», отгороженную от внешнего мира прочной железной дверью и никого, туда не пускал ни при каких обстоятельствах и ни под каким предлогом. Ключи от «железной двери» в единственном экземпляре имелись только у него одного.

Лаборатория, разумеется, возбуждала законное любопытство сотрудников, но ни у кого не хватало смелости открыто спросить у Павлова, чем он, все-таки, занимается в этой таинственной лаборатории и почему никого туда не пускает?! Но, насколько мне стало известным, пользуясь своим положением заведующего кафедрой, Борис Дмитриевич не посчитал нужным делиться о тех своих исследованиях и опытах, которые он в одиночку производил в «лаборатории за железной дверью» и сохранял все в тайне почти полтора десятка лет до самого моего появления на его кафедре в качестве «перспективного студента». Я оказался первым человеком в мире, которого доктор Павлов посчитал нужным посвятить в эту свою «научную тайну», привезенную им когда-то из далекого Ирака.

Я учился на третьем курсе. Стоял конец сентября, и я выбрал тему своей исследовательской работы, которая должна была лечь, спустя два года в основу дипломной работы. Моим непосредственным научным руководителем, по-прежнему, как и два предыдущих года обучения, являлся сам Павлов. Причем, Борис Дмитриевич сам мне предложил в начале третьего курса, когда нужно было окончательно определяться с темой будущей дипломной работы, продолжать быть моим научным наставником, так как увидел во мне, по его словам, «очень большой, смело, даже, можно сказать – гигантский научный потенциал»! Я оказался польщен и обрадован столь заманчивым предложением, вкупе с высокой оценкой своих способностей, и, вот, как-то сентябрьским вечером, засидевшись в библиотеке университета допоздна за чтением специальной литературы по теме той курсовой работы, которая должна будет лечь в основу диплома, а, затем, и – кандидатской диссертации, у меня вдруг на душе внезапно появилось странное предчувствие, что через несколько минут со мной произойдет какое-то удивительное, из ряда вон выходящее, событие, которое предопределит всю мою дальнейшую судьбу. Мне было то неполных двадцать лет, и я, и сам, конечно, ясно то и не понял, что это на меня «накатило».

Но, прошло не более пяти минут с момента, как на меня «накатило» это странное предчувствие и в методкабинет зашел не кто-нибудь, а – Борис Дмитриевич собственной, так сказать, персоной. Он осторожно прошел через весь методкабинет, остановившись около того стола, за которым я работал и негромко попросил меня пройти с ним на кафедру для «неотложного серьезного разговора». Сильно заинтригованный, я собрал книжки и тетрадки в портфель, и послушно пошел за Павловым, лихорадочно прикидывая в уме, что бы могло означать его неожиданное приглашение «поговорить по душам»?!

На кафедре, за поздним временем никого из преподавателей и сотрудников уже не наблюдалось, и Борис Дмитриевич, не став тратить время на пустопорожнее молчание, спросил у меня:

– Хочешь знать, чем я занимаюсь в своей лаборатории?! Ты, наверняка же изнываешь от любопытства, как и все остальные – что я там такое могу «прятать» от «посторонних глаз»?!

– Ну, конечно же хочу, Борис Дмитриевич! – обрадовался и изумился я его вопросу. – Кто же об этом не мечтает на нашей кафедре, Борис Дмитриевич?!

– Тогда пойдем! – просто сказал Борис Дмитриевич и, отперев железную дверь лаборатории, сделал мне приглашающее движение войти внутрь.

В «тайной лаборатории» Павлова, сделавшейся чем-то, вроде «притчи во языцах» во всем нашем Тверском Техническом Университете, я не увидел ничего необычного: мощная неоновая лампа, эстетично утопленная в потолке, заливала уютно обставленную небольшую по размерам лабораторию ярким, и, вместе с тем, мягким, не «режущим» глаза светом, поз-

волившим мне сразу рассмотреть все нехитрое убранство «личной научной вотчины» Бориса Дмитриевича. Справа от входа стоял удобный рабочий стол, за столом – широкое мягкое массивное кресло, на столе – монитор рабочего компьютера. А перед столом я увидел другое кресло – точную копию первого. Оно, наверняка, предназначалось для посетителей, но я точно был уверен, что никаких посетителей в лаборатории этой никогда раньше, с момента, так сказать, ее «открытия», не появлялось! Не для меня же одного специально приготовил это кресло Борис Дмитриевич?! Он предложил мне присесть в это кресло, и я выполнил просьбу своего научного руководителя, с любопытством рассматривая то, что находилось в дальнем, левом от входной двери, углу «лаборатории», на поверку оказавшейся обычным «рабочим кабинетом для индивидуального пользования» ... Хотя, нечто, какая-то особенность, которую я сразу не мог точно идентифицировать, была присуща «тайной лаборатории» Павлова – здесь дышалось совсем иначе, чем в помещении кафедры, оставшейся по ту сторону «железной двери».

Откуда-то, из какого-то невидимого источника, в этой совсем небольшой комнатке изливался самый настоящий «горный воздух», напоенный слабым ароматом неизвестных мне растений. Я заинтригованно посмотрел на Павлова, а потом перевел взгляд влево от себя и повнимательнее всмотрелся в то, что находилось в левом углу «лаборатории».

В левом углу, где я первоначально не заметил ничего такого, на чтобы можно было обратить особое внимание, возвышалось что-то наподобие гардеробной вешалки для верхней одежды, целиком накрытой непроницаемым покрывалом из плотной ткани типа брезента или, может быть, это был какой-то другой материал. И мне, вдруг, почудилось, будто бы покрывало это слабо мерцало еле заметным зеленоватым свечением под лучами неоновой лампы, и, что приятный аромат явно растительного происхождения, испускалось или самим покрывалом, или тем, что оно скрывало от постороннего взгляда.

Борис Дмитриевич, как раз подошел к этой «вешалке» и остановился, задумчиво глядя на меня.

– Борис Дмитриевич – что-то не так?! – не знаю, почему, вдруг, но мне сделалось немного «не по себе», словно бы я ожидал какой-нибудь дикой и страшной выходки от, хорошо знакомого мне с раннего детства, «дяди Бори», ныне являвшегося моим научным руководителем, доктором технических наук, заведующим кафедрой «Информационные системы».

– Саша, ты сейчас не пугайся – я тебе кое-что покажу! – как можно более спокойным голосом произнес Борис Дмитриевич и неуловимым движением потянул за какую-то веревочку, отчего «брезентовое» покрывало, издавая тихий шорох, сползло с «вешалки», и я увидел, что это была ни какая ни «вешалка», а стояла передо мной непонятная статуя, изображавшая неизвестного человека в человеческий же рост. Растительный аромат резко усилился, и я понял, что аромат этот испускала загадочная скульптура. Положа руку на сердце, следует сразу оговориться, что глазам моим предстало нечто среднее между скульптурой, несомненно изваянной руками человека и естественной растительной формой – деревом с «глазами и руками».

Хоть и предупреждал меня Борис Дмитриевич, чтобы я «не пугался», я все же не мог не вздрогнуть, столкнувшись взглядом с «глазами» «статуи» – «глаза» мне показались совершенно живыми и осмысленными, что красноречиво доказывало, прежде всего, гениальность неизвестного ваятеля, создавшего эту скульптуру из цельного куска светло-золотистой древесины какого-то безумно дорогого сорта дерева. Две руки-«ветви» статуи-«дерева» были широко расставлены в стороны, символизируя, видимо, «широко распахнутые дружеские объятия». На окончаниях кистей-«сучьев» висело по большой увесистой шиш, каждая из которых сильно смахивала на, на хорошо известные мне «кедровые шишки», наполненные мелкими орешками, заключавшими в своих скорлупках нежные вкусные ядрышки съедобных зерен.

Я не был ботаником, но хорошо знал, что растут в мире деревья, чья древесина испускает свой собственный аромат, но никогда не слышал о деревьях, силуэты чьих стволов так сильно бы напоминали человеческие фигуры. И я, кажется, начал понимать, по какой при-

чине «БД» никого не хотел впускать внутрь этой своей «тайной лаборатории» – ему, действительно, было, что скрывать от глаз, психологически неподготовленных к подобным зрелищам, и, к тому же, не умеющих «держат язык за зубами», коллег по работе!

– Что это, Борис Дмитриевич?! – выдавил из себя я, не в силах справиться с нарастающим изумлением, грозившим перейти в полный «психологический ступор».

– Это, Игиг или ИИ – «младший брат верховного шумерского Бога Мардука». По древним шумерским преданиям, статуи Игига ставились-«высаживались» у входа в древние шумерские храмы-зиккураты.

Статуи эти изготавливались-«произрастали» из редкого сорта деревьев, являвшихся дальними сородичами «ливанского кедра» – древние шумеры называли их «деревом жизни» и об этом мне подробно поведал профессор Норбук.

Не знаю, известно тебе или нет, но главный герой самого древнего литературного художественного произведения на Земле, легендарный шумерский царь Гильгамеш пытался найти «эликсир бессмертия», а эликсир этот можно было получить только из древесины «священных кедров», охраняемых на заколдованном острове злым демоном Хумбабой. Как видишь, человечество, даже на самой заре цивилизации волновало, главным образом, лишь одна проблема – проблема человеческого бессмертия!

Все высшие шумерские жрецы были отличными математиками, и изображения Игига вдохновляли их на новые научные подвиги в области математики – наиболее таинственной и непознанной из всех человеческих наук.

Мне этого Игига подарили иракские коллеги. Вернее – один коллега, некто Муххамед Норбук, профессор математики Багдадского Университета.

Это, конечно, копия, но очень хорошая копия с настоящего Игига, оригиналы которых, безусловно, никак не могли сохраниться за пять прошедших тысячелетий, как и сам Древний Шумер.

Я тебе, Саша, не буду рассказывать во всех деталях, кто такой, на самом деле, этот профессор Норбук, где и как, и при каких обстоятельствах мне пришлось с ним познакомиться, но, так уж получилось, что я спас жизнь профессору, и за это он подарил мне вот этого Игига, объяснив, что другим способом не сумеет выразить мне свою глубокую благодарность за, спасенную ему жизнь.

Этот Игиг достался Норбуку от отца, а отцу – от деда, а деду – от его отца, ну и так далее. Семейка эта, вообще, конечно, странная и, более чем, самобытная, но он так настаивал с этим Игигом, что я не мог отказать профессору, чтобы кровно не обидеть его. Он меня твердо заверил, что этот ИИ принесет мне огромную удачу и поможет сделать какое-то крупное научное открытие, если не мне, то моему самому талантливому ученику. Единственным условием профессор Норбук поставил мне то, чтобы я никому не показывал раньше времени этого Игига никому другому, кроме того, самого «талантливого ученика». Вот настал момент, и я решил показать Игига тебе! Или – наоборот!

– В каком смысле – наоборот?! – не понял я.

– Ну, показать не Игига тебе, а тебя – Игигу!

– Простите, Борис Дмитриевич, но это – какая-то чертовщина! – не сдержался я, и высказал то, что думал.

– Саша, я не сошел с ума – так что ты не «кипятись» раньше времени! – очень рассудительно произнес Борис Дмитриевич, глядя на меня мудрым взглядом. – У ИИ есть другое имя или его материальное воплощение – «Лунный Жрец». Об этом, втором имени, сообщил мне под большим секретом все тот же профессор Норбук во время нашего прощального с ним ужина, состоявшегося накануне моего отлета в Москву.

Я же тебе объяснил, что Игиг считался младшим братом Великого Мардука, шумерского ПервоБога, создавшего человечество и, подарившего людям много знаний, необходи-

мых им для построения своей счастливой жизни. Среди знаний, которые подарил людям Бог Мардук, важнейшими оказались письменность и математика. Благодаря алфавиту и числам люди начали накапливать информацию, и постепенное накопление универсальной информации, спустя пятьдесят веков, привело к возникновению прикладной науки, название которой – Информационные Технологии.

Так что, Саша, ты видишь сейчас перед собой нашего общего «научного прародителя» и отнесись к нему с подобающим уважением – вполне возможно, что в этой деревянной статуе заключен Дух Игига, и, однажды... – Борис Дмитриевич раздумал продолжать и накрыл деревянного Игига «брезентовым покрывалом», добавив: – Пусть пока отдыхает – мне почему-то с некоторых пор стало казаться, что он не любит яркого неоновое освещения!

– Что – однажды, Борис Дмитриевич?! Вы не договорили, прервавшись на самом интересном месте!

– Если я договорю, что произойдет «однажды», то ты, Саша, точно тогда укрепишься в мысли, что я свихнулся в той давней Иракской командировке и все эти годы скрывал от окружающих, свое, глубоко замаскированное, безумие! – объяснил мне Борис Дмитриевич и добавил. – Это «однажды» когда-нибудь наступит для тебя, Саша и ты поймешь, что я имел в виду! А, сейчас, за поздним временем, распрощаемся – я надеюсь, что ты не расскажешь никому о ИИ – Игиге, даже своему отцу, иначе волшебства не случится... если я нарушу обещание, данное профессору Норбуку.

– Можете положиться на меня, Борис Дмитриевич! – твердо заверил я своего научного руководителя и для пущей убедительности приложил ладонь правой руки к сердцу, но, тут же задал вопрос, подспудно начавший мучить меня с самого начала этого «смутного и чудного» разговора: – А, как вам, Борис Дмитриевич удалось провезти через границу такую большую статую, и как, потом вы сумели пронести ее совершенно незамеченной в наш Полутех, и – на нашу кафедру?! Как было возможно произвести все эти действия незамеченными для окружающих?!

– Я же тебе сказал, Саша, что этот Игиг сделан из древесины «живого», так называемого, «квантового дерева», и, когда мне его подарили в Ираке, он был совсем маленьким – всего лишь восемнадцать сантиметров высотой... – «БД» вдруг сделал неожиданную паузу и посмотрел на меня с заметно изменившимся выражением в глазах, сути какового я сразу-то и не понял.

Несколько секунд помолчав, «БД» произнес мне с такой интонацией, как, если бы выдавал важнейшую государственную тайну, на чье разглашение не имел никакого права:

– Знаешь, Саша – когда ты только-только зашел в эту лабораторию, то я еще не был уверен в том, что сумею рассказать тебе всю правду о той своей достопамятной командировке в Ирак и – о всех ее, далеко идущих последствиях. Но сейчас мне стало ясно, что, сказавши: «А», мне придется сказать и: «Б»! Поэтому я и расскажу тебе все, как оно было в Ираке на самом деле – не под «протокол»! А дальше, Саша уже будет твое дело – согласишься ты мне или не согласишься?! О нежелательности разглашения информации, которую ты сейчас услышишь в качестве моего «Альфа-ученика» – «ученика Чародея», я считаю тебя излишним тебя предупреждать, как умного, порядочного и хорошо воспитанного человека. В общем, слушай меня очень внимательно, ничего не записывай, но все запоминай!

Этот Мухаммед Норбук, как я уже успел тебе сообщить, человек очень непростой! И познакомились мы с ним вроде бы случайно, но в случайности этой мне сразу же почудилась некая предопределенность, не то, чтобы эта предопределенность оказалась навязанной «свыше», но – близко к этому.

Ты слышал когда-нибудь словосочетание: «халдейские мудрецы»?!

– Ну, слышал, конечно! – кивнул я и добавил: – Что-то очень древнее и невероятно «мудрое»! Но, больше, как-то мне это словосочетание всегда казалось нарицательным и не совсем серьезным понятием – чем-то, вроде, отмершего и никому не нужного «архаизма»!

– Да нет, Саша – вот здесь ты немножко неправ! – твердо возразил мне «БД». – «халдейские мудрецы», это – очень серьезно! Они существуют до сих пор! И, с одним-то из них, с профессором математики Багдадского Университета, Мухаммедом Нурбаком мне и «посчастливилось» познакомиться в Ираке. Его полное имя – Уцин Мухаммед Нурбок Бит-Дакури, и он – из очень древнего, богатого и могущественного клана иракской элиты!

У почетного наименования «халдей», благодаря многовековым наслоениям и искажениям истинного значения этого слова, появилось, как ты верно подметил, немало нарицательных и негативных синонимов, не имеющих ни малейшего отношения к истинным «халдейским мудрецам», являющимися прямыми наследниками знаний самых первых математиков цивилизованного человеческого мира – древнешумерских жрецов.

Знаешь, в чем заключается главная заслуга истинных «халдейских мудрецов» перед всем человечеством?!

– В чем?!

– Они первыми в мире научным математическим путем доказали существование «бессмертия человеческой души»!

– Впервые слышу об этом, Борис Дмитриевич! Да и, мне всегда казалось, что сам термин «бессмертная душа» является прерогативой христианских богословов, а – не «халдейских математиков»! Но недаром же говорят: «Век живи – век учись!».

– Вот и учись, Саша, пока есть у кого, пока я – живой! Мухаммед Нурбок, как ты, наверняка, уже догадался, прямым потомком самых, что ни на есть настоящих «халдейских мудрецов» – «мудрецов от божественной математики»!

Когда мы с ним познакомились, он продолжал напряженно работать в стратегическом направлении дальнейшего совершенствования незаконченных расчетов своих прямых уважаемых предков над пресловутой проблемой «человеческого бессмертия». И вот, именно, представитель древнейшего халдейского рода, Уцин Бит-Дакури и подарил мне этого Игига, который был и, вправду, всего лишь, восемнадцать сантиметров в высоту, почему я и сумел провезти его незамеченным из Ирака в Москву.

Он выглядел совсем не так, как ты себе, наверное, уже его представил – не маленькой копией вот этого «человека-дерева», Игига, которого ты сейчас имеешь удовольствие лицезреть перед собой.

Уцин Бит-Дакури, соблюдая все возможные предосторожности, чтобы не дай Бог, кто-нибудь стал невольным и нежелательным свидетелем этой «исторической» «передачи из рук в руки», торжественно «всучил» мне пластиковый цилиндр, наполненный специальным физиологическим раствором – «чудодейственным священным бальзамом». Цилиндр имел длину восемнадцать сантиметров и внутри цилиндра, в толще вышеупомянутого физиологического раствора плавала «кедровая шишка».

Как выяснилось, это была не совсем обычная «кедровая шишка» – профессор Нурбок, без каких-либо намеков на неуместный юмор, разъяснил мне, что в цилиндре хранятся семена «священного кедра», произраставшего когда-то на мифическом острове Хабах, о котором упоминается в древне-шумерском эпосе «Гильгамеш».

И далее мой фантастический иракский друг доходчиво разъяснил мне, что эту «шишку» нужно будет обязательно посадить в, так называемую почву Чистых Земель, потому что ни на какой другой почве семена «священного кедра бессмертия» не смогут дать всходов!

И, предупреждая всем дальнейшие естественные расспросы, Уцин Бит-Дакури дал мне один адрес в Москве, по которому я должен буду обязательно разыскать тибетского монаха

религиозно-философской традиции Бон по имени Ринчен Тензин, который и является тайным хранителем священной почвы «Чистых Земель».

– И вы нашли этого монаха?!

– Да, нашел! – задумчиво кивнул Борис Дмитриевич и заговорил дальше почему-то немного нервно: – Получилось все, как в лихо закрученном полуфантастическом детективе!

Ты пойми меня правильно, Саша – времена то тогда были суровыми, советскими, идеологически выдержанными, а я, как раз, так уж со мной приключилось, невольно «с головой» влез в «махрово-оголтелую», как любили выражаться тогда наши партийные идеологи, самую, что ни на сеть, настоящую «дурманно-религиозную антисоветчину», почему мне и пришлось столько лет «держат язык за зубами» и, не дай Бог, случайно кому-нибудь проговориться!

Скажу сразу, что тибетец этот отнесся к моему визиту и к моей просьбе очень серьезно и с полным пониманием. И, уже на следующий день после моего посещения «Клиники тибетской медицины» в районе станции метро «Смоленская», я высадил «шишку священного кедра» в десятилитровое пластиковое ведро, предварительно заполненное «священной почвой» «Чистых Земель». Я вылил туда, в «Чистые Земли» и «физиологический раствор», который мой иракский «визави» почему-то упорно называл «кровью Хумбаба». Еще там, в Ираке, профессор Нурбок объяснил мне, что это – питательная субстанция, необходимая для семян «священного кедра» на первичном этапе его «поступательного развития»... Спустя пять суток после «посадки», семена «священного кедра» дали «первые ростки».

И, за шестнадцать прошедших с того момента, лет. Он так вот сильно вырос – дерево то, из которого он сделан, является живым, а все «живое», как тебе хорошо известно, имеет склонность к постоянному росту.

Профессор Норбук объяснил мне подробно, как правильно ухаживать за маленьким Игигом, чтобы он вырос, достигнув нужных размеров, и без сомнения стал бы полезен живым людям, вроде нас с тобой!

Я поливал его, едва-едва проклюнувшиеся слабые росточки каждую ночь, когда на небе сияла полная луна – ростки семян «священного кедра» можно и нужно было поливать только при свете полной луны. И вода, используемая для полива этих семян, тоже была непростой. Я постоянно набирал в православном храме «освященную» воду и в ночи полнолуния выставлял трехлитровые стеклянные банки полные этой воды на подоконники своих квартирных окон. Спустя десять «ночей полнолуния» вода оказывалась «готова» для «полива».

Так что, Саша – здесь нет никакой мистики, а – один сплошной, сугубо научный, «математический» подход! Я имею ввиду «математический подход» под специфическим углом зрения на математику «халдейских мудрецов». Недаром же говорят, что математика – самая таинственная из всех человеческих наук, и автор «Алисы в стране чудес», Льюис Кэррол был, прежде всего, великим математиком, а потом, уже – поэтом!..

Борис Дмитриевич умолк и какое-то время мы сидели совершенно молча, и я поочередно рассматривал ошарашенным взглядом то «дерево-статую» – Игига, то самого Бориса Дмитриевича, казавшимся мне в те незабываемые минуты таким же необычным существом, как и сам вот этот Игиг, «выращенный» неустанными «садоводческо-огородническими» заботами моего научного руководителя.

Сколько минут мы просидели в оцепенелом молчании. Я точно не помню, но в какой-то момент я, все-таки, нашел в себе силы задать самый насущный, из всех возможных, вопрос своему наставнику:

– А, все же, Борис Дмитриевич – что он, все-таки, такое, этот Игиг, и почему, и зачем вы все это показали не кому-нибудь, а именно – мне?!

– Ты, наверное, не совсем внимательно меня слушал, Саша! – с легкой укоризненной улыбкой ответил «БД». – Как я тебе уже объяснил по ходу своего рассказа, моя встреча с настоящим «халдейским мудрецом» не явилась случайностью! И, наверняка, не случайно, профес-

сор Нурбок попросил меня открыть, доверенную мне тайну – «семена Древних Знаний» только самому талантливому своему ученику, который использовал бы эти знания по нужному назначению! И на этом, Саша, мы сегодня пока закончим, а у меня к тебе большая просьба – постарайся до поры до времени забыть все, что ты здесь увидел и услышал! Можешь ты пообещать мне это, как мужчина мужчине?!

– Обещаю, Борис Дмитриевич! – твердо заверил я «БД» и не смог не добавить: – если бы, даже. Я вздумал бы кому-нибудь рассказать про «Игига» и про весь сегодняшний вечер, то, в лучшем случае, мне бы не поверили, а в худшем – вызвали бы «психушку»! Разве я не прав, Борис Дмитриевич?!

– Прав, конечно! – без особого энтузиазма в голосе согласился со мной Борис Дмитриевич и во взгляде его я неожиданно увидел выражение сильной озабоченности или, может, даже, самой настоящей тревоги, которой еще секунду назад там не наблюдалось и в «помине».

– Что-то не так, Борис Дмитриевич?! – уточнил я, повнимательнее глянув на «засмуревшего» «БД».

– Все может оказаться очень опасным и непредсказуемым, Саша..., – как-то неопределенно объяснил он изменение собственного настроения в худшую сторону. – Впредь необходимо быть предельно осторожным и мне, и – тебе! Никому и никогда не говори про Игига – никому и никогда!!!

Я ничего не сказал больше ему, так, как и без лишних слов все очень хорошо понял и, спустя минуту, мы распрощались, крепко пожав друг другу руки...

...Больше за все время обучения в Университете, мы ни разу не заговаривали с Борисом Дмитриевичем о таинственном Игиге, и, с того памятного сентябрьского вечера, Борис Дмитриевич ни разу не приглашал меня посетить свою «тайную лабораторию».

Я постарался поскорее «забыть» об Игиге, как и пообещал Павлову, и весь, «целиком», «погрузился» в интереснейшую учебу, пытаюсь с максимальной добросовестностью и тщанием постигнуть все тайны информационных технологий...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Окончание Университета. «Причащение к Ай-Ти»

Мир Информационных Технологий (ИТ или «Ай-Ти») являлся в моем представлении свежерожденным «мировым разумом» уникальной замкнутой вселенной, внутри которой я чувствовал себя, как «рыба в воде», купаясь в родной стихии маниакальной одержимости фаната «Ай-Ти», устремленной безостановочно двигать вперед и вперед человеческий прогресс. Я нисколько не сомневался в те, свои счастливые безоблачные студенческие годы, что стану специалистом высочайшего класса в столь нужной людям профессии, призванной заметно облегчать их труд и, говоря, протокольным языком «материалов» Партсъездов, «канувших в Лету», «всемерно повышать материальное благосостояние населения нашей страны».

«Каждый человек должен быть на своем месте!» – неукоснительное соблюдение этого правила, исходя из законов банальной формальной логики, должно было бы безвариантно обеспечивать стабильность любого человеческого сообщества, консолидированного по территориальному и национальному признаку, в совокупности своей представляющей сложное многоплановое и многослойное социально-экономическое объединение под названием «государство». Я оказался настоящим «счастливчиком», потому что в очень, фактически, раннем возрасте, без каких бы то ни было долговременных колебаний, нашел то самое заветное «свое место», как в своей собственной жизни, так и в моем родном российском человеческом обществе.

Когда я защищал диплом и выпускался из своего «альма-матер», у меня не возникало и тени сомнения в том, что я окажусь востребованным гражданином России, и до последнего вздоха буду плодотворно трудиться на благо и процветание своей великой Родины! Мои родители в день получения мною «красного» диплома – «диплома с отличием» гордились по праву мною и были счастливы от одной только мысли, что их сын вырос достойным и полностью состоявшимся человеком. А я, в свою очередь, радовался за своих родителей, что оправдал их самые смелые чаяния и надежды! После выпускного вечера в университете меня ждала интересная работа и настоящее человеческое счастье во всем многогранном и глубоком смысле этого светлого слова!

Как один из самых (без всякой ложной скромности и преувеличения) способных выпускников своего курса я без проблем и проволочек, после экстерном сданных кандидатских минимумов, был принят в аспирантуру по соответствующей специальности по инициативе моего научного руководителя, доктора технических наук, профессора Павлова Бориса Дмитриевича.

Борис Дмитриевич был талантливым ученым и мудрым педагогом, оказавшим мне неоценимую помощь в начале моего научно-производственного пути и, именно, благодаря его умелому наставничеству я стал тем, кем являюсь в настоящее время – руководителем одной из самых передовых фирм России, занимающейся разработкой и внедрением новейших ИТ-технологий и систем в различные отрасли экономики своей великой Родины.

В момент начала моей учебы в аспирантуре в Твери у меня еще, естественно, и мыслей никаких не возникало о Москве и о том, что я когда-нибудь буду там не только жить и работать, но и возглавлять весьма успешную коммерческую ИТ-компанию.

Сразу после поступления в аспирантуру, я, естественно, как и любой добросовестный аспирант был «заточен» в основном на работу над избранной мною темой будущей кандидатской диссертации, и задача эта являлась для меня на тот период жизни самой сложной и важной.

Я был полон новаторскими идеями, которые мне не терпелось поскорее внедрить на практике, доказав, тем самым, верность своих теоретических выводов, блестяще подтвердившихся бы на практике. Другими словами, я занимался эффективной научно-изыскательской деятельностью по направлению: «анализ и выбор рациональной структуры региональных распределенных сетей передачи, обработки и хранения данных». У меня все получалось, чтобы я ни задумывал, и я чувствовал себя невероятно способным и прилежным, очень перспективным «учеником чародея», и жизнь моя казалась мне «прекрасной и удивительной» и все ее будущие дали были раскрашены, исключительно, в «голубые и розовые» тона! Ничто, казалось, никакая сила в мире не могла бы сбить меня с задуманного курса, во всяком случае – на три, четко запланированных года учебы в аспирантуре. Да и, спустя ближайшие годы, после окончания аспирантуры, трезво оценивая свои способности и уровень профессиональной подготовки, я, в принципе, не мог разглядеть каких-нибудь «подводных камней» в плавном, трезво спрогнозированном, течении моей будущей научно-производственной жизни.

Вспоминая годы обучения в аспирантуре на своей родной кафедре, я опять же не могу не упомянуть добрым словом Бориса Дмитриевича Павлова, который в самом начале трехлетнего обучения в аспирантуре предложил мне и моему товарищу по учебе работу в Администрации Тверской области.

Вообще, могу сказать, что с наставником мне очень и очень повезло – помимо вышеупомянутых мною качеств, какими обладал Борис Дмитриевич, в нем, в его непередаваемом умении обращаться с людьми, особенно, со своими учениками, на которых он возлагал определенные надежды, имелось одно ценнейшее свойство – приберегать на крайний случай стратегический интеллектуальный резерв. Он никогда не торопился выкладывать все, что у него имелось за душой и, что он хранил «себе на уме» (в хорошем, добром и полезном смысле этого расхожего выражения). В частности, про возможность устроить меня в Администрацию Тверской области, «под крылышко» самому Губернатору, Борис Дмитриевич сказал мне далеко не сразу. Видимо, умудренный опытом прожитых лет, он долго все взвешивал «за и против», стараясь учесть все многообразие, как, безусловно, положительных факторов, так и несомненных замаскированных опасностей, поджидающих неискушенного во многих житейских вопросах, молодого, хотя и очень одаренного специалиста, попадающего сразу в «высшую лигу». А, еще, он ни разу за прошедшие три года не упомянул в разговорах со мной, того самого Игига (ИИ) или его материального воплощения – «Лунного Жреца», который, по словам Бориса Дмитриевича, сказанным три года назад тем памятным «полусумасшедшим» сентябрьским вечером, что, однажды ИИ поможет мне сделать некое научное открытие мирового масштаба. Но, как выяснилось, не упоминал мой научный руководитель Игига («Лунного Жреца») не случайно...

...Однажды (я, даже, еще и не подозревал, что это наступило то самое «однажды», после наступления которого я «все буду должен понять самостоятельно», в чем уверял меня «БД» три года назад в «тайной лаборатории» во время достопамятного «знакомства» с Игигом) в один из июльских дней тысяча «тридцатого» года, когда выпускные экзамены в Техническом Университете остались позади и я стал счастливым обладателем «красного диплома», Борис Дмитриевич позвонил мне и спросил: не хочу ли я съездить «отдохнуть» на озеро Селигер?! Я, естественно, с радостью выразил свое полное согласие на сделанное чудесное предложение, ни на секунду, не задумавшись о возможных последствиях моего согласия.

Во-первых, я очень любил бывать на Селигере – каждая поездка на это уникальное суперозеро была для меня настоящим праздником, во-вторых, мне было очень приятно, что меня туда пригласил сам Борис Дмитриевич. Причем в интонации его голоса, когда он приглашал меня на Селигер, мне явственно почудились заговорщические, почти таинственные нотки, что в моих глазах придало этому приглашению особую пикантность. А, может и не было никаких

«тревожных и таинственных ноток», а прибавились они «автоприцепом» в моем собственном воображении уже потом, поздним вечером, когда Борис Дмитриевич позвонил мне вторично, спустя несколько часов после своего «дневного» звонка.

К тому моменту, когда «БД» мне позвонил вторично, я уже успел приготовить все необходимое для завтрашней поездки и собирался «отходить ко сну». Погода, помню, вроде как, ни с того ни с сего портиться начала – тучи на небо набежали и в воздухе сильно посвежело, хоть весь день был солнечным и жарким, и ничто не предвещало скорого дождя. Я еще подумал невольно, что завтрашняя поездка на Селигер, если «зарядят» ливни с грозами, может и не состояться. И, тут-то, как раз и позвонил «БД». Лишь только я его услышал, так сразу и понял по голосу, что кардинально испортилась не только погода, но и настроение у Бориса Дмитриевича.

– Не спишь еще?! – спросил он извиняющимся тоном и голос моего наставника звучал глухо и крайне невыразительно. – Прости, что так поздно!

– Что-то случилось, Борис Дмитриевич?! Завтрашняя поездка отменяется?! – сразу решил я «взять быка за рога» и поставить все «точки над «и».

– Да нет, Саша – поездка-то, как раз и не отменяется! – успокоил меня «БД», но голос его продолжал звучать глухо, невыразительно и, в целом, «убито». – Мы ее не в силах отменить – эту поездку! Особенно, при сложившихся обстоятельствах, Саша!

– А, что за обстоятельства, Борис Дмитриевич?!

– Час назад я разговаривал с Багдадом – мне оттуда позвонили!

– Тот самый «халдейский мудрец»?!

– Нет – его старший сын, Майран. Он сообщил мне о скоропостижной смерти своего отца, профессора Нурбока.

– Искренне соболезную!

– Не в этом дело, Саша – твои соболезнования никому не нужны, потому что никому от них не станет легче!

– А в чем тогда дело?!

– Все мы смертны..., – «БД» тяжело вздохнул и продолжил: – Нурбок умер на руках своего сына – остановка сердца. Но перед смертью он успел попросить Майрана, чтобы тот обязательно дозвонился в Тверь – мне, и на словах передал бы, буквально следующее: «Отец просил вас сказать, что „охота“ началась и, чтобы я был предельно осторожен с этой самой минуты!».

– О какой «охоте» этот Майран предупредил вас, Борис Дмитриевич?! – я и сам не знаю – почему, вдруг сильно встревожился, и тревога эта показалась мне совершенно неопределенной и немотивированно-безадресной.

– Дело в том, Саша, что за час до этого телефонного звонка, я находился у себя на кафедре – меня лично вызвал туда начальник охраны нашего университетского корпуса! – по-прежнему бесстрастно, глухо и «убито» проговорил «БД». – кто-то проник на кафедру и взломал дверь «тайной лаборатории»!

– И?!

– «Игиг» исчез! Вместо него осталась куча ошметков древесной коры!

– Вы хотите сказать, что кто-то украл «Игига»?!

– Нет! Стальная дверь оказалась выбитой изнутри – одним страшным ударом, вылетев на середину помещения кафедры вместе с косяками и частью стены. Точно таким же образом поступили с дверью самой кафедры, закрытой на все замки! Хорошо, что за летним временем никого на кафедре не оказалось и никто, таким образом, не пострадал! Внутри лаборатории родился настоящий «торнадо», со страшным свистом пролетевший по коридорам, до полусмерти перепугавший охранников и, благополучно выскользнувший на улицу. А потом позвонил Майран, и сообщил о смерти отца, и о том, что «охота началась»!

– И, тем не менее, вы говорите, что завтрашняя поездка на Селигер не отменяется?! Честно говоря – голова у меня уже «кругом пошла» от всей этой «петрушки» с Игигом и со всем Ираком, Борис Дмитриевич! Что нам делать на Селигере – это настолько важно?!

– Завтра мы должны быть с тобой на специальной службе в главном храме Нило-Столобенской Пустыни, расположенной на острове Столобный! Дух самого Нила Столобенского должен благословить начало твоего пути во взрослую жизнь, Саша! – голос моего научного руководителя делался все тревожнее и озабоченнее, и я безошибочно чувствовал, что этот загадочный «взрыв» в «тайной лаборатории» еще не раз, и не два «аукнется» лично для Бориса Дмитриевича.

– Борис Дмитриевич! – подчиняясь внезапному душевному порыву взволнованно воскликнул я. – А, что это за «охота», которая «началась» – я, честно говоря, так и не понял!!!

– Поговорим на эту тему завтра, Саша! – голос Бориса Дмитриевича после моего вопроса перестал звучать столь «глухо и безнадежно», словно бы в нем прорезались интонации «спортивной злости». – Чувствую я, что спать мне сегодня не дадут и еще не один раз потревожат по поводу случившегося и к утру я буду располагать гораздо более полной информацией по поводу того вопроса, который ты мне только что задал! Сейчас, Саша голову себе больше ничем не забивай и ложись отдыхать – завтра в семь утра встречаемся на автовокзале! – и «БД» отключился.

Настроение у меня после этого разговора сильно испортилось, и последовать разумному совету своего наставника – «ничем себе не забивать голову» и поскорее «окупнуться в глубокий освежающий сон», у меня уже не получилось! Я долго ворочался с боку на бок, невольно пытаясь представить воочию картину того, что могло произойти в «тайной лаборатории». Непонятное жгучее беспокойство охватывало меня все сильнее с каждой минутой, мерно отсчитываемой китайским электронным будильником, стоявшим у изголовья моей кровати.

Молодость и, накопившаяся за жаркий душный июльский день, усталость, все же, взяли свое и я, сам не заметил, как уснул. А, может мне так только показалось, что я уснул – в душе моей после происшедшего «сумасшедшего» разговора с «БД» продолжала «гудеть» от перенапряжения пружина неосознанной сильной тревоги о каком-то очень близком мне человеке, с которым случилась неожиданная и очень серьезная беда. И непонятный «взрыв» в «тайной лаборатории» являлся симптомом этой самой беды... Началась «охота» кого-то за кем-то, как сказал мне Борис Дмитриевич, в свою очередь, передав предсмертные слова своего иракского друга. Вернее, эта пресловутая «охота» не «началась», а – «возобновилась», и к «возобновлению» этой загадочной «охоты», каким-то непостижимым образом стал иметь самое непосредственное касательство не кто-нибудь, а, именно – я! И, тот, «очень близкий мне человек», по чьему поводу я начал испытывать внезапную сильную тревогу, был опять же не кто-нибудь, а именно – я! Но это был тот «я», которого я раньше совсем не знал, а лишь смутно иногда догадывался о его незримом существовании где-то совсем рядом со мной или – во мне...

...Немало помучившись таким вот замысловатым образом, в какой-то момент я все же уснул «по-настоящему» и разбудил меня «надежный электронный друг» – китайский будильник, заведенный накануне лично мною на шесть утра.

Без двадцати семь я уже был на автовокзале и жадно высматривал Бориса Дмитриевича среди многочисленных групп, постоянно прибывающих пассажиров. За те несколько минут, пока я нетерпеливо ждал его появления, меня, разумеется, раздирало множество самых невероятных предположений и идей – одна фантастичнее другой, и ни одна из них не могла удовлетворить меня в качестве рационального объяснения событиям, происшедшим вчера в «тайной лаборатории» «БД». Поневоле я вспомнил и еще кое о чем...

...В частности о тех упорных, хотя и непроверенных слухах о причастности Бориса Дмитриевича Павлова к деятельности некоего «краеведческого общества», занимавшегося детальным углубленным изучением истории Твери с тех далеких пор, когда территорию нынешней

Тверской области занимало могучее Тверское Княжество, а сам город Тверь по своему экономическому статусу и геополитической значимости намного превосходил нынешнюю столицу современной России, Москву. Про это «краеведческое общество» по городу Твери ходили весьма противоречивые и, порой, самые невероятные слухи, но лично я не придавал этим слухам особого значения, полагая, что ничем таким особенно жутким и противозаконным какие-то безобидные «краеведы», в принципе, заниматься не могли. Но этим июльским утром меня в связи с «краеведческим обществом» грыз упорный и неутомимый «червячок беспокойства»...

...И успокоился во мне этот «червь» (величиной не меньше «солитера») только тогда, когда я увидел Бориса Дмитриевича...

...Борис Дмитриевич был не один, а пребывал в компании с, неизвестным лично мне, атлетически сложенным высоким мужчиной лет сорока, с которым они оживленно переговаривались с, болезненно поразившей меня, удивительно мрачной сосредоточенностью. «Мужик» этот с первого же взгляда произвел на меня «сильное» впечатление, основной сути какового я не сумел сразу ухватить, но меня, тем не менее всего аж «передернуло» – от пяток до самой макушки!

Но я, все же, как ни в чем ни бывало, поздоровался за руку с Борисом Дмитриевичем, и он представил мне своего спутника:

– Знакомся, Саша – Иван Святославович Твердников, доктор исторических наук, глава «Краеведческого общества» города Твери «Белый Всадник»! Очень необычный и чрезвычайно интересный человек – вы обязательно с ним подружитесь, уверяю тебя!

Рукопожатие получилось очень крепким – я едва не вскрикнул от боли, так как мне показалось, что рука Твердникова была изваяна из гранита. А еще меня пронзило острое ощущение «узнаваемости» этого человека, хотя я и был уверен на все сто процентов, что видел его первый раз в жизни.

«Где, интересно, Дмитриевич мог его откопать?!» – активно шевеля пальцами, чтобы быстрее восстановить кровообращение, лихорадочно соображал я, интуитивно связывая «появление» «Твердникова» со вчерашними «непонятками» на кафедре, руководимой «БД».

Тут по громкой связи объявили, что до отправления нашего «рейса – по маршруту: Тверь-Осташков» остается три минуты, и мы поспешили занять места в салоне, дабы автобус не уехал на Селигер без нас...

...Автобус тронулся с места, в салоне автоматически включился кондиционер и заиграла современная молодежная музыка из серии: «последние хиты».

«БД» и «ИС» заняли места сразу впереди меня, а я, соответственно, оказался позади них и место мое было у окошка.

Почти с самого начала движения, между «БД» и «ИС» завязался оживленный спор, суть которого ускользала от меня по той причине, что я моментально начал «клевать носом», убаюканный плавным покачиванием нашего просторного комфортабельного автобуса. Впрочем, из обрывков особенно громко произносимых фраз, доносившихся до моего сознания сквозь, навалившуюся на меня, полудрему, я догадался, что речь шла о нешуточном соперничестве, имевшем быть место между Москвой и Тверью в четырнадцатом веке за политическое господство на территории Руси.

Мне показалось, что Павлов и Твердников не просто полемизировали между собой, щеголяя собственной эрудированностью в знании истории государства Российского четырнадцатого века, а очень ожесточенно «полемизировали», едва сдерживаясь, чтобы не начать размахивать руками и не перейти на «площадный» крик.

На какой-то, особенно глубокой дорожной «колдобине» я подпрыгнул на сиденье (как и остальные пассажиры) и окончательно проснулся, моментально «наострив уши» – что-то меня по серьезному насторожило в короткой эмоциональной речи Бориса Дмитриевича, «нес-

шему», в чем я мог бы поклясться, полнейшую «дичь»! «Дичь» эта являлась неотъемлемой частью ожесточенного спора о том, почему все-таки не Тверь, как ей надлежало бы, а Москва стала столицей Русского государства?!

И предмет спора их показался мне чистой «паранойей» – если бы я услышал такую «галиматью» из уст таких уважаемых людей где-нибудь в чистом поле, то обязательно бы изыскал возможность «от души» сплунуть с досады, но так как я находился в замкнутом пространстве автобуса и плевать мне было некуда, то я только сокрушенно покачал головой.

Как я уже отметил выше, тема этого спора показалась мне изначально «пустой» и «надуманной», не имеющей никаких «корней» в реальном современном мире. И, тем более странным и загадочным казалось мне то упорство, достойное лучшего применения, с которым продолжалось «промыывание древних костей» давным-давно похороненной исторической проблемы! Послушав их минут десять, я пришел к выводу, что первопричиной и основным субъективным фактором этого спора являлся таинственный, взявшийся «ниоткуда», как Фаустовский «гомункулус» («человек из пробирки»), «историк-краевед», Иван Святославович Твердников и его «твердокаменная» позиция в пользу Твери, как наиболее оптимального варианта для роли столицы Русского государства, нежели – значительно «более гиблый и скользкий» вариант с Москвой. Его почему-то страшно бесил тот факт, что столицей РФ является Москва, а – не Тверь!..

Я слушал их слушал, и в какой-то неувловимый момент вдруг ясно понял, что тема выбранной беседы между «БД» и «ИС» являлась ничем иным, как сложно построенной «словесной маскировкой», ибо на самом-то деле им не терпелось поговорить о чем-то совсем ином, и это «иное», так или иначе вплотную было связано со вчерашним загадочным «взрывом» в «тайной лаборатории» – «И. С. Твердников» был «порождением» этого «взрыва»!!! ... Я чувствовал, что абсолютно прав в этом безумном утверждении насчет, так сказать, «происхождения» «Твердникова», но я никому ничего не собирался доказывать, веря собственной интуиции, никогда еще меня не подводившей. А, верные интуитивные выводы могут основываться, исключительно, на безошибочных логических умозаключениях – ни Тверь, ни Москва, ни их ожесточенная конкурентная борьба за политическое доминирование на Руси четырнадцатого века в принципе не могли волновать ни Бориса Дмитриевича, ни «Ивана Святославовича». Обоих участников «ожесточенного спора» тревожило совсем другое, о чем они пока не имели возможности говорить открыто – по каким-то серьезным причинам... И, совсем не случайно, когда мы въехали на окраины города Осташкова и увидели манящие озерные дали Селигера, я пребывал в непоколебимой уверенности в том, что «И. С. Твердников» – «загадочное и могущественное» сверхъестественное существо, вынужденное принять внешний облик обычного человека. Единственное, чего я точно не знал о «Твердникове» – стоило ли мне его опасаться или же он, напротив, будет нам с «БД» верным другом и окажет нам обоим неоценимую услугу в самом ближайшем будущем?!...

...Наш автобус прибыл на автовокзал города Осташкова в десять тридцать утра. От автовокзала на рейсовой «маршрутке» мы доехали до городской пристани, откуда катер на «подводных крыльях» Стрела с комфортом домчал нас до острова Хачин, где в пансионате «Золото Селигера» нам троим был забронирован номер в симпатичном деревянном коттедже сроком на двое суток.

Я не профессиональный экскурсовод и не туроператор, поэтому не буду в рекламных либо познавательных целях описывать невероятные природно-этнографические красоты уникального моренового озера Селигер и его окрестностей, являющейся настоящей природной «жемчужиной» всей Восточно-Европейской равнины. Но я дам самые общие сведения, чтобы читателю стало ясно, в какую красоту мы попали!

...Озеро Селигер расположено на высоте двести пять метров над уровнем моря, являясь древним водоемом моренового (ледникового) происхождения и расположено большей частью

на территории Тверской области, а меньшей – на территории Новгородчины, вытянувшись с юга на север более чем на сто километров. Говоря, по правде, Селигер представляет собой, как бы цепочку озер, соединенных между собой протоками. Прозрачность воды Селигера достигает пяти метров. Площадь озера составляет двести шестьдесят квадратных километров и на его поверхности насчитывается сто шестьдесят островов, как правило, покрытых густым лесом, живописно отражающимся на озерной глади. Остров Хачин, где Борис Дмитриевич заблаговременно забронировал в пансионате «Золото Селигера» номер в коттедже, является самым большим островом Селигера. А самое главное – от Хачина до острова Столобный было «рукой подать», всего – три с половиной километра. На острове Столобный располагалась основная и единственная цель нашей поездки – действующий православный мужской монастырь, Нило-Столобенская Пустынь. Там, в главном храме монастыря хранились мощи Нила Столобенского – известного на всю огромную Россию Святого.

Когда мы устраивались в коттедже, я заметил, что «Иван Святославович» или, кто он там был на самом деле, как-то совсем «неважно» выглядит – возможно, что на него столь сокрушительным образом повлияла трехчасовая с «лихвой» езда на автобусе. Во всяком случае он был очень бледен и неразговорчив, наотрез отказавшись пойти на завтрак в пансионатскую столовую, сославшись на отсутствие аппетита, добавив, что лучше он «покемарит» часок перед «ответственным посещением» главного Храма Нило-Столобенской Пустыни. Мы не стали его отговаривать, видя, что ему, действительно, необходим кратковременный отдых и отправились в столовую вдвоем. Борис Дмитриевич, оказывается, раньше, в предыдущие годы своей жизни отдыхал несколько раз в этом пансионате и все здесь хорошо знал.

В светлой просторной столовой мне очень понравилось. Столики, каждый из которых был рассчитан на четверых человек, были покрыты чистыми, свеженакрахмаленными белыми скатертями. По центру всех столиков, включая тот, за который уселись мы, кроме необходимых обеденных приборов, стояли аккуратненькие вазочки со свежими полевыми цветами, и, в целом, столовая производила благопристойный уютный вид, способствующий усилению пищеварения и всемерному улучшению аппетита отдыхающих. Симпатичная молоденькая официантка подала нам салат из свежих помидоров вперемежку с огурцами, а основным блюдом оказался жареный судак, в качестве гарнира к которому прилагалась гречневая каша, обильно политая растопленным сливочным маслом. Мы были очень голодны и, почти не разговаривая, быстро расправились с салатом, судаком, гречневой кашей и перешли к кофе.

Допивая кофе, Борис Дмитриевич не переставал о чем-то напряженно размышлять и смотреть куда-то мимо меня или сквозь меня пустым и ошарашенным взглядом. И взгляд «БД» откровенно меня пугал. Я, конечно, мог примерно догадываться – о чем мог так напряженно размышлять «БД», но терпеливо ждал, когда он сам заговорит и, тем самым опровергнет или подтвердит мои смутные догадки, что начали терзать меня, лишь только я увидел этого «Твердникова» «воочию», сразу «увязав» его «появление» с аномальными событиями вчерашнего вечера в Тверском Политехе.

Поставив опустевшую чашку на стол, «БД» произнес:

– Все, Саша – сейчас поплывем в Нило-Столобенскую Пустынь, чтобы отстоять там специальную службу у «раки» со святыми мощами Преподобного Нила Столобенского!

– Это так необходимо?! – на всякий случай уточнил я, допивая свой кофе и пытаясь не показать своему наставнику каким-нибудь случайным словом или жестом тот жуткий психологический дискомфорт, что царил в моей душе.

– Это чрезвычайно важно! – твердо ответил мне Борис Дмитриевич. – Службу заказал лично я, Саша! Без нее никак не обойтись – поверь мне на слово! Ты как себя чувствуешь?! На тебе, по-моему, «лица нет»!

Я решил «не ходить вокруг да около», а прямо спросил Бориса Дмитриевича:

– Борис Дмитриевич – как давно вы знакомы с этим Твердниковым?!

– Тебя что-то в нем сильно смутило?!

– Да!

– А что именно?!

– Не знаю! – подумав пару секунд, сказал я и дальше не стал скрывать правду. – Этот человек вызывает у меня сильную необъяснимую тревогу и мучительное желание что-то вспомнить – что-то очень важное, но, постоянно ускользающее из памяти! Он мне кого-то сильно напоминает – какого-то близкого мне, но незаслуженно забытого мною человека! Этот «Твердников» – не человек, а – материализовавшееся «дежа вю», честное слово, Борис Дмитриевич!

– «Дежавю» – вещь опасная и малоизученная, как та пресловутая «палка о двух концах»! – выдержав непродолжительную задумчивую паузу, медленно проговорил Борис Дмитриевич. – Но в словах твоих, Саша имеется большая доля истины, как бы это ни парадоксально звучало!

– Не парадоксальнее, чем ваш Игиг и все, что с ним связано, Борис Дмитриевич! – вполне корректно парировал я. – Я не могу разобраться в своем нервно-психологическом состоянии, Борис Дмитриевич – со вчерашнего вечера, после вашего телефонного звонка, оно сделалось крайне нестабильным. А еще днем, когда вы позвонили и предложили прокатиться на Селигер, то душа моя была спокойна и светла, как штилевая поверхность этого самого Селигера в солнечный полдень! Воистину говорят: «Жизнь прожить – не поле перейти!» или..., в общем, по-всякому говорят, Борис Дмитриевич про жизнь человеческую!

– Твоя жизнь, Саша, я имею ввиду твою взрослую жизнь, только-только началась – неделю назад ты покинул свою «альма-матер»! И... – «БД» посмотрел на меня таким выразительным взглядом, какого раньше я него никогда не замечал, и, словно бы во взгляде этом заключилось все его знание о моем будущем.

Мне сделалось еще сильнее «не по себе» и я поскорее спросил:

– Скажите все, как есть, умоляю вас, Борис Дмитриевич! Если вы скажете то, что знаете об этом «Твердникове» и о его внезапном появлении в нашей с вами жизни, то станет легче на душе и вам, и мне! Вы разве сами-то не видите – в какой логический тупик загнала нас с вами эта ваша давнишняя поездка в Ирак?! Что же это, такое, черт возьми, сейчас происходит?! Какая-то «фантастическая жуть» наяву – вы не находите, Борис Дмитриевич?!

– Тем более – скорее надо плыть к Нилу Столобенскому, Саша! – словно «мантру» повторил «БД» о необходимости побыстрее отправиться в Нило-Столобенскую Пустынь, совершенно проигнорировав мой вопрос о «происхождении» «Твердникова».

Но я проявил неожиданное упорство, какого и сам от себя не ожидал:

– Борис Дмитриевич! Вы так и не ответили мне на мой вопрос: как давно вы знакомы с этим «Твердниковым»?! Почему я раньше ничего о нем не слышал, не говоря уже и о том, что никогда и не видел раньше этого человека! А, ведь он, по вашим словам, является доктором исторических наук плюс к этому высокому званию, несущий на своих плечах тяжелейшую нагрузку в качестве главы полумифического краеведческого общества «Белый Всадник»! Я, Борис Дмитриевич, просто, не мог бы не знать этого человека раньше – Тверь слишком маленький городок для того, чтобы личность подобного масштаба оказалась неизвестной!

– Твердников вовсе – не из Твери, Саша! – горячо возразил мне Борис Дмитриевич. – Вернее, этот человек – из той Твери, которая изучается, возглавляемым им краеведческим обществом «Белый Всадник»! Иван Святославович Твердников – полномочный представитель от Великого Тверского Княжества на предстоящей инаугурации тебя в «ученые Айтишники», Саша!

При этих словах «БД», я, при всем моем глубоком уважении к своему наставнику, все же не мог не взглянуть на него повнимательнее особым оценивающим взглядом.

Борис Дмитриевич от души, но негромко рассмеялся:

– Не бойся, Саша – я не сошел с ума! В этой спонтанной поездке, на самом деле, почти нет ничего «спонтанного», а, напротив – все продумано, взвешено, просчитано и взаимосвязано, так как поездка эта планировалась лучшими математиками и программистами мира! Я тебе еще не успел сказать, какая, именно, организация хотела бы тебя иметь в своих рядах в качестве постоянного сотрудника – сегодня вечером после посещения Храма я все это подробно тебе растолкую А, раньше никак нельзя – так что наберись терпения, дружок! Ну, а, сейчас, нужно плыть в Храм – время нас поджимает, судя по физическому состоянию нашего нового друга, Твердникова! Да и у Владыки нервы, наверняка же, «пустятся в пляску», если начнется наше «опоздание»! – взгляд «БД» резко сделался мрачно-мутным, и он весь, как-то хищно «подобрался», словно бы увидел невидимого врага!

Другими словами, вся ситуация мне начинала все больше не нравиться и я, уже, даже искренне пожалел, что согласился на эту поездку, предварительно не выпросив подробностей. Но, все же чисто для вежливости, я спросил:

– Кто такой Владыко, Борис Дмитриевич?!

– Архиепископ Селигерский и Валдайский, преподобный Иов! Один из немногих специалистов РПЦ по «истинным инициациям и „высоким“ контактам»! Человек он очень непростой и к обязанностям своим относится чрезвычайно серьезно, так что у меня к тебе большая просьба, Саша – перед входом в Храм оставь легкомыслие и иронию... – и опять Борис Дмитриевич не договорил до логической точки задуманной фразы, что было для него совсем нехарактерно и, в очередной раз доказывало в моих глазах всю аномальность складывавшейся ситуации – рожденной «взрывом» «Игига» или – «кто его знает, чего там», что «вызрело» и «рвануло» в «тайной лаборатории» «БД»!?

Ничего удивительного не оказалось в том, что мне сделалось на душе «совсем невмоготу» и я опять задал Борису Дмитриевичу все тот же вопрос, упорно остававшийся без ответа:

– Борис Дмитриевич! Вы скажете мне или нет – когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с этим Твердниковым, который лично мне кажется очень подозрительным человеком?!

– Это он со мной познакомился, а – не я с ним, Саша! – наконец-то соизволил «не увильнуть» от ответа на поставленный мною вопрос «БД». – И произошло это знаменательное событие вчера вечером в моей «тайной лаборатории» – колыбели «непонятного», чьи семена я привез из дружественного Ирака! Человек, назвавшийся Иваном Святославовичем Твердниковым появился после того, как разъехались представители милиции и других силовых структур, оставив меня один на один с последствиями происшедшей катастрофы, Саша!

«БД» больше не посчитал нужным мне что-либо еще сообщить, а я, в свою очередь, поостерегся вести дальнейшие расспросы на эту тему, ибо тема эта стала представляться мне потенциально очень опасной. На меня, словно бы повеяло крайне неприятным холодным сквозняком, просочившегося сквозь незаметную «прохудившуюся» щель «величественного, но, давным-давно уже обветшавшего Мироздания, на поверку оказавшегося настоящим «карточным домиком». Я «во все глаза» смотрел на «БД» и язык мой «прилип к гортани» и мне совершенно нечего было сказать, ибо я находился на грани психологического коллапса, в каком может оказаться любой нормальный человек, глазам которого внезапно «предстает» «непредставимое» ... Я, даже, невольно передернул плечами – до того мне сделалось «не по себе»!

– Замерз?! – заметив мое непроизвольное движение, спросил Павлов, лишь бы хоть что-нибудь спросить, и тут же поднялся из-за обеденного столика с самым решительным видом: – Поехали, Саша! Вернее – поплыли, пока не поздно!

На выходе из столовой, мы увидели «Твердникова» – после кратковременного сна «Иван Святославович» заметно посвежел, и во всем внешнем облике главы «Краеведческого общества «Белый Всадник» ничто не напоминало о приступе предательской слабости, поразившего его чуть больше часа назад. Но, тем не менее, меня, по-прежнему, продолжало «воротить

с души», лишь только я попытался попристальнее взглянуть в глаза этому человеку – в глазах этих плавала, искрясь и переливаясь множеством траурных красок, нечеловеческая тоска... Я быстро отвернулся в сторону озера и пошагал вслед за «БД».

Спустя три минуты мы подошли к деревянному причалу, где ждали своих пассажиров несколько элегантных прогулочных катеров. Шустрый экскурсовод-распорядитель быстро посадил нас троих и еще с дюжину туристов на «гордость» местного «аквапарка» глассер на «воздушной подушке» под смешным названием «Шмель» и началось увлекательное плавание.

Так уж получилось при посадке, что «Твердников» оказался довольно далеко от нас с «БД» и мы получили возможность вести разговор с Борисом Дмитриевичем в таком режиме, при котором «Твердников» не смог бы нас расслышать при всем своем желании. А у меня имелась огромная потребность оперативно переговорить с «БД» в режиме строгой «конфиденции» – без «лишних ушей».

Доплыли мы до острова Столобный минут за сорок и за эти сорок минут Борис Дмитриевич, успел, все-таки рассказать более или менее подробно о том, каким образом вчера вечером в его «тайной лаборатории» появился «Твердников» – «человек из «ниоткуда». Ниже, с «красной строки» я возьму на себя смелость полностью изложить немудреный рассказ «БД», слегка литературно переработанный и приукрашенный мною...

«... Борис Дмитриевич остался один в, искореженной необъяснимым «взрывом», «тайной лаборатории», отныне переставшей быть «тайной», а, напротив, сделавшись совершенно «открытой», буквально – навстречу «всем ветрам»!

Последним лабораторию и помещение кафедры покинул старинный приятель Бориса Дмитриевича, начальник охраны Университета, некто Иван Михайлович Будников, или, просто – «Михалыч». Перед тем, как уйти, он довольно долго и бессмысленно топтался на месте перед старым другом и никак не мог найти нужных и точных слов «утешения и сочувствия». Но все разумные слова уже были произнесены и в воздухе осталась витать лишь одна сплошная «недосказанность», выразить которую словами при сложившихся тягостных и необъяснимых обстоятельствах не сумел бы, даже сам Цицерон. Поэтому ничего не было удивительного в том, что тактичный Борис Дмитриевич, которому не терпелось остаться в полном одиночестве, предложил, в итоге, Ивану Михайловичу:

– Михалыч – иди, наверное, уже, домой – что ты здесь будешь торчать «без пользы и толка»! Хуже того, что случилось, уже не случится! – и уныло посмотрел прямо в глаза «Михалычу».

А, затем они оба, не сговариваясь, «приклеились» остановившимися взглядами, полными необъяснимой тоски в кусок предгрозовой ночной июльской черноты за квадратами кафедральных окон, совершенно освободившимися от стекла, выбитых мощной взрывной волной. Иван Михайлович, кроме тоски, почувствовал безотчетную тревогу, готовую вот-вот перерасти в панический ужас и поэтому, недолго думая, он решил воспользоваться советом-предложением Бориса Дмитриевича и – поскорее «ретироваться». Слишком уж тут все оказалось пугающе непонятным и почти «сверхъестественным» – «намудрил» тут «Дмитрич», так «намудрил» или «намутил», что без «пол-литра» никак здесь нельзя было бы разобраться! И, уж, точно, ему – «Михалычу» в этой лаборатории делать было больше нечего, потому как здесь кто-то недавно «вылупился» и своим «появлением на свет» едва не разрушил все здание корпуса, и виноват то в этом был только один человек – сам «Дмитрич» и – никто больше! Но ничего такого «Михалыч» вслух не стал говорить, а буркнул лишь торопливо и трусливо: «Бывай, Дмитрич! До завтра! Счастливо тебе здесь оставаться!» и – «был таков»!

«БД» наконец-то остался в одиночестве и терпеливо принялся ждать «продолжения банкета», будучи твердо уверенным, что с минуты на минуту кто-то должен будет непременно появиться и доходчиво разъяснить ему суть происшедшей в «тайной лаборатории» катастрофы. И, ничего абсурдного или алогичного в ходе своих причудливых размышлений, Борис

Дмитриевич не увидел, так как привычная логика жизни в его мировосприятии испарилась много лет назад, когда он познакомился в Ираке с представителем старинного рода настоящих Халдейских Мудрецов и получил от них в дар «Игига»...

В свете вышесказанного, Борис Дмитриевич совершенно поэтому не испытывал того специфического страха «перед неизведанным», какой, к примеру, столь неприятным и сокрушительным образом поразил центральную нервную систему его старого друга, «Михалыча». Но нельзя, однако, было сказать, что мой научный руководитель чувствовал себя спокойно и комфортно – сильная тревога, перемешанная с жутким любопытством «снедали» Бориса Дмитриевича по «нарастающей»...

Он напряженно прислушивался к полной тишине, царившей в огромном химико-технологическом (ХТ) корпусе Университета, где на втором этаже и располагалась, возглавляемая им кафедра вместе со злосчастной «тайной лабораторией», и ничуть не удивился, когда услышал чьи-то торопливые уверенные шаги, гулко отдававшиеся в пустоте коридоров. Кто-то, другими словами, целеустремленно шагал по пустынному ночному коридору второго этажа университетского корпуса ХТ, по направлению к его разгромленной кафедре и Борис Дмитриевич, по мере приближения неизвестного человека, заранее начал настраивать себя на необходимое психологическое состояние, дабы «не ударить в грязь лицом» перед Тем, кто должен был появиться с секунды на секунду в проеме выбитой кафедральной двери.

Ожидаемый неизвестный появился неожиданно – высокий, атлетически сложенный мужчина, с бесстрашным пронизывающим взглядом больших темных глаз, пять минут спустя представившийся на чистом русском языке «доктором исторических наук, заблудившимся во времени и пространстве, Твердниковым, Иваном Святославовичем». Но, до того, как он представился Борису Дмитриевичу, успел произвести на него глубокое и очень сильное впечатление всем своим внешним обликом – крайне «растрепанным» внешним обликом. Словно бы этого человека принесло на кафедру Бориса Дмитриевича «шальными сквозняками самой вечности», прорвавшейся на мгновение вовнутрь учебного корпуса ХТ ТГТУ. Никакая иная сила в целом мире не смогла бы так безнадежно и необратимо «потрепать», и внешне, и, скорее всего, «внутренне» человека, внезапно появившегося в «фокусе зрительного и акустического восприятия окружающей действительности» Бориса Дмитриевича Павлова.

...Длинные густые волосы незваного пришельца, имевшие цвет «воронова крыла», стояли «дыбом» и торчали в разные стороны, словно прутья в вороньем гнезде. Изумленно вытаращенные большие темно-зеленые глаза его горели ярким огнем настоящего безумия человека, который, сам того не ведая, только что совершил «гипер-прыжок» через «мегапарсеки» пространства и сотни миллионов «световых лет» какого-то совсем чужого времени, взявшись – «ниоткуда»!...

Само собой, что у Бориса Дмитриевича глаза также, безвариантно, вытаращились от изумления на своего гостя, которому больше неоткуда было взяться, как – «упасть с Луны»!

Кстати, из одежды на «лунном страннике» не имелось ничего, кроме ветхого неопределенного тряпья, закрученного вокруг бедер, и он продолжал тяжело дышать, словно, только-только «финишировав» в каком-то сверхдальнем «забеге». Видимо, по этой существенной причине, «человек с Луны» и не мог выговорить ни слова, а только умоляюще и извиняющеся «буравил» «ополоумевшего «БД» своими глазищами, в которых творилось «черт знает, что»! Кем бы он ни был, но проницательному Борису Дмитриевичу стало совершенно ясно с первого взгляда, что, появившийся перед ним, как сказочный «лист перед травой», незнакомец испытывает «танталовы» душевные муки и почти не понимает того, что с ним «творится» и для какой цели, вообще, он появился на «свет белый», «осознав себя, как отдельно мыслящего индивидуума – полноценную человеческую личность»?! Проще говоря, Борис Дмитриевич перестал испытывать ту сильную непонятную тревогу, терзавшую его еще несколько минут назад, так как он ясно различил, что во «взявшемся» из «ниоткуда» незнакомце не заключалось

ни малейшей опасности, и, сам по себе, этот незнакомец, несмотря на весь «махровый сюрреализм», сопутствующий его появлению на кафедре, очень быстро сделался Борису Дмитриевичу абсолютно понятным – несчастным, деморализованным, полностью растерянным человеком, не понимающим в данную непростую минуту: кто он, откуда «взялся» и что ему оказалось нужным делать этой предгрозовой июльской ночью на кафедре, руководимой Борисом Дмитриевичем Павловым?!

– Кто вы такой, мужчина и что вам здесь, вообще, угодно?! – собрался, в конце концов, с силами и строго поинтересовался «БД» у незнакомца, почему-то ничуть не сомневаясь, что тот прекрасно понимает по-русски и, вследствие этого понимания, обязательно даст исчерпывающий ответ на заданный Борисом Дмитриевичем, вопрос.

– Я сейчас умру с голоду – у вас есть какая-нибудь еда?! – неожиданно произнес незнакомец и обессиленно опустился на ближайший к нему стул.

«БД», не став ничего уточнять и переспрашивать, бросился к кафедральному холодильнику и достал оттуда все, что там хранилось – холодная ветчина, соленое свиное сало, жареная картошка и немного винегрета. Вся эта снедь, по счастливой случайности, осталась от вчерашнего кафедрального «корпоратива», посвященного окончанию очередного учебного года и оказалась сваленной одной, беспорядочно перемешанной, кучей в пятилитровой алюминиевой кастрюле. «БД», недолго думая, поставил эту кастрюлю (за неимением другой посуды) перед своим неожиданным гостем и категорично сказал ему:

– Насыщайтесь, любезный! – сам же, приставив другой стул напротив «человека с Луны», с любопытством принялся наблюдать, как тот с огромной жадностью набросился на вкусную и питательную еду.

– Простите, а, как вас звать-величать, уважаемый?! – воспользовавшись первой же паузой, вызванной предварительным «пароксизмом сытости», спросил «БД».

– Иван Святославович Твердников!

– Это – ваше настоящее имя?! – сам, точно, не зная, почему решил уточнить дотошный «БД».

– Нет – мое настоящее имя звучит совсем иначе, но его точное звучание я не могу сейчас вспомнить! – с нескрываемым отчаянием в голосе, ответил «Твердников», впрочем, добавив: – И, самое плохое заключается в том, что, если бы я и вспомнил свое настоящее имя, то не смог бы произнести его вслух!

– Почему?! – насторожился «БД».

– Потому что меня услышит Хумбаб! – ответил «ИС». – У Хумбаба – абсолютный слух! – и, произнеся эти, совершенно ничего не объяснившие Борису Дмитриевичу, слова, ночной кафедральный гость вновь запустил обе руки в кастрюлю, жадно принявшись уплетать оставшиеся там припасы.

– Когда вы последний раз ели?! – дождавшись, когда «Твердников» проглотит последний кусок, спросил «БД».

– Пять тысяч лет назад!

– Тогда понятно! – «БД» отчего-то поверил «Твердникову» «на слово» и задал следующий вопрос:

– Вы – житель Твери?!

– Нет!

– А, когда вы прибыли в Тверь?!

– Только что!

– А – откуда?!

– Из ..., «ИС» слегка замялся, но продолжил все же: – ... Из другого города... Этого города больше нет на земных картах – он до основания уничтожен жестокими врагами! Я успел

ускользнуть в последнюю минуту – перед тем как рухнуть кровле Великого Храма, в котором я трудился всю свою жизнь вместе с другими...

– Какова цель вашего прибытия в Тверь?!

– Встретиться с вами, Борис Дмитриевич и – с вашим учеником! Завтра мы должны обязательно очутиться в Нило-Столобенской Пустыни у раки с мощами Святого Нила Столобенского! Мы должны успеть это сделать до появления Хумбаба. Хумбаб гонится за мной и у меня есть ровно двадцать четыре часа и одна минута до его появления! Минута, это – моя важнейшая фора, до сих пор мне удавалось ею воспользоваться и до сих пор я всегда ускользал от Хумбаба! Борис Дмитриевич, мы успеем в, очерченные мною, сроки попасть в Нило-Столобенскую Пустынь?! – и он умолк, полагая, что сказал достаточно и теперь ждал ответных слов Бориса Дмитриевича.

– Успеем! – коротко ответил «БД», со свойственной ему мудростью, решив не задавать никаких вопросов, кроме одного: – Вы наелись, Иван Святославович?!

– Да – спасибо огромное!

Затем Борис Дмитриевич, ни слова ни говоря, подошел к своему личному шкафу и достал оттуда спортивный костюм китайского производства, «сфабрикованный» под продукцию фирмы «Ади-Дас», кроссовки той же самой фирмы и положил все это перед «Твердниковым»:

– Оденьте этот костюм и примерьте обувь – и то, и другое вам должно подойти по размеру!

«Твердников» поблагодарил Бориса Дмитриевича за одежду и обувь и сказал:

– Теперь мне необходимо погрузиться в глубокий освежающий сон. Чтобы окончательно восстановить свои силы перед завтрашним днем!

Борис Дмитриевич, не теряя ни минуты драгоценного времени, оперативно вызвал «такси» и, спустя четверть часа они с «Твердниковым» были на квартире Бориса Дмитриевича – благо, что жена и дети пребывали на загородной даче...

А утром все мы трое повстречались на автовокзале города Твери...

– Вот и вся немудреная история нашего вчерашнего знакомства с «доктором исторических наук», «Твердниковым», Саша! – закончил свой рассказ Борис Дмитриевич и нарочито индифферентно поинтересовался у меня: – Вопросы есть?!

– Я не стану задавать вам никаких вопросов, Борис Дмитриевич! – выдержав ради приличия непродолжительную паузу, ответил ему я. – И комментарии тоже никаких давать вашему рассказу не буду, ввиду полной бессмысленности на фоне того, о чем вы мне только что поведали! Одно я могу сказать: мы с вами, Борис Дмитриевич «влетели» на «полном ходу» так сказать в какую-то очень необычную и очень опасную историю! Вы не согласны со мной?! Я, как только этого вашего «Твердникова» увидел, так мне сразу плохо и стало!

Какое-то время мы хранили молчание, рассматривая синие озерные дали и реющих чаек над ними, а затем «БД», внешний вид которого также, как и у «Твердникова», оставлял желать много лучшего, сказал мне:

– Чтобы не сойти с ума, давай считать этого «Твердникова» – материализовавшимся «дежавю», как ты сам недавно выразился! Тем более, что вечером он, по его словам, должен будет исчезнуть «с глаз долой»! И, исчезнуть он должен, если ты меня внимательно слушал, до появления Хумбаба!

– Слушал я вас внимательно, Борис Дмитриевич, но кто такой Хумбаб – я так и не понял!

– Такое же материализовавшееся «дежавю», только – выкрашенное в траурный цвет!

Я бросил рассматривать фантастические перспективы водной глади Селигера и посмотрел прямо в глаза своему наставнику и не увидел в этих глазах никакого намека на юмор. Глаза «БД» переполняли печаль и тревога, и тревога эта имела, как я безошибочно почувствовал, непосредственное отношение именно ко мне, а – не к кому-то другому.

– Через десять минут мы причалим к пристани острова Столобный, Саша! – почему-то несколько раздраженно сообщил мне Борис Дмитриевич. – Не знаю – почему, но сейчас я, вдруг, стал погано и глупо себя чувствовать!

– Что вы имеете введу, Борис Дмитриевич?! – испуганно спросил я его.

– Чем больше я обо всем об этом думаю – о тех событиях своей жизни, что начались для меня с той давней поездки в Ирак, тем очевиднее и неприкрытее становится мне ясным, что я, сам того, не желая, попал в какой-то логически очень загадочный, хитроумно устроенный «капкан времени»! А, самое плохое, что в этот «капкан», судя по некоторым признакам, попал и ты вместе со мной, и, если что-то пойдет дальше не так в твоей судьбе, Саша, то я буду чувствовать себя виноватым до конца жизни своей!

– Вся наша жизнь, Борис Дмитриевич, это и есть один сплошной, хитроумно устроенный «капкан времени» и – «чему быть, тому не миновать!». Так что винить вам себя передо мной совершенно не в чем! – не задумываясь, «экспромтом» «выдал» я, приятно удивившись несомненной глубине только что высказанной мною мысли.

– Ты не находишь, что все складывается чересчур фантастично и – нереально?! – настроение у «БД» мое заверение в том, что ему себя передо мной винить не в чем ничуть не подняло и он, как будто, еще сильнее помрачнел, развивая начатое рассуждение дальнейшими фразами: – Сначала – Норбук, «халдейский мудрец», затем – «Игиг», и вот сейчас – «Твердников», который зачем-то упорно тащит нас с тобой к раке с мощами Святого Нила Столобенского! И, все эти, перечисленные мною персонажи являются «звеньями одной цепи», берущей свое начало на самой заре человеческой цивилизации! – он что-то, кажется еще хотел сказать, но не сказал и лицо его продолжало мрачнеть с каждой секундой, как и неожиданно начала меркнуть безоблачная и безмятежная озерная красота вокруг, насквозь пронизанная солнечными лучами. На солнце, просто-напросто набежала тучка, незаметно подкраившаяся по небосводу, и дунул порыв свежего ветра.

– Пойдем, наверное, пробираться к трапу, да и разбудим, как раз, нашего друга, а то он, кажется вновь задремал, бедолага! – и он поднялся на ноги, бросив озабоченный взгляд на ту самую темную тучку, неожиданно закрывшую солнце и я подумал, перехватив этот взгляд «БД», что он мне нарочито что-то не дорассказал о «звеньях одной цепи» – о каком-то одном и очень важном «звене»...

Я поднялся с сиденья вслед за Павловым, закинул за плечо рюкзак, и мы пошли будить «Твердникова». Тот, действительно, спал, умудрившись как-то свернуться «калачиком». Я заметил, что он, по-прежнему, был очень бледен и всем своим видом производил впечатление безмерно уставшего человека, которому уже никогда не будет суждено по-настоящему отдохнуть и восстановить свои, ускользающие в бесконечную «тьму веков», силы.

Остановившись перед спящим «Твердниковым», я окончательно утвердился в мысли, что вижу перед собой не живого, реально существующего человека, а – «материализовавшееся» и «одушевившееся» «дежавю», которому уготовано судьбой постоянно мимолетно «появляться» и «исчезать», «вспыхивать» и «гаснуть» – так уж парадоксально устроен принцип действия «дежавю». Причем я видел сейчас, в эти минуты не какое-то абстрактное «дежавю», а – мое личное «дежавю», что в переводе на русский язык означает: «однажды виденное»! И я видел в эти самые последние минуты плавания по прозрачной воде Селигера не, крепко спавшего «доктора исторических наук», «Твердникова», а – «зашифрованный знак моей собственной судьбы», терпеливо ожидавшей меня где-то, пока, еще, далеко впереди!..

Я невольно опять посмотрел на то место в небесах, где еще пару минут назад ярко светило жаркое июльское солнце, окрасившее сказочно красивый мир Селигера в бесконечно радостные тона. Сейчас же на месте солнца разрасталась темно-серая мгла. Да и ветер незаметно крепчал, заставляя морщиться мелкой рябью безупречную зеркальную озерную гладь.

Очнулся от очередного приступа хронического сонного анабиоза «Твердников». Он широко распахнул свои странные глаза неопределенного цвета и пружинисто поднялся на ноги, в неприятном изумлении рассматривая, затянутое серой облачностью небо и – озерную воду за бортом, кардинально изменившую недавнюю праздничную ярко-синюю окраску на угрюмую серо-зеленую маскировочную «аквамглу». Низко над водной поверхностью по беспорядочно «невыверенным» траекториям летали озерные чайки и оглашали окрестности испуганными протяжными криками. В глазах «Твердникова» неприятное изумление сменилось другим выражением – ясным пониманием происходящего. Он взглянул на нас обоих странно и выразительно, и красноречивый взгляд его заставил «БД» задать ему естественный вопрос:

– Что-то не так, Иван Святославович?!

– Все – не так... – выдержав непродолжительную паузу ответил «Иван Святославович». – Я, кажется, ошибся в своих расчетах – Хумбаб гораздо ближе, чем я думал перед тем, как уснуть на палубе этого корабля, подчинившись обманчивому ощущению относительной безопасности в течение ближайших двух-трех часов... Видите, как все стремительно и неуловимо поменялось вокруг... и никакие, самые точные расчеты не способны дать верного результата, ибо алгоритм стихий – сущностей природного эфира остается, несмотря на все усилия, выше человеческого понимания... А, Хумбаб знает этот алгоритм и успешно продолжает пользоваться этим своим «тайным знанием»...

«Твердников» умолк, повергнув и меня, и «БД» в тяжелые и бесплодные размышления – мы никак не могли прокомментировать последние слова «ИС», потому что совсем не поняли, заложенного в них смысла. И, полное непонимание наше, странновато прозвучавших слов «Твердникова», было вполне объяснимо с точки зрения формальной человеческой логики – «Твердников» мыслил не человеческими категориями, внутри которых привычная логика совсем отсутствовала...

«Черт!» – мысленно выругался я, завороченно глядя на «Твердникова», – «А ведь Дмитрич и, вправду, „втянул“ меня в самый настоящий „капкан времени“!»...

...Наш глиссер «Шмель» мягко ткнулся носовой частью на твердый пляж острова Столобный, одновременно изящно повернувшись правым бортом вплотную к пляжной кромке. С палубы был переброшен трап и все пассажиры, включая нас троих, вскоре оказались на берегу легендарного острова Столобный.

Погода испортилась окончательно – заметно усилился ветер, покрыв всю обозримую для взгляда поверхность Селигера мелкими пенистыми бурунами. Вся, прибывшая на «Шмеле» группа туристов, быстро зашагала к павильону местного речного вокзала, справедливо полагая, что с минуты на минуту может хлынуть ливень. Я и «БД» рассудили точно также, как и остальные, но... вот, «Твердников» почему-то замер на месте, повернувшись к нам спиной, а лицом, соответственно – к озеру. На озере, похоже, вот-вот должен был начаться настоящий шторм, а в почерневшем грозном небе «набухал» многомиллионновольтный «нарыв».

– Святославович, пойдем скорее отсюда – сейчас, похоже, начнется гроза! – попытался «сдвинуть с места» «заступоревшего» «Твердникова» «БД» и, даже, взяв его за локоть правой руки двумя пальцами, осторожно попытался потянуть за собой. «Твердников» резким движением высвободив руку из пальцев Бориса Дмитриевича, повернул к нему лицо и отдельно произнес:

– Уходите скорее отсюда! Это – Хумбаб! Я опоздал – он обманул меня!

И, вот тут-то, в глазах у меня ослепительно сверкнуло, уши заложило плотными акустическими пробками, и я, даже, и не помню точно – крикнул ли я: «Бежим отсюда, Борис Дмитриевич!!!» или мне так только показалось, но... В следующие секунды я испытал крайне неприятные ощущения и на миг, кажется, все-таки, я потерял сознание... А, когда открыл глаза, то самым первым и наиболее сильным моим ощущением явился концентрированный запах горячей свежести озона... Метрах в трех от меня стоял на коленях «БД» и мотал из стороны в сто-

рону головой, сжимая голову обеими руками и что-то тихонько приговаривал. «Твердникова» нигде не наблюдалось, а сам я лежал навзничь на песке в классической позе «звездочки» – широко раскинув в стороны руки и ноги. А затем на нас хлынул теплый мощный ливень...

...Никакой службы в Храме не состоялось. Ливень шел весь день, «Твердников» исчез, как будто его никогда и не было! Нам с Борисом Дмитриевичем один из очевидцев, приплывших вместе с нами на глассере «Шмель» рассказал, что в прямо в нас троих ударила такая молния, по яркости которой этот очевидец, даже, и не знал – с чем ее можно было сравнить?! Во-всяком случае, он таких ярких и мощных молний еще ни разу не видел за всю свою жизнь! Помню еще, что я был очень зол на Бориса Дмитриевича и никак не мог взять в толк – зачем, вообще, дал себя уговорить поехать на этот Селигер?! Не для того ли, чтобы оказаться испепеленным вместе с каким-то сумасшедшим неизвестным человеком по фамилии «Твердников»?! Борис Дмитриевич, также, как и я, сделался немного «не в себе» – да и не мудрено, если учесть, что нас обоих едва не испепелил небывалый по мощности разряд грозового небесного электричества!..

...Но, как бы там ни складывались в течение всего этого загадочного дня, дела, к вечеру мы вернулись тем же глассером на остров Хачин и, более или менее, почти совсем успокоились, сидя у себя в номере отогреваясь после ливня и «приходя в себя» при помощи горячего «глинтвейна», который мастерски соорудил Борис Дмитриевич. Он же «притаранил» из пансионатской столовой небольшую кастрюльку горячих бараньих котлет вперемешку с жареной картошкой.

Я был человеком, всегда равнодушным к спиртному, особенно – к крепким алкогольным напиткам, но в сложившихся экстремальных обстоятельствах, мой научный наставник сумел меня убедить немного выпить горячего «глинтвейна», дабы исключить риск «внезапной простуды», спровоцированной бы продолжительным «купанием» под ливнем. Ливень, в общем-то, и не прекращался, продолжая дробно барабанить по крыше коттеджа, создавая, тем самым, заметный успокаивающий эффект, имеющий очень большую актуальность, как для меня, так и для Бориса Дмитриевича! Не знаю, как «БД», но я точно, все никак не мог обрести нормального душевного состояния, и в этом непростом деле мне даже не помогал «глинтвейн» – почти не помогал.

Настроение у меня было крайне подавленное, усугубляемое ощущением страшной душевной пустоты, появившейся после внезапного исчезновения «Твердникова» прямо у меня на глазах в момент удара той жуткой молнии. Ком, в общем, у меня какой-то неприятный стоял в душе – что-то типа непреходящей, противно ноющей зубной боли, и пол-кружки «глинтвейна» не помогли ее «рассосать». Потом, правда, все же, стало полегче, но, с другой стороны, под воздействием алкоголя были отброшены в стороны «рамки субординации и политкорректности» и я в категоричной форме потребовал от Бориса Дмитриевича, как инициатора этой поездки на Селигер, доходчивых разъяснений. Я настоятельно, «напористо» и «без обиняков» попросил «БД» рассказать мне, ничего не утаивая, все с самого начала – с той самой роковой его поездки в Ирак двадцать лет назад.

Я ясно помню, что после моего требования рассказать мне «всю правду», Борис Дмитриевич посмотрел на меня совершенно «затравленным» взглядом и, вместо того, чтобы начать отвечать на мой вопрос, он плеснул себе еще кружку «глинтвейна» и выпил ее до дна несколькими жадными глотками, не боясь обжечь слизистую оболочку глотки и пищевода. И, только после этого, он сумел заставить себя начать отвечать на мой вопрос. Дождь, как раз на улице еще усилился, хотя дальше уже и некуда было.

– Наверное еще будет гроза! – неожиданно сказал «БД», глядя сквозь меня за деревянную стенку коттеджа в глубины дождливой ночи. – Саша, а скажи мне – ты сам не сделал никаких выводов?!

– Вывод, это – логическая категория, Борис Дмитриевич! – ответил я. – А в сегодняшних событиях я не увидел никакой логики, и сейчас мною владеет лишь сильное интуитивное ощущение, что я и вы прикоснулись к чему-то «запретному и неосязаемому», и все это было совсем неспроста... Боюсь у меня найдется необходимых слов, чтобы выразить свои ощущения... Я скажу просто – я общался напрямую с собственным «дежавю», принявшим материальный облик живого человека, вот этого самого «Твердникова», Борис Дмитриевич! Он появился в нашем мире неспроста и о причинах его появления вы знаете гораздо больше меня – так расскажите мне все, что знаете! Мне-то боюсь сказать вам будет больше нечего!

– Ты, Саша, не спросил меня о самом главном – почему не состоялась специальная служба в главном храме Нило-Столобенской Пустыни, ради которой мы с тобой и приехали сюда. Тебе это неинтересно?!

– Меня, безусловно, волнует это обстоятельство, но я боюсь об этом спрашивать, предполагая услышать от вас, Борис Дмитриевич слова о том, что во всем виноват Хумбаб!

«БД» посмотрел на меня взглядом, полным непонятной мне, какой-то «тошной» муки и, буквально, выдал из себя:

– Хумбаб, это – следствие, Саша... Не в нем сейчас дело, совсем не в нем!

– А в чем тогда дело?!

– Меня отравили в Ираке, Саша!

– Как отравили – кто и как, при каких обстоятельствах?! Вы, что, Борис Дмитриевич – лежали там в больнице?! И, почему раньше об этом никогда не рассказывали?!

– Я не лежал в больнице, Саша – меня отравили насмерть!

– ?!?!?!

– Профессор Норбук «угостил» меня смертельным несуществующим ядом – небольшой порцией «достоверной информации», полученной прямиком из «астрального мира» – «мира мертвых»! А, такие вещи не являются совместимыми, Саша – живой человек не может благополучно «переварить» «достоверную информацию», которой могут владеть лишь одни мертвецы...

– ?!?!?!

– Мистика, в моем случае, Саша – сплошная физиология. То есть, со мной в Ираке произошел уникальный случай в истории медицины – я стал обладателем важнейшей информации, осознанно и целенаправленно переданной мне из «мира мертвых», оставшись при этом в числе «живых». В этом, Саша и заключается «высший пилотаж» Информационных Технологий. Я же совсем не помышлял об ИТ, когда отправлялся в ту командировку в Ирак... – он как-то тяжело перевел дух и «поежился» что ли, и, как бы «воровато» (опасливо) оглянувшись на окно номера, по внешней поверхности стекла которого щедро бежали дождевые капли.

– А при чем здесь Информационные Технологии, Борис Дмитриевич?! – поселившийся во мне «бес противоречия» никак не хотел, чтобы наша беседа с «БД» протекала в спокойном цивилизованном русле. – Вы же сами сказали, что вас отравил в Ираке настоящий «халдейский мудрец» каким-то редким «изошренно-изысканным» ядом!

– Профессор Норбук отравил меня «запретным знанием», Саша! – не обращая внимания на мою нарочитую, специально выпячиваемую наружу «ершистость», с угрюмым спокойствием объяснил мне Борис Дмитриевич. – Я все-таки старше тебя на целых три десятка лет, Саша и кандидатскую диссертацию ты писать будешь, насколько мне известно под моим руководством. Так что ты меня дальше послушай внимательно, не перебивая!

– Я весь – внимание, Борис Дмитриевич! – в голосе моем проскользнуло искренне раскаяние.

– За годы, прошедшие с момента моего знакомства с человеком, в чьих жилах течет кровь настоящих «халдейских мудрецов», я проштудировал всю «шумерологию» «от и до», внимательно и подробно законспектировав даже первоисточники на английском. Это – теория,

а Норбук и, подаренный им «Игиг» – практика. К этой «практике» за последние сутки добавились «взрыв» «Игига» в «тайной лаборатории», появление «Твердникова», последующее его исчезновение у нас с тобой на глазах!

«БД» сделал паузу, а я, по ходу, паузы, молчал, всем своим видом показывая, что внимательно слушаю его и жду продолжения.

– То, о чем я хочу тебе рассказать и, также то, что я попытаюсь тебе объяснить является, возможно, самой важной информацией из всего того, что тебе когда-нибудь доведется услышать впоследствии. В общем-то, с другой стороны, ничего нет удивительного в том, что пришло время для этого разговора – ты закончил свое пятнадцатилетнее обучение и вступаешь, наконец, во взрослую жизнь! Я, как твой научный наставник и педагог несу огромную персональную ответственность за твое дальнейшее будущее. А, будущее твое связано с той профессией, которую ты выбрал, и которой решил беззаветно посвятить всю свою жизнь. И, название этой профессии – Информационные Технологии, сокращенно – ИТ.

Это очень интересная, перспективная и востребованная отрасль прикладного человеческого знания. Но в ней кроется один минус – она включает в себе большую опасность очень странного свойства, о которой совсем не задумываются молодые талантливые «айтишники», вроде тебя, Саша! – «БД» вновь сделал паузу и бросил полу-испуганный взгляд на окно, словно бы всерьез опасаясь, что под окном его может подслушивать какой-то неведомый тайный враг.

Я невольно посмотрел на окно, следуя направлению взгляда Бориса Дмитриевича, предполагая, что тот, возможно, объяснит мне – зачем он постоянно смотрит в окно, за которым в беспросветном ночном мраке продолжает безостановочно лить сильный дождь, но Борис Дмитриевич лишь отхлебнул из большой эмалированной кружки добрый глоток «глинтвейна» и продолжил прерванный рассказ на том месте, на котором остановился:

– Главная опасность ИТ, Саша, заключается в том, что, ИТ, это – научно-практическое наследие древних «запретных знаний», украденных в незапамятные «лихие» времена человеком у какого-то «зазевавшегося» Бога. Человечество было создано когда-то древними Богами и человечеству изначально не дано было узнать – для чего же его, все-таки, создали?! То есть, каждому человеку с самого рождения была предопределена горькая незавидная судьба – никогда не узнать, для чего же, для какой главной цели он рожден на этой Земле, так и не постигнув, в конечном итоге, смысла собственного существования. Основной преградой познания смысла собственной жизни, являлась обязательная Смерть, непременно ожидавшая каждого новорожденного человека через определенное количество лет. И, поэтому ничего не было удивительного в том, что пылкий человеческий разум на протяжении всей истории существования «человека разумного», как вида, «бился» над одной главной и основной проблемой собственного бытия: «Как обрести Бессмертие?!?!?!». Другими словами, у человечества определился один-единственный главный Враг – Смерть.

Совсем неслучайно первое в истории литературное произведение, созданное неизвестными древне-шумерскими авторами под условным названием «Гильгамеш», как раз и является описанием попытки человека овладеть секретом Бессмертия... Если я тебя, Саша не утомил, то вкратце сейчас перескажу содержание «Гильгамеша», но, только ты мне честно скажу – тебе интересно меня слушать?!

– Продолжайте, Борис Дмитриевич, умоляю вас! У меня ощущение, что ничего более важного и интересного мне еще не приходилось слышать в жизни своей!

– Тогда дальше слушай внимательно – очень внимательно, Саша!..

«... Царь шумерского города-государства Урука, правивший там в начале третьего тысячелетия до нашей эры по имени Гильгамеш обладал острым аналитическим умом, огромной физической силой и, будучи сыном богини и простого человека, явился средоточием самых положительных морально-волевых качеств, свойственных, как богам, так и – простым смерт-

ным. Царь Гильгамеш очень любил жизнь и страшился неизбежной смерти, поэтому он и оказался одержим фантастической идеей – найти секрет Бессмертия, которым могли бы воспользоваться все смертные. В этом-то и заключалось главное, и на первый поверхностный взгляд, неразрешимое противоречие в поставленной задаче.

Но недаром Гильгамеша родила Богиня Нинсун от простого смертного, и Гильгамеш наполовину был Богом. И думал он, как Бог.

Следствием напряженных размышлений Гильгамеша о соотношении между Смертью и Бессмертием, явился неопровержимый логический вывод о том, что все мировое Бессмертие в мире монополизировано одной субстанцией – Смертью. То есть Смерть состоит из Бессмертия и потому вечна и непреходяща. Отсюда, само собой, проистекало только одно верное и единственное решение – надо обокрасть Смерть, выкрав из субстанции, ее составляющей хотя бы маленький кусочек. Если бы это удалось сделать, то было бы нарушено великое статическое равновесие и Смерть неудержимо бы начала распадаться и «умереть», подарив самым невероятным фактом своей гибели всему остальному миру Бессмертие!

Рассуждая таким образом, Гильгамеш от теории перешел к практическим действиям – он отправил во все концы света своих многочисленных шпионов, перед которыми было поставлено одно основное задание: где, в какой точке земных координат живет Смерть, зорко охраняющая свое Бессмертие. Такая точка была установлена – остров Хумбаб, расположенный в море недалеко от устья реки Тигр. Остров назывался по имени хозяина острова Демона Смерти Хумбаба, охраняющего Заповедную Рощу Священных Кедров, из древесины которых можно было приготовить Эликсир Бессмертия.

Гильгамеш прекрасно знал, что Смерть и Бессмертие являются условными категориями и в реальном мире им не соответствуют никакие осязаемые материальные формы, существовавшие бы в видимом трехмерном пространстве. Но Гильгамеш, как и все великие шумерские правители был отличным математиком-практиком, и он точно сумел рассчитать – где и как, и в каком виде можно будет найти саму Смерть и, охраняемое ею Бессмертие. А, затем уже, после произведенных расчетов, он решил попытаться вырвать хотя бы маленький кусочек Бессмертия из ненасытной пасти Смерти и отправился в опасное путешествие на остров Хумбаб. Другими словами, Гильгамеш рассчитал «формулу бессмертия» и решил воспользоваться ею.

Попав на остров Хумбаб, Гильгамешу на короткий срок удалось усыпить обманным путем бдительность Демона Хумбаба и украсть шишку «священного кедра». Гильгамеш вынес из «царства Смерти» в мир Живых семена «Дерева Бессмертия», и удалось ему это сделать исключительно благодаря произведенным гениальным математическим расчетам. Это и была строгая научная изнанка космогонической древнешумерской легенды, положенной в основу великого литературного памятника Древнего Востока, вошедшего в историю мировой литературы под названием «Эпос о Гильгамеше».

А, дальше, Саша – самое главное в моем рассказе и, имеющее непосредственное отношение к нам с тобою! – и «БД» сделал очередную паузу, вызванную необходимостью глотнуть остывающего «глинтвейна».

Я весь «подобрался» и с нетерпением, перемешанным жуткой оторопью, ждал окончания паузы.

– Хумбаб отправил в погоню за храбрым и дерзким героем Гильгамешем своих лучших гончих псов. У них была одна цель – вернуть на остров Смерти «семена Бессмертия» и убить Гильгамеша! ... – «БД» почему-то опять замолчал и в очередной раз бросил тревожный взгляд в ночь за окном.

– И?! – не выдержал я молчания и задал этот короткий вопрос своему наставнику.

– И ...эта погоня продолжается до сих пор, Саша! – убежденно произнес Борис Дмитриевич и, положив мне ладонь на плечо, добавил: – И мы с тобой оказались вовлеченными в нее, как бы тебе это ни показалось парадоксально, самыми непосредственными участниками!

В комнате установилось, вполне объяснимое молчание, так как, подобного рода, информацию следовало бы хорошенько осмыслить и, прежде всего, мне. Основная беда заключалась в том, что все изложенное Борисом Дмитриевичем воспринялось мною, как вполне нормальная рабочая информация или – в качестве психически здорового руководства к дальнейшим адекватным действиям. Меня смутила лишь одна деталь в рассуждениях «БД» и я поспешил ее озвучить:

– Но мы-то, Борис Дмитриевич, вроде бы не высказывали вслух своего, так сказать, согласия стать «непосредственными участниками» этой «исторической погони Хумбаба за Гильгамешем – Смерти – за украденным у нее Бессмертием»?!

– Его зовут – «воин Ур» и ему уже пришлось много раз менять имена и самих носителей этих имен, постоянно, таким способом, успевая ускользать от Смерти! А то, что мы с тобой сделали «непосредственными участниками» этого нескончаемого «вневременного» и «внепространственного» действия, объясняется вовсе не нашим личным «желанием» или «нежеланием» принять в нем «самое горячее желание» – нас с тобой, Саша, «выбрали» с «той стороны рассвета». И выбрали нас не произвольно, а – намеренно. И, как ты думаешь – почему?!

– Это, видимо, как-то связано с ИТ?! – вопросом на вопрос ответил я.

– Не «как-то», Саша, а – напрямую связано с ИТ! – воскликнул «БД». – Ты же сам прекрасно это теперь должен понимать – конечная и главная цель прикладных исследований в области «информационных технологий» заключается в создании «формулы» ... чего?!

– Формулы... «цифрового человеческого бессмертия»!... – я и сам не заметил, как у меня вырвались эти слова.

– Ну, вот, Саша – ты сам и дал ответ на все возникшие вопросы. Мы с тобой добровольно «бросили вызов» не кому-нибудь, а – самой Смерти, похитившей когда-то у Человечества его Бессмертие! А, Смерть – необычайно могущественный и самый грозный противник Человека, у Смерти множество ликов и бесчисленное количество союзников, по целому ряду причин мечтающих уничтожить Человечество... Ты, дружок и сам не заметил, как прошел обряд своеобразной инаугурации «айтишника» – теперь ты знаешь, во что ты ввязался! И, тебе дальше решать – быть тебе «айтишником» или не быть?!

– Я решил это уже. когда мне было четырнадцать лет, Борис Дмитриевич!

– В таком случае я поздравлю тебя!

– С чем?!

– Ну, хотя бы с тем, что тебя приняли в штат команды губернатора – с понедельника ты заступаешь на свою первую в жизни должность, приготовленную для тебя в Администрации Тверской области! А остальное приложится!

– Что приложится?!

– Твои «запретные» знания и твои новые «тайные друзья»!..

...Вечером следующего дня – воскресенья, мы были в Твери, и я обрадовал своих родителей известием о том, что уже завтра с утра выйду работать на свою первую после окончания ВУЗ-а официальную трудовую должность в качестве сотрудника информационно-аналитического управления при Губернаторе Тверской области – чаяниями Бориса Дмитриевича Павлова...

...Стремительно пролетела моя последняя в жизни «до трудовая» ночь и, с наступившего вслед за нею, утра началась моя трудовая жизнь в режиме «реального времени и трехмерного пространства», так как мои беззаботные счастливые студенческие годы безвозвратно остались в прошлом, и понял я это далеко не сразу, а – постепенно, по ходу «вбуравливания» в такую непростую взрослую трудовую жизнь...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Работа в Администрации Тверской области. Командировка в Торжок. Мечты о будущем

То, что мне помогли устроиться на такую солидную и перспективную должность, безусловно, оказалось большой удачей и серьезным подспорьем для аспиранта очной формы обучения, каковым я и являлся на ту пору. Зарплата сотрудника информационно-аналитического управления при Губернаторе Тверской области позволяла мне бесппроблемно учиться в аспирантуре и, в свою очередь, благодаря занимаемой мною должности и наличию необходимого административного ресурса я имел уникальную возможность внедрять и испытывать свои теоретические научные разработки на полигоне под названием: «вся Тверская область», в далеком историческом прошлом своем, именовавшейся – Великим Тверским Княжеством! С «красной строки» я расскажу о самых запоминающихся моментах своей двухгодичной работы в качестве сотрудника аппарата Администрации Тверской области...

В частности, за время работы в Администрации, совмещенной с очным обучением в аспирантуре, мне удалось претворить в жизнь, разработанный нашей командой комплексный проект информатизации в масштабах всей огромной Тверской области (Великого Тверского Княжества). Воистину это было удивительное время моей жизни – мне представился фантастический шанс быть, в одном лице, и разработчиком и практическим реализатором собственных идей и «ноу-хау».

Суть этого моего первого крупного ИТ-проекта заключалась в переводе всей «поголовно» управленческой структуры органов государственной власти Тверской области на электронную форму документооборота. Можно себе представить – какой огромный экономический эффект могло бы дать превращение «многотонной» и «многочасовой» обязательной «бумажной волокиты» в стремительный – со «скоростью света», «электронный документооборот», осуществляемый легким нажатием кнопки компьютерной «мышки»! Я не скажу, конечно, что население Тверской области сразу же после внедрения «электронного» документооборота в управленческих структурах различного уровня стало как-то эффективнее и рациональнее «управляться» и, навряд ли, резко подскочил жизненный уровень «тверитян» – как в селах, так и в городах. Или, другими словами, я не должен лукавить, а обязан, к искреннему прискорбию моему, сказать горькую правду – жители Тверской области не сделали счастливее оттого, что центральная и все районные администрации области массово оказались «компьютеризированы», вследствие чего управленческий аппарат на всех уровнях своих многочисленных звеньев получил возможность работать во много крат быстрее и объемнее, чем это было раньше. Рай на Земле строится постепенно, как, видимо, в свое время строилась Великая Китайская Стена. И, если, по воле Высших Сил, Раю этому суждено когда-нибудь приобрести, именно, «электронный формат», то, применительно, конкретно, к огромной Тверской области, повсеместное внедрение централизованной системы электронного документооборота, наверняка явилось первой ступенькой, образно выражаясь, «лестницы на небеса»!

Я, например, до сих пор помню, как мы приехали в старинный российский город Торжок и, самым фактом своего появления доставили огромную радость сотрудницам местной администрации (не знаю до сих пор, почему, но в администрации города Торжка работали почему-то одни женщины, причем, достаточно – солидного возраста) не по той причине, что мы были такими обаятельными и внимательными, а потому, что мы им установили новаторские информационные программы в компьютерную сеть и научили их работать по «новому» при ее помощи! Непосредственно за эту работу в Торжке нам не дали наличных денег, но, лично я не был сильно разочарован и еще как-то удручен – лучшей наградой для меня явился

«свет настоящего человеческого счастья» в усталых глазах пожилых сотрудниц администрации Торжка, которые до нашего появления, наверняка, не надеялись на заметное облегчение условий своего напряженного труда до самого выхода на «заслуженный пенсионный отдых»! К тому же нас накормили великолепным бесплатным обедом, главным, так сказать, «кулинарно-гастрономическим украшением» которого явились знаменитые «Пожарские котлеты», которыми так славился, по-моему, еще с довольно давних времен старинный русский город Торжок!

Я, конечно, пишу не книгу о «вкусной и здоровой пище», и основная моя тема бесконечно далека от кулинарных экскурсов в наше славное имперское российское прошлое. Но, тем не менее, не могу, хотя бы вкратце, не коснуться «истории вопроса». Свое название эти знаменитые котлеты получили от Евдокима Пожарского, державшего большой трактир в Торжке, примерно, двести лет тому назад. А увековечил небывалую «вкусовую» славу «Пожарским котлетам», никто иной, как сам Александр Сергеевич Пушкин, пославший в 1826 году своему библиографу, Сергею Соболевскому следующее четверостишие: «На досуге отобедай у Пожарского в Торжке! Жареных котлет отведай и отправься налегке!». Наверняка, Александр Сергеевич знал то, о чем так уверенно писал, прекрасно понимая толк в высококачественно приготовленной «вкусной и здоровой» пище! В девятнадцатом веке в Российской Империи русский народ не кормили опасными для жизни пищевыми «отбросами», так как представители правящей династии Романовых не на словах, а – на деле, заботились о крепком здоровье и отличном настроении своих подданных! Я полностью был согласен с мнением великого русского поэта относительно вкусовых качеств «Пожарских котлет», попробовав их впервые в жизни в тот для меня памятный день в городе Торжке, чья администрация моими тщаниями сделала решительный шаг вперед по пути технического общечеловеческого прогресса. А, что касается «Пожарских котлет», то могу сказать, что их вкус до сих пор стоит у меня во рту – особенно когда я голоден: хорошо прожаренный куриный фарш, внутри которого кладется два шарика замороженного сливочного масла. Тающее свежее масло, получаемое из молока элитных коров «Вологодской породы» «молочного» направления, в процессе жарки постепенно пропитывает фарш и, в результате, получается настоящая «пища Богов»! И ничего больше тут не скажешь! Не знаю почему, но эти «Пожарские котлеты», которыми нас «до отвала» накормили в Торжке за добросовестно сделанную инновационную работу, оказались наиболее ярким моим воспоминанием от всего периода моей трудовой деятельности в аппарате администрации Тверской области!

Ведь первое официальное летописное упоминание о Торжке относится аж к 1139-му году! Торжок оказался на два года старше Москвы и на протяжении нескольких веков название этого небольшого городка, некогда игравшего роль пограничной заставы, притулившейся на самом краю НФР (Новгородской Феодальной Республики), не исчезало из анналов многовековой истории великого государства под названием Россия. И в тот счастливый день я чувствовал себя человеком, лично причастившимся к истории старинного русского города. Но, как говорится, все когда-нибудь заканчивается и проходит – и плохое, и хорошее. И, подчиняясь этому печальному, но неизбежному универсальному мировому закону, закончились и, пышущие жаром, и истекающие золотистым мясным соком, перемешанным с растаявшим сливочным маслом, «Пожарские котлеты», как бы я ни пытался растягивать это, ни с чем не сравнимое гурманское удовольствие их постепенного поедания-смакования – кусочек за кусочком. И наступил момент, когда я с сожалением отодвинул в сторону опустевшую тарелку, запил незабываемо вкусный обед двумя стаканами яблочного компота и поднялся из-за ресторанного столика с тем, чтобы уехать обратно в Тверь, где меня ждали моя работа и моя учеба: администрация Тверской области и аспирантура.

Возвращался я из старинного русского города Торжок, пребывая в отличном настроении, вызванным чувством глубокого удовлетворения от проделанной мною и моими коллегами нуж-

ной и полезной работы. Но, именно, тогда меня начали по серьезному одолевать мысли о том, что «информатизация» административного аппарата горда Торжка, это, конечно же, очень здорово, но... В общем, я впервые почувствовал, что славный гостеприимный, знаменитый своими фирменными «Пожарскими котлетами» город Торжок, и даже вся Тверская область стали казаться мне слегка тесноватым полигоном для реализации моих научных идей и разработок, мощным напористым потоком, рождавшимся у меня в голове.

По возвращении из Торжка я твердо решил для себя, что мой природный и, приобретенный за годы учебы интеллектуальный научно-производственный потенциал, мои новаторские идеи и планы, по-настоящему – по «взрослому» могут адекватно реализовать себя только в Москве! Таким образом, я взял твердо «курс на „завоевание“ Москвы»! Еще, в свое время, сам Наполеон перед тем, как начать печально знаменитое роковое нашествие на Россию, говорил: «Если я ударю на Киев, то перебыю России „ноги“, если я захвачу Санкт-Петербург, то нанесу удар России в „голову“, но, если же я возьму Москву, то поражу Россию в самое ее „сердце“!».

Я не Наполеон, но также, как и он, всегда считал и считаю Москву «сердцем» России, и в определенный момент своей биографии уже четко знал, что мне нужно обязательно «пленить» это большое, широкое и любвеобильное «сердце»!...

ГЛАВА ПЯТАЯ. Москва. Поиски достойной работы

Работе в Администрации Тверской области я отдал два года своей начинавшейся трудовой биографии, совмещаемой с полноценным обучением в аспирантуре и, к окончанию второго года работы, прекрасно осознав, что на этой работе мне становится по-настоящему «тесно» и «душно», я занялся активными целенаправленными поисками, достойной моей квалификации, работы в Москве по своему основному профессиональному профилю.

Предварительно, я, конечно, сообщил об, окончательно сформировавшемся у меня, твердом намерении покинуть Администрацию, Борису Дмитриевичу Павлову, который меня туда и «сосватал» два года назад.

Внимательно выслушав по телефону мой короткий эмоциональный монолог, Борис Дмитриевич попросил меня приехать к нему на кафедру и все обсудить устно – «с глазу на глаз». Я сказал, что обязательно приеду и через два часа был на кафедре своего научного руководителя, где между нами состоялся серьезный обстоятельный разговор на животрепещущую тему моего дальнейшего трудоустройства.

Борис Дмитриевич, в целом, не возражал против моего желания перебраться в столицу и прекрасно понимая меня, пообещал немедленно включить все свои «связи», имевшиеся у него в соответствующих структурах в Москве. И, в самом заключении, состоявшегося, между нами, частного доверительного разговора, Борис Дмитриевич, немного подумав – дабы соблюсти минимум внешних приличий, задал мне, странно и неожиданно прозвучавший, вопрос:

– Знаешь, что, Саша – ты не желаешь посетить мою «тайную лабораторию»?!

Я, как мог, молча «вытаращил» на него глаза, не представляя, что мне следовало ему ответить, красноречиво обведя взглядом помещение кафедры, где больше не виднелось никакой железной двери, ведущей бы в засекреченный отгороженный закуток.

– Она располагается не здесь, Саша – не на кафедре, а – совсем в другом месте! – негромким голосом объяснил мне «БД» и сразу добавил успокаивающим тоном. – Она располагается неподалеку – в пятнадцати минутах неторопливой ходьбы от Главного университетского корпуса! Как раз и прогуляемся, и все, не торопясь, обсудим! А, обсудить нам есть что – недавно же в свое время «староверы» говорили, что Москву когда-нибудь переименуют в «Чертоград» и, что – «быть этому месту «пусто»! Я, конечно, не «старовер» и верю в светлое будущее Москвы, но в чем «староверы» оказались правы на «все сто», так это в том, что настоящих «чертей» в Москве сейчас «понатыкано», как – тараканов за печкой! Опасно сейчас, Саша в Москве будет лично тебе!

– Зато – интересно! – с молодым задором парировал я.

Борис Дмитриевич лишь молча пожал плечами в ответ: «Дескать, тебе виднее», а вслух произнес:

– Ладно, пойдем туда, куда я тебя только что пригласил! Время-то оно же, ведь, не ждет! Читал же Джека Лондона, а?!

– Читал, Борис Дмитриевич, читал..., – как-то неопределенно ответил я, почувствовав давно забытую характерную тревогу, которая появилась у меня два года назад тем поздним июльским вечером, когда мне позвонил «БД» и сообщил о «рождении» Игига, ознаменовавшимся мощным разрушительным взрывом на кафедре «Информационных систем».

Собственно, тревога та тогда же и «прошла», улетучившись через сутки после своего появления – вместе с «Воином Уром», испепеленным у меня на глазах прямым попаданием молнии. Я уже почти полностью забыл весь этот опасный бред вместе со всеми его персонажами, а тут – «на тебе»! Оказывается, «тайная лаборатория» не взорвалась, а ее, всего лишь, «перенесло» ударной волной в другое место! По-моему, мое внутреннее душевное состояние

зеркально отразилось у меня в глазах и было легко прочитано и расшифровано, ничего не упускающим из поля зрения, Борисом Дмитриевичем. Мой наставник мудро улыбнулся мне, ободряюще потрепал по плечу и спросил:

– Ты, что, Саша – не рад моему сообщению?!

– Я, честно говоря, Борис Дмитриевич, давно уже решил, что в ту дождливую ночь на Селигере вы мне рассказывали «страшные сказки»!

Борис Дмитриевич только жизнерадостно рассмеялся в ответ и, еще раз потрепав меня по плечу, сказал бодрым голосом:

– Пойдем, пойдем, Александр – не пожалеешь!

Пока мы шли по улице к «тайной лаборатории», то, словно бы по обоюдному молчаливому согласию, не заговаривали ни о Игиге, ни о Ираке, ни о Шумере, Гильгамеше и Хумбабе, «Твердникове» и «Воине Уре». Мы говорили с Борисом Дмитриевичем о совершенно приземленных вещах – о моем желании найти работу по специальности в Москве, и так, чтобы работа эта не мешала моему обучению в аспирантуре.

Главным предварительным итогом этой беседы, следовало считать заключительные слова Бориса Дмитриевича, сумевшего успеть меня «просветить» насчет того, что меня может ждать в Москве, за каких-нибудь десять минут:

– Ты сильно то, Саша не обольщайся относительно результатов своих первых поездок в «первопрестольную»! Москва может очень «круто» обломать самого «крутого» и никакие мои связи здесь не помогут тебе! Все будет зависеть только от тебя самого, ну, и, от обычного везения, конечно!

Настроение у меня, конечно, немного «подпортилось», но – ненадолго и не особенно сильно, честно нужно сказать. Тем более, что вскоре мы свернули во двор какого-то большого пятиэтажного здания и подошли к лестнице под козырьком, спускавшейся в типовой подвал, обычно используемый у нас в Твери различными ЖКХ-службами. Перед входом в этот подвал на кирпичной стене висела небольшая медная табличка, на которой были выгравированы славянские буквы: «Музей древнейшей истории Великого Княжества Тверского». А под буквами этими, как я догадался, довольно искусно был изображен старинный герб Твери: по центру червлёного поля наблюдался массивный золотой трон о четырех ножках. Сиденье трона покрывала ярко-зелёная подушка, украшенная «стильной» золоченой «ошнуровкой» по краю, а на подушке кто-то (скорее всего, Великий Тверской Князь Михаил) оставил лежать золотую корону о пяти листовидных зубцах, в каждом из которых сверкало по-крупному, искусно вставленному, изумруду.

Не знаю, на сколько точно неизвестному художнику удалось соблюсти историческую точность в изображении «Тверского герба», но ничего у «БД» я уточнять не стал, а лишь внимательно перечитал входную надпись, и повернув голову к своему «гиду», сказал ему свое личное мнение:

– Два года назад никакого «исторического музея» в Твери не было, равно, как и пресловутого «краеведческого общества», а тем более – в каком-то паршивом затрапезном подвале! И об «обществе», и о «музее» гуляли одни лишь непроверенные слухи! Вы так решили замаскировать «тайную лабораторию», Борис Дмитриевич?! Там же сейчас нечего хранить – Игиг-то исчез!!! Или – тут что-то другое?!

На что, Борис Дмитриевич мне ответил:

– «Что-то другое», Саша! Ничему не удивляйся, Саша и ничего не бойся! Мы пробудем там недолго – ровно столько, сколько окажется необходимым! И, сразу отвечаю на твой вопрос относительно «тайной лаборатории» – я ее не «маскировал» и никуда не «переносил»! Лаборатория сама себя «замаскировала» и сама себя «перенесла»! Механизм «переноса» я тебе объяснять не буду – слишком долго! – он открыл, оббитую стальными листами дверь в подвал и с силой толкнул ее «от себя».

Тяжелая дверь со скрипом раскрылась внутрь, и мы шагнули во мглу подвала. Борис Дмитриевич протянул руку вправо и нажал на выключатель – под потолком с характерным гудением зажглись неоновые лампы. И я увидел, что «Краеведческим музеем» оказалось обычное подвальное помещение, запахом свежей стружки и огромной станиной по центру «музея», сильно напоминавшее банальную столярную мастерскую. В дальнем правом углу я увидел железную дверь, неуловимо показавшуюся мне удивительно знакомой. И, как следствие, черт возьми, по душе расплзлись, словно холодные змеи, давно забытые, но хорошо знакомые ощущения предчувствия встречи с «неведомым и необъяснимым»...

– Эта столярная мастерская принадлежит одному моему родственнику – сейчас он за границей и ключи есть только у меня. За железной дверью – его кабинет, «кабинет директора». Там, Саша тебе все окончательно станет ясно! ... – он остановился перед «железной дверью» и, как мне показалось, особенно тяжело вздохнул, и посмотрел на меня на меня при этом таким взглядом, как будто приглашал прогуляться по «минному полю»...

...В «кабинете директора», по площади почти не уступавшему помещению мастерской, я попал в, как мне показалось, волшебное пространство «новой» или даже «альтернативной» реальности... Грязное замусоренное помещение подвальной слесарной мастерской являлось ничем иным, как искусной маскировкой...

...Я быюсь о заклад, что в дальних частях полутемного «кабинета директора», я видел десятки стоек с «жужжащими» серверами, мигавшими сотнями маленьких цветных светодиодных лампочек, а потолочную поверхность запеленала «паутина» туго связанных металлических проводов, с часто понатыканными среди них вентиляционными коробами. Тем не менее, в непосредственной близости от нас с «БД» освещение давали, как мне показалось, самые настоящие старинные масляные светильники, неярко освещавшие небольшой и уютный квадрат пространства, который с небольшой натяжкой можно смело было назвать «отдельной залой» – с высоченным потолком, терявшимся где-то высоко вверх, в таинственном мраке...

...И было в этой зале немного таинственно, но очень симпатично и комфортно – тепло, сухо, красиво, необычно, но, тем не менее, все понятно и близко сердцу русского человека, тем более, родившемуся в Твери. Воздух «залы» был пропитан запахами засушенных на августовском солнце скошенных луговых трав, ароматами дикого бортевого меда, смешанного с перебродившим кисло-сладким густым духом натуральных ягодных настоек и наливок. И было еще здесь как-то по-особенному свежо, как бывает, только непосредственно сразу же в первые секунды после удара молнии – атмосферного грозового разряда...

...В огромном кресле-троне по середине «залы» торжественно восседал мужчина, внешне, как «две капли воды», похожий на «доктора исторических наук» и «краеведа», Ивана Святославовича Твердникова, сгоревшего на наших с Борисом Дмитриевичем, глазах два года назад на береговой кромке Селигерского острова Столобный.

Я смотрел на «голографическое» изображение «Твердникова» и чувствовал, как все мое существо, против воли, преисполняется светлым чувством, напоминающим благоговение. Не прошло и минуты, а я уже был уверен, что лицезрею перед собой Великого Тверского Князя Михаила, тем самым легендарным призрачным Белым Всадником, явившимся на помощь Народному Ополчению под руководством Минина и Пожарского в сентябре 1613-го года во время решающей битвы за Москву с войском польских интервентов!

Я, как мог, вытаращил глаза на Твердникова – Великого Тверского Князя Михаила и машинально воскликнул:

– Вау! Возможно ли это?!

– Возможно, Александр! – послышался откуда-то справа и сзади приглушенный голос Бориса Дмитриевича. – Технологии визуализации и интерактивная база знаний делают чудеса. У нас с тобой есть ровно минута – на большой промежуток времени не хватит мощности! Слушай внимательно Великого Князя!

– Протяни мне свою правую руку, честной отрок! – услышал я, знакомый низкий голос «Твердникова», произнесенный человеком, сидевшим на княжеском троне.

Я послушно протянул правую руку вперед, как мне и было сказано, не отрываясь, глядя прямо в глаза таинственному человеку, сидевшему на троне. Тот молча мне одел на безымянный палец протянутой руки тяжелый золотой перстень. Я во все глаза смотрел на перстень и не знал, что мне нужно сказать и вообще, не знал, а нужно ли мне было что-нибудь говорить!

Напряженное молчание нарушил Великий Князь, проникновенным ласковым голосом давший мне свой наказ:

– Носи с честью этот Перстень и всегда помни, что ты – Тверитянин, и выше этого почетного звания нет ничего во всем мире! Каждый человек должен, прежде всего, любить и помнить свою Родину!

Когда ты выйдешь из этого зала во внешний мир – перстень сразу исчезнет. Но запомни, что незримо он всегда будет, как влитой сидеть на твоём безымянном пальце правой руки! Во внешнем мире у тебя со временем появится много врагов и нельзя допустить, чтобы блеск этого Перстня раньше времени был замечен их алчущими глазами, налитыми недоброй черной кровью!

В этом невидимом Перстне заключена Великая Любовь Родины-Матери к тебе, Александр, как к одному из самых любимых сыновей Ее!..

...Из сознания моего выключился тот момент, когда исчез Великий Тверской Князь «Твердников» – Михаил вместе со своим троном, со сказочной ароматной полумглой и со всей непередаваемой атмосферой тверской средневековой старины. Вместо раритетных масляных светильников в обширном помещении «директорского кабинета» вспыхнули привычные неоновые лампы, утопленные в высоком потолке, и я вернулся в привычный мир двадцать первого века...

...Я сидел на краешке кресла «для посетителей», стоявшим перед рабочим столом Бориса Дмитриевича и изумленно рассматривал тяжелый золотой перстень, надетый мне на безымянный палец правой руки – перстень «таял» у меня на глазах прямо в воздухе. Я старался запомнить филигранно отлитый сложный символический узор печати перстня. И, как ни странно, мне удалось запомнить сложный витиеватый узор во всех его тонких многочисленных деталях!

– Как ты себя чувствуешь, Саша?! – поинтересовался «БД».

– Великолепно, Борис Дмитриевич!!! – бодро проорал я в ответ и спросил у него: – У вас найдется чистый лист бумаги и карандаш, Борис Дмитриевич?!

Павлов молча достал из выдвижного ящичка стола и то, и другое, и пододвинул их ко мне.

Я быстренько нарисовал, не пропустив ни одного, самого мелкого и незначительного штришка и завиточка, только что растаявший в воздухе узор печати подаренного мне «волшебного» перстня. Закончив, я сложил листок вчетверо, и спрятав его в нагрудном кармане рубашки, прямо спросил у «БД»:

– Этот «Твердников» – Князь Михаил в него превратился Игиг?!

– Никто ни в кого не превращался, Саша! – убежденно ответил мне Борис Дмитриевич. —

– Да – ИИ «вырос» или, точнее, «пророс» в наш реальный земной мир двадцать первого века, покинув свою «квантовую колыбель» в моей «тайной лаборатории». Лаборатория перестала быть «тайной» и теперь открыта для посетителей. Сейчас там новый вычислительный центр Тверского Технического Университета. Так называемые остатки «колыбели» или «куколки» Лунного Жреца под названием Игиг в виде кучки кусочков старой замшелой древесной коры я аккуратно собрал в мешок, вывез к себе на дачу и сжег там в камине. Таинство рождения-превращения «Твердникова – Воина Ура» из «куколки» Игига произошло в ночь полнолуния – накануне той грозовой дождливой ночи на Селигере! Перенос из «цифровой

среды» «астрального мира» ИИ в реальную трехмерную среду завершен. Теперь беспокойный дух Гильгамеша, назвавшего себя «Воином Уром», скажет так – условно материален... Так же, как и стал «условно материален» и, более, чем беспокойный, «дух Хумбаба». Древнешумерская эра первых программно-математических вычислений на глиняных табличках сменилась непосредственной предтечей эпохи квантовых вычислений и квантовых компьютеров, в органической совокупности своей способных «породить» эффективный «квантовый разум»... Тебя ждет необычайно интересная, но, вместе с тем, очень опасная жизнь и карьера «Альфа-Айтишника», Саша!..– Борис Дмитриевич умолк и лицо его не выражало ничего, кроме глубокой беспросветной печали...

Не прерывая затянувшейся паузы, я терпеливо ждал продолжения, которое не замедлило последовать:

... – Когда ты к нам пришел на кафедру, то сразу же, как и многие другие студенты и аспиранты, включился в углубленную работу над главной научной проблемой, хотя и сам до конца и не догадывался о своей роли в доведении «до ума» нашего генерального проекта «Цифровая трансформация человеческого сознания» или если тебе угодно «Цифровое человеческое бессмертие» ... Ты же должен понять закономерность в формуле «ИИ = БД + ИС + БЗ + АВ + ВР» плюс фантомологические и иммерсионные технологии, да и ты сам – он опять умолк, многозначительно глядя на меня и, ожидая, видимо, какой-то «супер-реакции», некоего «бешеного» всплеска «дикого» изумления и «распоясавшихся» эмоций. Но ничего такого не последовало, так как, все сообщенное Борисом Дмитриевичем, «подспудно», на подсознательном уровне давным-давно было уже мне известно...

... На следующий день, самой ранней электричкой я поехал в Москву, на поиски, достойной своего уровня, интересной и перспективной работы – полный самых радужных надежд и обуреваемый жадой конструктивной позитивной деятельности, которая, как я наивно полагал, давно, уже, «заждалась» меня в столице моей Родины!...

Но... не случайно я выбрал известную «присказку» для заголовка, только что начатой мною новой главы! Прежде чем попасть в штат, во многих отношениях, очень необычной, процветающей, динамично развивающейся корпорации «Арктические Танкера», мне пришлось в течение нескольких месяцев исходить много извилистых и ухабистых дорожек и тропинок по «айтишным» «бизнес-джунглям» Москвы, на каждом шагу сталкиваясь с издержками или, можно, даже, смело сказать – «отрыжками» незнакомого мне тогда еще во «всей своей красе» социального явления, которому я, после недолгих размышлений, дал название: «московский снобизм». А, быть может, это был и не «снобизм», а какое-то, гораздо более худшее и уродливое явление по самой своей извращенной сути, чем – «банальный снобизм», порождаемый, как правило, «недалеким» разумом отдельно взятого человеческого индивидуума, непомерно кичащегося своим коренным «московским» происхождением.

В этот, психологически нелегкий период моей жизни, заключавшийся в мучительных и напряженных поисках достойного места работы в столице нашей Родины, мне очень помог мой «незримый перстень», постоянно дававший мне моральные силы гордиться тем, что я родился в Твери, которая, как должно было быть известно каждому мало-мальски грамотному человеку в Москве, когда-то «стояла» гораздо «выше» этой самой Москвы! Московские «князьки» ходили под Тверскими князьями! Кто же не помнит в Твери знаменитую Бортеневскую битву 1317 года между Тверской и Московской армиями, закончившейся полным разгромом объединенного войска «москвичей и татар»! В Москве, конечно, об этом сейчас мало, кто помнит или не хотят помнить, что, вполне, понятно. А вот в Твери на центральной площади города перед зданием Областной Администрации недаром в 2008-ом году установили памятник не кому-нибудь, а – Великому Тверскому Князю Михаилу, разгромившему в далеком 1317-ом году под Бортеневым «московских агрессоров».

Впоследствии, когда появился этот бронзовый всадник на центральной площади Твери, я часто подходил к нему и подолгу молча смотрел на бронзовое лицо Великого Князя Михаила, без особого труда находя в нем немало черт, несомненно сходных с лицом «краеоведа» «Твердникова», бесследно «пропавшего» в белом пламени небесного грозового разряда в тот памятный июльский день 1999-го года на берегу острова Столобный. Станный и загадочный человек был Иван Святославович Твердников, и за время нашего знакомства и недолгого полумистического общения с ним, он успел сделать главное: внушить мне неистребимое, сильное и светлое чувство местечкового патриотизма и гордости осознания того великого факта, что я являюсь коренным «Тверитянином», а – не «москвичем»...

Кто его знает, быть может, на генетическом уровне из прошлых веков передалась эта необъяснимая инстинктивная неприязнь коренных москвичей к коренным Тверитянам?! Этого обстоятельства никто уже, пожалуй, объяснить то и не сможет ни в Москве, ни в Твери...

Собственно, куда-бы, в какую-бы фирму или корпорацию в Москве я не заходил, у меня, по-моему, на лбу горело клеймо, что я родом из Твери! И это почему-то всегда действовало на моих «собеседователей» («...льниц»), как «красная тряпка – на быка!». На бесконечных «собеседованиях» в офисах тех фирм и корпораций, где проходили мои встречи с представителями работодателей по поводу возможного устройства в штат этих самых фирм, мне как-то ненавязчиво, но постоянно давали понять, что я – человек «второго сорта», так как имел несчастье родиться не в Москве, а – в Твери! Прямо мне, конечно, так не заявляли, но в расхождении «собеседователей» всегда имелся богатый арсенал мимических «грим-масок», нечаянных жестов, случайных высказываний, замаскировано подчеркивающих мою изначальную «неполноценность». Я не обижался на всех этих людей, потому что обижаться на них было бы глупо, по меньшей мере. Недаром же говорят, что: «Глупость и грубость – два родных брата!». И я давным-давно уже заметил, что по-настоящему умного человека отличает, прежде всего, естественная скромность и, не бросающееся в глаза, чувство такта. И мне в моих «московских скитаниях», пока, просто не везло, но я терпеливо ждал своей «звездной минуты», в наступлении которой никогда не сомневался.

Однажды, в очередной раз покидая приемную какой-то фирмы, закрыв за собой дверь, я услышал, как за этой дверью несдержанная на язык сотрудница, проводившая со мной беседу, обозвала меня словом «лимита». Кому-то она там «в сердцах» громко «ляпнула», комментируя мое появление: «Достала всякая „лимита“ меня „выше крыши“!». Я услышал это слово не просто, как сторонний незаинтересованный наблюдатель, а как человек, которого непосредственно наградили этим, странновато звучащим, ярлыком, переполненным сверх всякой меры и, вследствие этого, прямо-таки сочащимся нескрываемым презрением столичного жителя к «провинциалу»! Я всегда твердо верил в то, что все жители СССР, а впоследствии – России, как главной наследницы СССР, равны перед законом не только в своих обязанностях, но и – в правах тоже. Я часто вспоминаю знаменитую фразу великого русского полководца, Александра Васильевича Суворова, сказавшего с гордостью после окончания победоносной битвы при Нови, где он вдребезги расколотил французскую армию во главе с хваленым генералом Моро: «Быть русским – это так здорово!» (фактическим командующим той французской армии был талантливый генерал Жубер, но Жубер был смертельно ранен в самом начале битвы каким-то патологически метким «тирольским стрелком», и командование французами автоматически перешло к генералу Моро). Вот я, наивный «русский» из Твери, и поехал в «русскую» Москву, полный радужных надежд и не сомневающейся уверенности в том, что меня «с руками оторвут» в первой же крупной компании, специализирующейся на разработке программ и информационных систем, куда я соизволю обратиться, чтобы предложить самого себя в качестве соискателя вакантной должности, о которой я прочитал в объявлении, размещенном в СМИ.

Но не тут-то было! Все мои «собеседования» заканчивались одинаково – стоило лишь только для начала моим «собеседователям» выяснить, что я проживаю в Твери, как у них

«вытягивались» лица и «тускнел свет доброжелательства и заинтересованности» в глазах, словно бы я приехал к ним не из Твери, а только что явился из далекого среднеазиатского лепрозория, где безуспешно лечил «проказу» в течение последних нескольких лет! Я, конечно, утрирую тогдашнюю ситуацию со своими бесконечными и бесплодными поездками в столицу и сгущаю краски, но с уверенностью могу сказать, что унижений я тогда «нахлебался» «выше всякой крыши», что заставило невольно меня начать задумываться о таких вещах, о которых раньше мне, вообще, казалось «диким» думать: о своеобразной социальной «сегрегации», необоснованной дискриминации, основанной на «первобытных», оскорбляющих человеческое достоинство, критериях. Суть их, грубо говоря, сводилась к одному нецивилизованному знаменателю: «Если ты – не москвич, то ты – настоящее «быдло»! Да простят меня «истинные» коренные москвичи – интеллигентнейшие, воспитанные, добрые и хорошие люди, не имеющие никакого отношения к банальному «хамству», так широко распространенному и прочно укоренившемуся до сих пор в «офисных коридорах» не только одной Москвы, но и всей нашей необъятной Родины! Но, увы, так уж мне «везло» и я часто возвращался домой в Тверь после таких поездок в совершенно разбитом моральном состоянии. В общем, это были очень тяжелые дни – Москва «высасывала» из меня и кровь, и душу... но я был молод, здоров и, трезво оценивая свои интеллектуальные возможности, упрямо смотрел в будущее с неунывающим оптимизмом, так свойственным молодости!

И моя истовая вера в конечную удачу, в закономерный успех, в конце концов, однажды в один прекрасный день оправдала себя.

После начала моих «московских поисков» прошло несколько месяцев и однажды я оказался в районе станции метрополитена «Белорусская», «постучавшись» в «широкие ворота» очень симпатичного, построенного по индивидуальному оригинальному архитектурному проекту, пятиэтажного здания-офиса корпорации «Арктические Танкера», которые передо мной неожиданно широко и гостеприимно распахнулись! Безусловно, что шел я туда, предварительно прочитав одно из случайно попавшихся мне на глаза объявлений – но шел я туда с добрым предчувствием. Вернее, не то, чтобы с добрым – добрых предчувствий у меня в Москве никогда не возникало, а ехал я в компанию «Арктические Танкера» без ощущения полной безнадежности, какое являлось моей постоянной спутницей во время всех своих предыдущих поездок на «собеседования». Накануне моего первого предварительного посещения этой компании мне приснился первый раз в жизни самый настоящий «вещий сон»:

«...Почти безнадежно забытый, но бесконечно близкий и родной добрый седобородый Дедушка вышел из темной лесной чащи на полянку, где я его дожидался, предварительно заблудившись в этом густом лесу, и сказал он мне только два слова: «Посматривай, милоч!!! А я еще хотел уточнить у него: на кого или куда посматривать-то, Дедушка?! А «Дедушка» сдвинул в сторону густую седую бороду вместе со всей маской, закрывавшей его настоящее лицо и озорно подмигнул мне правым глазом, и я увидел, что стоял передо мной «Твердников» – «Бессмертный Воин, Ур» и сказал он мне: «Я, Александр, пока прячусь в этом лесу – Хумбаб потерял меня, и, пока опасности нет – ни для меня, ни для тебя! Тебе должно сегодня «повезти»! Я свяжусь позднее с тобой!...» и затем я проснулся, как и полагается в таких непростых веще-пророческих снах...

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Корпорация «Арктические Танкера»

...Все утро, после пробуждения, я находился под глубоким впечатлением от этого сна и, когда выбрался из подземелья метро на площадь перед Белорусским вокзалом, у меня было твердое предчувствие, что на этот раз меня не ждет очередная «пустышка». Я вспомнил слова великого Микеланджело Буонарроти: «Самая большая опасность для большинства из нас состоит не в том, что наша цель слишком высока и мы ее пропускаем, а в том, что она слишком низкая и мы ее достигаем» и был полон решимости...

Довольно быстро, потратив на поиски не больше пятнадцати минут, я нашел нужный адрес – то самое, оригинально выстроенное по, наверняка, индивидуальному проекту, четырехэтажное здание, со всех сторон окруженное высоким решетчатым забором. Рядом располагалась автостоянка, скорее всего – для автомобилей сотрудников компании. У центральных ворот толпились какие-то люди – человек десять-двенадцать: молодых мужчин и женщин. Все они были хорошо и стильно одеты и у всех у них на лицах легко читалось выражение непонятной досады, смешанной с сильной растерянностью и обидой. Я бросил на эту странноватую, как тут ни крути, выглядевшую группу удивленный взгляд, машинально подумав: уж не являются ли эти молодые люди такими же соискателями вакантной должности в корпорации «Арктические Танкера», как и я. Впоследствии я узнал, что это были, так называемые, «опоздавшие на работу» сотрудники компании. Оказывается, генеральный директор этой компании давно уже, в качестве воспитательной меры, ввел неукоснительное правило: всех, опоздавших к началу рабочего дня, сотрудников держать у ворот неопределенное время, чтобы они «прочувствовали» на «собственной шкуре» – к каким тяжелым и непредсказуемым последствиям может привести самое элементарное и, казалось бы на первый взгляд, наиболее безобидное из всех возможных нарушений «трудовой дисциплины» в виде опоздания на работу всего лишь на одну минуту. Но я, к счастью, не относился к числу этих «изгоев» и меня охранники пропустили на территорию без всяких проблем. Напоследок я еще раз оглянулся на несчастных и совершенно деморализованных «опоздавших» сотрудников, бесцельно «фланирующих» у центрального входа на территорию компании. Но я ни о чем не успел начать задумываться, так как на меня обрушились новые, совершенно нереальные, впечатления...

...Я вошел внутрь здания и, буквально, остолбенел – гигантский по площади холл или вестибюль, не знаю даже точно, как и обозвать первый этаж этой самой настоящей «пещеры Али-Бабы и сорока разбойников» несказанно поразил мое воображение. Прежде всего, я оказался «поражен» оригинальностью внутренней архитектуры московского офиса корпорации «Арктические Танкера» – «волшебная пещера» оказалась с фонтаном и обширным бассейном, занимавшем три четверти площади ее пола. Я остановился на самом краю круглого бассейна и, не веря глазам своим, уставился на многочисленных красных, синих, черно-желтых и голубовато-зеленоватых громадных теплолюбивых декоративных рыбин, неторопливо и уверенно рассекавших прозрачную подсвеченную воду бассейна всевозможными хвостами и плавниками. В мозаичном полу бассейна были вмонтированы мощные люминесцентные лампы, замаскированные под коралловые кусты, и обычные камни, поросшие водорослями. Мощность этих ламп была такова, что весь бассейн представлял собой, как бы громадный прожектор, в сфокусированном луче которого устремлялся под самый потолок «пещеры» пенистый водяной фонтан, закованный в плексигласовый цилиндр двадцатиметровой высоты с открытым раструбчатым верхом, через чьи края выбрасываемая фонтаном вода стекала обратно в бассейн поверх открытой воронки цилиндра – по его внешним стенкам. В результате в воздухе стояла влажная жара, характерная, видимо, для экваториальных джунглей Центральной Африки или Южной Америки. Под теплой осенней курткой, шерстяной рубашкой и новыми, специально купленными мною для этого собеседования, хлопчатобумажными джинсами, все тело

мое покрылось мириадами бисеринок пота. Так что я торопливо расстегнул куртку и, не удовлетворившись этим, вообще снял ее и перекинул для удобства в левую руку.

Краем глаза я видел, что рослый охранник из собственной службы безопасности молча стоит справа и чуть сзади от меня и внимательно за мной наблюдает, ожидая, видимо, каким образом я прореагирую на все это, представшее моим глазам необычное, почти волшебное, великолепие. Я догадался, что охраннику приятно мое искреннее изумление увиденным и, уже, хотел повернуться к нему лицом и сказать что-то типа: «Да у вас здесь, просто, настоящая фантастика!!!», как внезапно принципиально новое движение на поверхности бассейна-проежктора отвлекло меня от невольного желания сделать комплимент охраннику – я увидел самодвижущуюся, искусно изготовленную, модель теплохода-танкера. Танкер плыл по направлению ко мне откуда-то с «того берега» бассейна и мне показалось, что я, даже, слышу мерное тарактеное дизельного сердца танкера. Вот тут уж я не выдержал и присвистнул довольно громко, так как членораздельных слов у меня для выражения неподдельного восхищения просто-напросто не оказалось!

– Нравится?! – не выдержал тоже игры в «молчанку» и вслух поинтересовался у меня охранник.

– Это – фантастика!!! – сказал я именно те слова, которые охранник и ожидал от меня услышать. – Когда я сюда подходил и увидел со стороны ваше офисное здание, то и предположить не мог, что внутри тут меня ждет самая настоящая сказка из «тысячи и одной ночи»! Только вот самой Шахеризады не хватает для полного счастья!

– Не волнуйся – будет тебе и «Шахеризада», и, даже, не одна, если тебя, конечно, возьмут на работу в нашу компанию! – сказал охранник, протянув мне руку со словами: – А мне почему-то кажется, что тебя возьмут! Меня зовут Александр – Александр Богнар!

– Александр Черкасов! – пожимая своему теске руку ответно представился я, и задал ему, вполне естественно прозвучавший вопрос: – А почему ты думаешь, что меня примут на работу в вашу компанию?!

– Ну, во-первых, потому, что, судя по выговору, ты – не москвич! Я прав или нет?!

– Прав на все сто процентов! Я – не москвич! Я – «тверитянин»! – последнее слово я выделил особенным образом с таким выражением, что «тверитянин» прозвучало у меня, как – «марсианин».

– Тем более! – удовлетворенно воскликнул Александр. – К «тверитянам» наш босс, вообще благоволит! А москвичей, особенно, «коренных», он «на дух» не переносит, а почему – не знаю!

– А он, ваш босс сам то, что – не москвич?!

– Нет, он – «питерец»!

– Тогда это объяснимо! – рассудительно сказал я.

– Почему? – спросил Александр.

– У коренных «питерцев» и коренных «москвичей» со времен Петра Первого на генетическом уровне формировалась взаимная «нелетальная» неприязнь, основанная на духе стратегического соперничества между «двумя столицами»!

– Ну это ты, друг, конечно, глубоко «копнул»! – раздумчиво протянул мой собеседник и добавил: – А, может, ты и прав?!

– Но ведь дело-то, все-таки, прежде всего, ведь, в профпригодности, а – не в, так сказать, происхождении! «Встречают-то по «одежке», а провожают – по «уму» – так у нас, кажется, в народе говорят!

– Ладно, Александр – заболтались мы тут с тобой, а тебя же уже, по-моему, давно ждут на собеседование! – спохватился вдруг охранник, к которому я и, сам не знаю, почему, начал с самого начала знакомства испытывать необъяснимое доверие. – Пойдешь вдоль бассейна, мимо «пристани», увидишь сразу за «пристанью» двери лифта, поднимешься на второй этаж,

найдешь «двести пятый» кабинет и там с тобой проведут «собеседование» на предмет твоей «профпригодности»!

– Мимо – какой «пристани»?! – уточнил я, одновременно поймав себя на мысли, что если я благополучно «пройду» «собеседование», то в этой удивительной Компании мне придется привыкать ко многому новому и необычному.

– Макет пристани «Мурманского морского пароходства»! Там у игрушечных причалов пришвартованы все двадцать два танкера, принадлежащих нашему боссу. Один из танкеров в честь твоего прибытия на собеседование «запустили» поплавать по бассейну, чтобы ты, как будущий сотрудник Компании, по достоинству оценил все ее возможности, масштабы и перспективы! Давай – счастливо тебе «пособеседовать», а я пошел в холодильник мясо нарубить – скоро надо будет рыб кормить! – кивнул он в сторону причудливо окрашенных пучеглазых обитателей бассейна, собравшихся большой, беспокойно «дергающейся» стаей, у того края бассейна, где стояли мы с Александром. Видимо, его и других охранников коренные обитатели бассейна знали, так сказать, «в лицо».

– А какое мясо они едят?! – вовлекаясь в достаточно странноватый разговор поинтересовался я.

– Баранину – австралийскую баранину! – искренне удивил меня своим ответом Александр. – Они ничего не едят кроме австралийской баранины, потому что сами родом из Австралии!

– Тогда логичнее их было бы кормить «кенгурятиной»?! Ты не находишь, Александр?!

– На «кенгурятину» даже бы у нашего босса денег не хватило! – рассмеялся мой новый знакомый, явно довольный моей шуткой, относившейся к числу тех шуток, в которых заключалась «большая доля правды».

– Чудно тут у вас! – только и мог я сказать, распрощавшись со словоохотливым Богнером и отправившись по, указанному им направлению в кабинет номер двести пять, где со мной, дожидавшийся меня и неизвестный мне, референт должен был провести «собеседование» на «предмет моей профпригодности» в корпорации «Арктические Танкера».

На «том берегу» бассейна я действительно увидел макет огромной пристани, к причалам которой было пришвартовано два десятка танкеров точно такого же размера, что и плавал сейчас по поверхности бассейна. Несколько игрушечных железнодорожных путей вело к портовым дебаркадерам откуда-то из цветной полумглы огромного холла. На путях неподвижно стояло несколько десятков нефтеналивных железнодорожных цистерн. По периметру территории порта торчало несколько сторожевых вышек, оснащенных прожекторами – прожектора горели, создавая полную иллюзию самой настоящей полноценной жизни из какого-то иного, сюрреалистического мира.

Мне, даже, сделалось немного «не по себе» и я ускорил шаги по направлению к видневшимся невдалеке никелированным дверям лифта. Лифт оказался свободен и через минуту поднял меня на второй этаж, где я и покинул лифтовую кабину прямо напротив двери, с изображенными на ней цифрами – 205.

Все здесь, в корпорации «Арктические Танкера» было точно продумано и просчитано до самых мельчайших мелочей. Направо и налево от меня тянулись точно такие же входные двери в рабочие кабинеты, в потолках горели неоновые лампы, дававшие мягкое, не режущее глаза, освещение, а пол коридора покрывало, заметно пружинившее под ногами покрытие, напоминавшее только-только подросшую зеленую газонную травку. Другими словами, я попал в очень дорогое и комфортабельное помещение, говорившее о несомненном процветании той Компании, которой оно принадлежало.

Я осторожно постучался в дверь и открыл ее, сразу задав вопрос вежливости:

– Разрешите?!

– Входите пожалуйста! – пригласила меня хорошо поставленным приятным голосом молодая женщина симпатичной наружности, сидевшая за столом из красного дерева, установленным прямо напротив входной двери.

– Вы на собеседование?! – спросила она.

– Совершенно верно! – радостно подтвердил я.

– Черкасов, Александр Юрьевич?!

– Так точно! – еще более радостно сказал я, не понимая, собственно, чему так сильно и необъяснимо радуюсь.

– Вы – не «москвич»?!

– Да Бог с вами – конечно же не «москвич»! По мне разве не видно?!

– Это очень хорошо, Александр Юрьевич, что вы – не «москвич», потому, как... (она сделала паузу, а я, почему-то невольно затаил дыхание) ваши шансы попасть в дружный коллектив нашей Компании сразу резко подскочили вверх, примерно – на целых пятьдесят процентов! Присаживайтесь пожалуйста поудобнее! – и она указала на пластиковое кресло для посетителей, стоявшее по другую сторону стола прямо передо мной.

Я осторожно присел на самый краешек предложенного кресла и выжидающе посмотрел на хозяйку кабинета «номер двести пять».

– Меня зовут Маргарита Николаевна – я референт Компании по собеседованию с кандидатами на вакантные должности нашей Компании! Сейчас вы мне заполните несколько анкет! – и с этими словами она перебрала по полированной поверхности стола, приблизительно, с дюжину белых листков бумаги, на каждом из которых оказалось напечатанным по целой колонке вопросов. – И по результатам ответов, которые вы дадите на, предложенные вам вопросы, мы составим первое мнение о вас. Впрочем, я почему-то заранее уверена в том, что мнение это окажется благоприятным!

Я покинул кабинет Маргариты Николаевны спустя полтора часа. Она меня заверила, что позвонит мне завтра в двенадцать часов дня и уведомит о результатах проведенного предварительного тестирования.

Я вновь, не без замиранья сердца, какое возникает у любого человека, неожиданно-негаданно попадающего в «настоящую сказку», прошел вдоль «берегов» «судоходного» бассейна (неподвижные, сильно отяжелевшие, сытые рыбы сонно шевелили плавниками у самой поверхности), попрощался с охранником и, с «легким сердцем» и «поющей душой», отправился к себе на квартиру (если быть точнее комнату в двухкомнатной квартирке), которую снял, буквально, накануне моего трудоустройства, в районе метро Измайловская, в девятиэтажном доме, стоявшем на самом краю, мало кому известной в Москве, Площади Соловецких Юнг.

На следующий день, ровно в двенадцать часов, как и было обещано, мне позвонила Маргарита Николаевна и сообщила, что меня берут на работу, и, чтобы завтра я без опозданий, был у неё в кабинете ровно в восемь утра, откуда она проведет меня на беседу к самому Генеральному Директору компании «Арктические Танкера», Кулинкову Николаю Владимировичу!..

...Охранник Александр Богнар меня не обманул – хотя и головной офис этой компании располагался почти в самом центре Москвы, ее владельцем оказался уроженец Санкт-Петербурга, подобравший себе в штат самым тщательным и скрупулезным образом «стопроцентно» «питерскую» команду. Владельца корпорации «Арктические Танкера» звали, как я уже сказал, Кулинков Николай Владимирович и, будучи «питерцем», он и набрал коллектив сотрудников для своей компании только из уроженцев «северной столицы». Не то, чтобы он, будучи одним из талантливейших российских предпринимателей, (на тот момент шел 2001 год,) по каким-то причинам не доверял «москвичам», но, на уровне интуиции, рождаемой специфическим «ленинградским» («питерским») менталитетом, твердо взял себе за неукоснительное правило не пользоваться услугами коренных жителей Москвы. Не знаю, как корректно объяснить этот парадокс взаимного неприятия двух столичных российских «менталите-

тов», но, не будучи профессиональным социологом, психологом и конфликтологом, могу лишь высказать свою личную, ни на что не претендующую, точку зрения частного лица: военная «блокада», безвременно отправившая полмиллиона ленинградцев на Пискаревское кладбище наложила свой глубокий характерный отпечаток на менталитет жителей «северной столицы», сделав их гораздо более «человечными», чем жителей Москвы. Я, ни в коем случае не хочу ума-лить «человечность» миллионов простых москвичей, но психология «питерцев» показалась мне более «гибкой», «тонкой» и «разнообразной», чем психология москвичей, частенько укутанная «броней» не рассуждающей, слепой, высокомерной, чисто «столичной» спеси. В любом случае, в корпорации «Арктические Танкера» меня приняли на работу – с «первого захода» и безо всяких, больно ударяющих по моему здоровому самолюбию, проволочек и «заморочек», если не считать пяти собеседований!

Меня взяли инженером в отдел связи АСУ и ЭРН департамента безопасности мореплавания и систем качества корпорации «Арктические Танкера». Эта должность для такого молодого специалиста, каким являлся я на ту пору, как мне тогда казалось, являлась великолепным трамплином для затыжного прыжка по самой высокой амплитуде напрямик в «светлое будущее», где меня, в принципе, не могли поджидать ни какие стратегические проблемы, ярко выраженного негативного характера! Я был уверен в том, что меня поджидал «Рай на Земле», и я совсем не чувствовал «запаха серы»! До появления этого зловещего запаха в моей жизни было еще очень и очень далеко!...

Николай Владимирович Куликов относился к числу тех русских людей, про которых принято говорить: «На таких, как он, Россия держится!». Могу смело еще раз сказать, что мне очень крупно повезло, когда меня взяли в качестве инженера отдела АСУ, возглавлял которую неординарный, талантливый и супер-энергичный Николай Владимирович Куликов, для которого был, прежде всего, характерен нетривиальный подход к решению важнейших «бизнес-задач». Я проработал под его руководством около трех лет, и весь этот срок не переставал удивляться «парадоксальности мышления» этого, не побоюсь сказать, выдающегося и удивительного человека. Наша первая личная с ним встреча запомнилась мне на всю жизнь – она состоялась, согласно принятым и неукоснительно соблюдавшимся правилам в корпорации «Арктические Танкера» в первый же день моего официального пребывания на работе в штате Компании. Мой «добрый ангел», моя «собеседовательница», референт Компании, Маргарита Николаевна лично проводила меня в рабочий кабинет к Генеральному.

Скажу сразу, что, встретившись взглядом с Николаем Владимировичем Куликовым, я моментально почувствовал на своих плечах, физически ощущаемый вес огромной ответственности – я сидел перед гипнотизером высочайшего класса, настоящим «Магом» с большой буквы «М»! Помню я еще подумал невольно: «Найдется ли во всей нашей России человек, обладающий большей ментальной мощностью, нежели, сидевший сейчас передо мной Генеральный Директор «Арктических Танкеров»?!» Куликов легко прочитал мое душевное состояние, отражавшееся на моем лице, и соизволил спуститься до одного со мной уровня, побеседовав со мной несколько минут вполне человеческим языком. Скорее всего, я произвел на него благоприятное впечатление, что положительно сказывалось на наших с ним отношениях все три года, проведенные мною в корпорации.

Вечером того же дня, приехав к себе на квартиру в районе Площади Соловецких Юнг, я позвонил Павлову и рассказал ему о своем успехе. Борис Дмитриевич поздравил меня с устройством в эту компанию, но посоветовал быть осторожнее, и, в случае возникновения каких-либо трудностей, обязательно бы сообщал о их характере, лично ему, а он, уже, если посчитает нужным, незамедлительно «переправит» информацию о возникшей у меня проблеме, «выше по инстанции»! Какую, вот только он имел ввиду «инстанцию», я так и не понял!

Устроившись в корпорации «Арктические Танкера», я, как было упомянуто выше, уже снимал комнату в двухкомнатной квартирке в районе, мало кому известной в Москве, так называемой Площади Соловецких Юнг на 16-ой Парковой улице. Чтобы добраться оттуда до моей новой работы, располагавшейся в районе метро Белорусская, мне приходилось очень рано вставать. Дело заключалось в том, что мне не просто нужно было доехать до места моей новой работы, а мне обязательно было необходимо попасть туда вовремя, ни в коем случае не опоздав ни на минуту. Николай Владимирович Кулинков очень не любил тех, кто опаздывал, считая их, если можно так сказать, «потенциально опасными элементами» для своей корпорации и для себя лично, как владельца этой корпорации. Я уже рассказал читателю, что сотрудникам корпорации, опоздавшим хотя бы на пять минут к началу рабочего дня, приходилось, скажем прямо, «туго» – психологически крайне некомфортно! Всем опоздавшим выпадало малоприятное испытание стоять перед входом иногда по полчаса, иногда – по часу, невзирая на «снег или дождь» и терпеливо ожидать «высокой милости», когда их «соизволят» впустить внутрь. К несомненному моральному унижению добавлялись, естественно, солидные денежные штрафы, вычитаемые из зарплаты сотрудника, имевшего несчастье опоздать на работу. Поэтому, моментально уразумев: «что к чему?!», я взял себе за правило лучше приезжать в офис за час до начала рабочего дня, чем потом час ждать в «униженно-и-оскорбленном» состоянии, когда тебя впустят внутрь и, вообще – впустят ли вообще?!...

Работы, скажем прямо, у меня было много, и – работы очень ответственной. Помню на меня произвели неизгладимое впечатление плоские пятнадцатидюймовые жидкокристаллические мониторы и брендовые американские компьютеры, имевшие приличные габариты и изрядный вес (каждый такой процессор «тянул» на добрых полтора пуда). Эти бесконечные «перетаскивания тяжестей», конечно же, представляли собой серьезные издержки «работы на новом месте». В первые месяцы работы на новом месте я похудел почти на одиннадцать килограммов, постоянно перетаскивая эти «суперкомпьютеры» с одного этажа на другой (по мере надобностей сотрудников компании в этих компьютерах, которых, к сожалению, не хватало на всех). Худел я, возможно, вполне допускаю, не только из-за ежедневных больших физических нагрузок, но и – из-за постоянных «нервных встрясок», вызываемых откровенно «волюнтаристским» стилем руководства Генеральным директором и владельцем компании, человеком, прошедшим «школу» КГБ, Кулинковым.

Безусловно, что обязанности грузчика были для меня не основными, и главной моей «рабочей темой» являлась ответственная задача по внедрению системы электронного документооборота, как в головной, так и во всех дочерних «арктических» компаниях. Могу с гордостью сказать, что более высокого уровня автоматизации, чем тот, что был достигнут стараниями нашего отдела АСУ, мне потом так и не довелось встретить, где бы я ни работал.

Фактически я нес ответственность за качество, порученной мне работы лично перед генеральным директором корпорации, и, не дай Бог, если бы я, вдруг, счел возможным отнестись халатно к распоряжениям, спускаемых непосредственно и лично мне с самого «верха»! Для наглядности приведу один пример, который наиболее выпукло и ярко характеризует специфику моей работы и показывает некоторые черты и стиль работы такой эксцентричной личности, какой являлся Николай Владимирович Кулинков.

Вскоре после того, как я защитил кандидатскую диссертацию и превратился, таким образом, из «простого смертного» в полноценного «кандидата технических наук», Николай Владимирович вызвал меня однажды к себе в рабочий кабинет (рабочий кабинет Кулинкова требует специального описания, ввиду необычности своей внутренней отделки и архитектурного планирования; вернее – не кабинет, а – кабинеты: Московского офиса компании и Санкт-Петербургского офиса) в авральном порядке и, не тратя попусту время, ясно, четко и лаконично объяснил мне суть той важной и срочной задачи, которую он решил мне поручить.

– Александр Юрьевич! Я полагаю, что вы прекрасно понимаете, отчего, в первую очередь, зависит процветание нашей компании?!

– От профессионализма наших сотрудников! – не задумываясь, ответил ему я первое, что пришло мне в голову.

– От количества нефти! – оставив без внимания мою, чисто «совковскую», ремарку сам себе ответил Куликов на заданный им же вопрос, выразительно посмотрев на меня тяжелым взглядом чем-то слегка озабоченного настоящего «магрибского колдуна». – От количества той, еще не выкачанной из-под земли, нефти, которая юридически закреплена за «Корпорацией «Арктические Танкера». И, само собой, что лично я, как генеральный директор корпорации «Арктические Танкера» очень заинтересован в постоянном открытии все новых и новых месторождений «больной крови Земли» – нефти! Мне приходится тратить большие средства на геологоразведку, и, естественно, мне бы хотелось быть уверенным в том, что геологоразведчики не занимаются спортивным туризмом за мой счет, а они занимаются делом – ищут и, главное, находят нужную мне нефть.

Само собой, что история развития «нефтеразведки» насчитывает более ста лет и за такой срок специалисты научились с вероятностью, приближенной к ста процентам по целому ряду неоспоримых признаков, определять местонахождение богатых нефтяных месторождений! – он внезапно умолк, посмотрев в дальний конец оранжереи, засаженной густым тропическим кустарником (забыл сказать, что наш разговор происходил в «оранжерейной» части «кабинета» второго этажа), покачался несколько секунд с «пятки на носки» и, своим фирменным взглядом «магрибского колдуна» посмотрев мне прямо в глаза, спросил у меня:

– Вы когда-нибудь слышали про, так называемый «метод Гоха», Александр Юрьевич?!

– Признаться – впервые слышу об этом методе сейчас от вас, уважаемый Николай Владимирович! – честно ответил я, настороженно глядя на своего шефа, непредсказуемость поведения которого давно уже стала чем-то вроде «притчи во языцах» у сотрудников корпорации «Арктические Танкера».

– Сам Гох Виктор Анатольевич, капитан первого ранга ВМС СССР, как вы поняли, не является личностью «мифической», но вот метод его – пресловутый «метод Гоха» в этом плане стоит под большим вопросом. Мне необходимо срочно выяснить: можно ли его эффективно применять на практике нефтеразведки?!

Сегодня у нас пятница на дворе, так вот, Александр Юрьевич, мне необходимо точно выяснить до утра понедельника: можно ли смело взять «метод Гоха» за основу новой методики нефтеразведки нашей Компанией?! Необходимо сравнить основные принципы «метода Гоха» с соответствующими принципами методов традиционной отечественной и мировой геологоразведки и дать свое компетентное заключительное мнение: какой из этих двух методов наиболее эффективен и есть ли смысл дальше нашей компании содержать дорогостоящий штат «геологоразведки»?! Ваш высококвалифицированный отчет по этому вопросу должен лежать не позднее девяти часов утра в понедельник у меня на рабочем столе! Вам ясна ваша задача, которую я перед вами только что поставил, Александр Юрьевич?!

– Ясна, Николай Владимирович!

– Вы справитесь с этой задачей за, оставшиеся у вас двое с половиной суток?!

– Справлюсь, Николай Владимирович! – уверенно ответил я, хотя, на самом деле, никакой уверенности внутри себя не ощущал, так как пока не имел никакого представления: о чем, вообще, идет речь!

– Отлично – я нисколько в вас и не сомневался, Александр Юрьевич! – сказал он мне таким удовлетворенным тоном, как будто этот самый, «высококвалифицированный отчет», который я должен был ему сделать до утра понедельника, уже лежал у Куликова на рабочем столе.

Затем мы с ним покинули «оранжерейную» секцию его личных рабочих апартаментов и прошли в ту их часть, где располагался обширный рабочий стол Николая Владимировича, «срубленный» из безумно дорогого и неизвестного мне сорта древесины какого-то экваториального растения не то из Африки, не то из Южной Америки. Безусловно, что по своей рыночной стоимости и качествам свойств древесины он безнадежно уступал «священным шумерийским кедром», охраняемых когда-то Хумбабом, но, тем не менее, рабочий стол Кулинкова по стоимости равнялся, как минимум – двум-трем захудалым деревенькам откуда-нибудь из лесной глубинки той же Тверской области! У Николая Владимировича был отменный эстетический вкус и имелось необходимое количество финансовых средств, чтобы этот «вкус» превратить на практике.

Николай Владимирович взял с поверхности баснословно дорогого стола толстую папку и медленным движением протянул ее мне, со словами:

– Здесь вы найдете несколько десятков аэрокосмических фотографий, сделанных с высоты от двухсот до четырехсот километров новейшим российским научно-исследовательским спутником и подробные пояснения к каждой фотографии. За все эти фотографии и пояснения к ним мне пришлось выложить весьма приличную сумму в долларах США. К понедельнику, Александр Юрьевич, я должен точно знать: впустую или не впустую я «выложил» эти деньги и стоит ли этой, затраченной мною на него суммы, расшифрованный секрет «метода Гоха», подробную расшифровку которого я вам и вручаю! Займитесь только этим и ничем больше!

Последующие двое с половиной суток, делая непродолжительные перерывы на необходимый ночной сон я занимался в очень напряженном и интенсивном темпе, исключительно «раскодированием» этого самого, широко разрекламированного, пресловутого «метода Гоха» и, параллельно – сравнительным анализом его структуры с традиционными методами «нефтеразведки», применяемой всеми обычными геологоразведочными партиями, как России, так и других стран мира.

Уже поздно вечером в воскресенье я пришел к неопровержимому выводу (естественно, проверив его и перепроверив несколько раз), что «метод Гоха» – мифологическая фальсификация, в отличие, разумеется, от самого капитана первого ранга, Виктора Анатольевича Гоха, к которому, несмотря на явный научный авантюризм, свойственным его теориям, я проникся невольным уважением, изучив, посвященные ему данные, найденные мною в сети Интернет.

Утром в понедельник мой отчет, оказавшийся в последствии абсолютно верным, лежал на рабочем столе «магрибского колдуна», фактического хозяина корпорации «Арктические Танкера» и Мурманского Пароходства, Николая Владимировича Кулинкова. Николай Владимирович был полностью удовлетворен результатами моих «форс-мажорных» изысканий. Вот тогда-то он, наверное, и поверил в мои способности окончательно. Во всяком случае, как мне кажется по прошествии десятка лет, прошедших после моего увольнения из корпорации «Арктические Танкера», он ясно различил во мне способность не удивляться его, мягко говоря, нестандартному подходу в решении самых сложных задач, которые перед ним постоянно ставила сама жизнь.

Вот, например, взять тот же пресловутый «метод Гоха», за «секрет» которого Николай Владимирович выложил тому же Гоху весьма кругленькую сумму в «зеленых». Этот случай достаточно красноречиво характеризует, в свою очередь, «метод» самого Кулинкова – его «жизненный метод». Пока он дышит, видит, слышит и ощущает, он старается делать одно самое главное дело в жизни своей – жадно исследовать это самое чудо – дарованную ему жизнь, лихорадочно пытаюсь понять ее основной смысл во всей его многогранной красоте и глубине. Деньги ему нужны были всегда только для одного: «как средство достижения цели», а – не как инструмент для добывания еще большего количества денег. Наверняка, Николай Владимирович, прежде чем «отвалить» приличный куш капитану первого ранга в отставке, пожилому

«чудаку-изобретателю «вечного двигателя», Виктору Гоху, прочитал и просмотрел все, что возможно касательно «метода Гоха», внимательно и объективно изучил все «мнения» об этом «методе» и решил, в итоге, проверить «лично» уровень практической применимости в геологоразведке «метода Гоха». Видимо, интуитивно что-то Кулинка привлекло в рассуждениях и расчетах «сумасшедшего капторанга» – какая-то таинственная деталь, напрочь ускользнувшая от внимания всех остальных «оппонентов» пожилого севастопольца, заставившего заговорить о себе, практически, всю Россию! Полагаю, что Кулинка увидел в Гохе родственную душу «отчаянно смелого экспериментатора и исследователя». А в самом его «методе» Кулинка пленила сама «красота идеи» – по одним лишь внешним признакам ландшафта искать «чистую холодную воду в жаркой бесплодной пустыне» и – золото или нефть там, где его не может быть в принципе, но, тем не менее, оно там залегает в неизмеримых количествах и его только нужно обязательно суметь найти первым, «обскакав» более чем вероятных конкурентов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.